

Путешествие по святым местам русским.

Часть 2

Андрей Николаевич Муравьев

[Часть 1](#) * [Часть 3](#) * [Часть 4](#)

Муравьев, Андрей Николаевич (1806–1874) – православный духовный писатель и историк Церкви, паломник, путешественник, драматург, поэт. Вниманию читателя предлагается вторая часть книги А.Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским. От Софии Киевской до Софии Новгородской», в которой описываются не просто впечатления путешественника, а личные переживания искренне верующего человека, талантливого и эрудированного ученого. Посещение всех мест сопровождается как подробным описанием увиденного, так и историческим экскурсом. Настоящее иллюстрированное издание дополнено современными справками, из которых читатель может узнать о дальнейшей судьбе описанных мест. В книгу вошли подробные описания святынь древнейших русских городов. Данное издание раскрывает этого духовного писателя как паломника и историка Церкви. «С умилением и невольной завистью прочли мы [эту] книгу...» – так отзывался А.С. Пушкин о первом издании (1832 г.) знаменитой книги, которая полюбилась русскому человеку и благодаря которой высшее общество России начала XIX обратилось к духовной теме. Читатель найдет в издании описание Троице-Сергиевой Лавры и Ростова Великого, Нового Иерусалима и Валаама, Киева и Новгорода, и многого, что дорого русскому сердцу. Для всех интересующихся историей Церкви и России.

Валаам

Обитель Валаамская на пустынном острове Ладожского озера давно уже привлекала мое внимание как одна из древнейших в России, и я воспользовался первым благоприятным случаем, чтобы посетить ее, заехав на перепутти в Выборг и на Иматру. В сей последней ожидал я, по описаниям, видеть другую Ниагару и удивился, когда под громким шумом водопада представились мне одни пороги – со всем тем они живописны.

Река Вокша, довольно широкая в обыкновенном своем течении, сжимается здесь в узкое русло и по отлогой покатости, наполненной камнями, с шумом стремится на расстоянии четверти версты, доколе не находит себе более просторного ложа. Утесистые, зеленые берега его покрыты с одной стороны лесом, с другой Английским садом; четыре малые беседки стоят по краям водоската; у его начала виден вдали лесистый остров, внизу же, против поворота реки, лежит на горе селение – такова Иматра.

Но дико и отраднo смотреть из нижней беседки на шумное страдание волн: с каким ужасом скачут они, одна над другою, как белое стадо испуганных овец; с каким отчаянием отрываются от пучин длинные плески, как седые локоны, которые рвет на себе терзаемый дух этой бездны; и как, наконец, его измученные дети, все изрезанные камнями, исторгшись из сего адского русла, одною широкою волною расстилаются по мягкому ложу. Если природа хотела олицетворить здесь чувство скрытого в ее недрах ужаса, она достигла цели и достала его глухим ревом бурной стихии. Человек, склоняясь над бездною, жадно прислушивается к дикому говору волн и будто хочет разобрать в порыве отчаяния одной из стихий тот дивный язык, который от него утаила природа под печатью своего безмолвного величия.

Посетив в начале весны Нарвский водопад, я имею ныне случай сравнить его с Иматрою. Обоими славятся окрестности нашей северной столицы, но воды Нарвы падают одним

широким уступом, а волны Иматры теснятся по долгому скату. Первое впечатление Нарвы сильно, как и само падение, и столько же скоротечно; впечатление Иматры продолжительно, как зрелище долгого страдания. Одинаково слышен издали рев обеих; но в Нарве – это голос гневной реки, встретившей препону; в Иматре – это вопль казни и мучения; все пусто и уныло окрест нее, как лобное место.

Напротив того, в Нарве есть жизнь и посреди бунтующей влаги; рука человеческая воздвигла там мельницу на острове, разделившем водопад, и невдалеке виден город с его двумя замками. Казалось, сама река так сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебных племени положили на берегах ее. Одинокaя башня рыцарей, вся в развалинах, как их Орден, доселе грозитcя на многобашенный Иван-город, поставленный гранию грозного Царя на рубеже Меченосцев. Между них с шумом несется бурный поток, как пронеслись с шумом великие события сих твердынь, когда умолкла кровавая между ними беседа.

Помню еще одни пороги, которые видел за несколько лет близ Умани в имении Потоцких. Они мне тогда нравились более, нежели теперь Иматра и Нарва – по новизне предмета, быть может, и потому, что беспечный юноша более утешался в то время зрелищем бурь, им не испытанных еще на житейском поприще; ныне же с сим воспоминанием сливается память невозвратимых людей и событий. От живописных порогов Антоновки и до Иматры, чрез сколько бурных порогов перекипела собственная жизнь моя! Там быстрый поток Ингульца, раздробляясь о камни между бесчисленных мельниц, с шумом подбегает под нависшие своды поросших лесом утесов, метая в них свою седую пену, как мечет по ветрам косматую гриву неукротимый конь запорожца.

Но увлеченный вновь воображением в зеленые степи Украины, я позабыл, что ныне путь мой по дикой Финляндии! Унылы места сии; мало жизни в людях и предметах; повсюду лесистые горы и глухие озера, и однообразный гранит выставляет по рубежу дороги пустынные скрижали, на коих пишет свои тайные руны мимотекущее время.

Достигнув северного берега Ладожского озера, я остановился с двумя моими спутниками в городе Сердоболе, на Валаамском подворьи, где ожидала нас монастырская лодка. Самая обитель лежит на острове за сорок верст, из коих первые пятнадцать плавание совершается по заливам. Хотя мы довольно рано пустились в путь, он, однако же, продолжился за полночь. При самом выходе из губы густой туман пал на озеро и поднялся свежий, противный ветер. Молва о ладожских непогодах колебала несколько доверенность нашу к кормчему, долго служившему на море, прежде нежели посвятил себя церкви, и он начинал уже скучать, что долго не прорезываются из туманов светлые куполы и белая колокольня. Внезапно, посреди безмолвия ночи и плывущих, духовная песнь его огласила воды; кормчий инок, двигая руль свой по угадываемому им направлению Валаама призывал себе на помощь его пустынных основателей:

«От мирского жития изшедше, отвержением же мира Христу последовасте, и достигосте великого Нева озера, и в нем на острове Валааме всельшеся, равноангельское житие пожиле есте: отонудуже веселящеся прешли к небесным чертогам, а ныне со Ангелы Владычню престолу предстояще, поминайте нас, чад своих, яже собрали богомудрии, да радостно от души вопием: радуйтесь Сергие и Германе, отцы преблаженные».

Трогательна и величественна была в сие мгновение песнь его на сумрачном озере. Скоро показалась вдали гряда островов, окружающих Валаам, а на краю оно́го Святой остров, где долго спасался в пещере св. Александр Свирский. Ветер увлек нас несколько ниже устья внутреннего протока, который разделяет самый Валаам, и мы проникли в проток, сев между малых островков, наполняющих пространное его устье. На одном из них стоит часовня во имя чудотворца Николая, и в ее стеклянном куполе горит ночью лампада, как священный маяк для выправления плывущих. Следуя по широкому протоку до его крутого изгиба, мы наконец увидели над собою сквозь зелень деревьев, поросших на гранитных утесах, белую ограду и самый монастырь, резко выделяющийся из чащи. Положение его уединенно и живописно, и, что весьма редко,

первоначальный взгляд на обитель соответствует ожиданиям. Соборный колокол ударил два часа ночи, и мы спешили отдохнуть в гостинных келлиях от бурного плаванья.

Глубокая древность покрывает неизвестностью и сомнением начала Валаамской обители, и летописи не определяют времени преподобных Сергия и Германа, коих житие даже утрачено, вероятно, по случаю частых войн Новгорода со шведами, не раз опустошавшими монастырь. Местные же предания, основываясь на словах Нестора о приходе святого апостола Андрея к славянам Новгородским, продолжают путешествие сие далее на север по Волхову, и даже Ладожским озером на Валаам, где будто бы благословил он пустынный остров каменным крестом.

Те же темные предания называют Сергия одним из апостольских учеников, с людьми Новгородскими посетившим сей остров, где крестил язычников и между ними некоего Мунга, которого предполагают быть Германом. Но вся сия повесть, извлеченная из древней рукописи «Оповесть» ничем не доказана. С большим вероятно можно отнести житие преподобных ко временам Княгини Ольги, и некоторые думают, что они были греческие выходцы, искавшие просветить Север; а в рукописном житии Св. Авраамия Ростовского видно, что обитель Валаамова имела уже в 960 году игумена Феоктиста, окрестившего из язычников просветителя Ростова, который в свою чреду пошел к югу сокрушать идолов и основал на Ростовском озере свою обитель в 990 году, всех древнейшую, по летописям. Таким образом, первая искра христианства блеснула Северу с Валаама, и остров сей был рассадником пустынножителей в полунощной стране.

По софийскому летописцу, мощи преподобных обретенны были и перенесены в Новгород при архиепископе Иоанне I в 1163 году; но тогдашнее состояние края Карельского в подданстве Швеции подало повод новейшим писателям сомневаться в точности летосчисления и относить сие событие ко времени Иоанна II, в исходе XIV века, а житие Сергия к половине оногo; но и этому предположению нет доказательств; сама неизвестность говорит в пользу древности. Обратное же

перенесение св. мощей на Валаам последовало при том же великом святителе Новгорода по миновании шведского набега в 1170 году.

Обитель была уже в полном цвете в конце XIV столетия, когда святой игумен Арсений, возвратясь с иконою Божией Матери с Афонской горы, по благословению Новгородского Владыки, Святителя Евфимия, искал уединиться на Ладожском озере и, спасаясь несколько времени на Валааме, при игумене Порфирии, по многолюдству его иноков, отошел на безмолвие в Конев необитаемый остров, где истребив требища идольские на так называемом Нове камне, основал свой монастырь.

Другой именитый отшельник заменил его на Валааме: святой Савватий пришел подвизаться от Белаозера, где был пострижен в Кирилловской обители; но увлекаемый далее на север жаждою одиночества, сей великий труженик обрел себе мысленный рай на льдах Белого моря и, одолевая вьюги его, как одолел свои страсти, нашел святых последователей на Соловецких островах.

Еще одним славным подвижником просияла пустынь Валаамская в конце XIV века. Преподобный Александр Свирский, в ранние годы возбужденный к иночеству божественным видением, бежал из дома родительского, чтобы постричься на острове от руки игумена Иоакима, и многие годы спасался в уединении святого острова, смежного Валааму, – где доселе показывают его вертеп, иссеченный в скале, – доколе не воззвал его вновь горний глас к основанию собственной пустыни в лесах, на берегу Свири и не далеко от родственного озера, где Провидение заранее указало ему место.

Столь великими угодниками прославился дикий Валаам, столь дивные обители процвели от сего благословенного корня, как ветви, пустившие от себя еще многие отрасли. Но, оплодотворяя окрестные пустыни, сам он подвергался разорениям и даже совершенному запустению. Когда в бедственное время междоусобицы шведский полководец Делагарди громил северные пределы наши, иноки Валаама и Конева, подняв мощи своих чудотворцев, бежали в Никольский монастырь Старой Ладogi, где основались надолго. Чрез сто

уже лет, монахи Белоезерские начали мало-помалу вновь устроить падшую обитель, и святые угодники преплыли снова родственные им волны, чтобы навеки успокоиться на поприще житейского своего подвига; 11 сентября празднуют их перенесение. Еще недавно одна только деревянная церковь стояла над их гробом и одинокий игумен Ефрем с двумя белыми священниками удовлетворял молитвами усердию притекающих, но в 1783 году митрополит Гавриил, плененный древнею славою Валаама и его уединением, пожелал вновь устроить обитель. По совету келейника своего Феофана, недавно совершившего восьмидесятилетний подвиг святой жизни на Новоозере, вызвал он из Саровской пустыни знаменитого добродетелями Назария, и сей новый игумен евангельскою ревностью воссоздал монастырь наружно и внутренне в прежнем благолепии.

Здания мало замечательны по новизне своей: двойная ограда келлий окружает летний собор во имя Спаса Преображения, и в нижней его церкви почивают под спудом в богатой серебряной раке мощи преподобных. Зимний собор, празднующий Успению, прилегает к ризнице и библиотеке; позади оного находится больница с приделом Живоначального источника. Есть еще на святых вратах церковь апостолов Петра и Павла и малый придел близ собора во имя Чудотворца Николая. С колокольни открывается весь лесистый остров, с другими ему прилежащими, и пространная пучина озера.

Церковь праздновала на другой день нашего приезда память благоверной Княгини Ольги. Умилительно было, на Ладожской пустыни прибегать к молитвам святой жены, обнимая мыслию все огромное царство, обязанное ей первым лучом христианства. Из собора посетили мы игумена Варлаама, который как ученик Назария, проведя 30 лет в уединении, против желания был вызван для управления обителью. Он принял нас ласково и благословил осмотреть все любопытное на Валааме в сопровождении благочинного, бывшего на нашей эскадре во время кампаний на Греческих водах. Сперва показал он нам усыпальницу, или малое кладбище, где погребается одна братия, и только изредка кто-либо из поклонников. Там, между

смиренными именами игуменов Иннокентия и Иоапаоава, наследовавших Назарию, меня изумила эпитафия, вырезанная на деревянной доске, которую от времени до времени поновляют. Кто бы ожидал встретить имя шведского

Короля Магнуса между иноками Валаама. Такова сия баснословная надпись:

На сем месте тело погребено,
В 1371 году земле оно предано,
Магнуса Шведского Короля,
Который святое крещение восприял,
При крещении Григорием наречен.
В Швеции он в 1316 году рожден.
В 1360-м на престол был возведен,
Велику силу имея и оною ополчен,
Двоекратно на Россию воевал,
И о прекращении войны клятву давал;
Но, преступив клятву, паки вооружился,
Тогда в свирепых волнах погрузился,
В Ладожском озере войско его осталось
И вооруженного флота знаков не оказалось;
Сам он на корабельной доске носился,
Три дня и три ночи Богом хранился,
От потопления быв избавлен,
Водами ко берегу сего монастыря управлен,
Иноками взят и в обитель внесен,
Православия крещением просвещен;
Потом вместо царские диадимы
Облечен в монаха, удостоился схимы,
Пожив три дни, здесь скончался,
Был в короне и схимою увенчался.

Стихи сии, судя по слогу, не старых времен, но предание о Магнусе очень давнее, и странно, каким образом могло оно храниться в течение нескольких веков, хотя летописи шведские ясно говорят, что Король Магнус II, в XIV веке несчастливо воевавший с новгородцами в Карелии, был впоследствии свергнут с престола и заключен в темницу, отколе освобожденный сыном своим Хакконом, Королем Норвегии,

утонул на берегах ее в 1372 году. В летописях же русских вписано даже его мнимое завещание, коим запрещает детям воевать с Россиею. Темные предания Валаама особенно замечательны; иноки его, как бы недовольные славою собственных великих угодников, подвизавшихся на острове, хотели иметь основателем самого Апостола, просветившего Россию, а в числе братии царственного врага ее, оружия коего некогда трепетали, и сии два сказания укоренились в их дикой пустыни под мраком средних веков.

На краю усыпальницы зашли мы в келлию, иссеченную в полутора, схимника Феодора, который был келейником игумена Назария и избран для наставления новопостриженных. Он рассказывал о благой жизни своего учителя и, по моему приглашению, взял свой посох, чтобы вместе обходить прочие пустыни, рассеянные по острову, коих числом до одиннадцати, но в четырех только живут ныне ошельники. Современники Назария, обремененные годами, уже не в силах уединяться далеко от обители; из новых же иноков немногие решаются на столь трудный подвиг. Самые настоятели не всегда и не всем позволяют идти в пустыню, ибо должно иметь много веры и духа, чтобы преодолеть скуку и страх одиночества посреди лесов, и зимние непогоды в убогих хижинах, и скудость пищи, состоящей только из хлеба и корней или плодов. Но еще труднее им побеждать внутренние помыслы и тонкие искушения врага духовного, иногда увлекающего их к гибели уверением в собственной их святости или отчаянием в спасении. Горькие примеры сих двух опасных состояний души являлись между пустынниками Валаама, и некоторые из них заплатили жизнь за свою самонадеянность.

Еще недавно 70-летний схимник, многие годы подвизавшийся в пустыне, начал в последнее время избирать странные пути для большего умерщвления плоти: недалеко от келлии устроил он из веток на вершине высокой сосны листовенную хижину, куда, несмотря на свою дряхлость, ежедневно лазил для молитвы. Игумен, опасаясь, чтобы он не упал, запретил ему сей род упражнения, но схимник, повинувшись только наружно, не смирился духом и, переменяв пустыню, стал

помышлять о новом каком-либо необитаемом приюте. Братия, не видя его в церкви уже несколько праздников, на которые обязаны ходить и самые отшельники, беспокоилась о его участи, ибо он однажды говорил, что хочет устроить нечто дивное; наконец, два послушника, закидывая сети на берегу протока, увидели в воде разбитое тело схимника. Стараясь иссечь себе келлию на неприступном утесе, он поднялся к его вершине по ветвям соседнего дерева и начал уже долбить камень, но кружение головы низвергло его в пропасть.

Я спросил схимника Феодора: каким образом спасались отшельники во дни Назария? Он отвечал мне, что игумен, зная всю трудность сего подвига, ибо сам сперва жил вне монастыря в пустыне, строго велел схимникам приходить исповедовать друг другу все малейшие помыслы, какие только возникнут во глубине их сердца, дабы не дать созреть им в одиночестве к гибели душевной. Бывали такие случаи, что из любви к ближнему, отшельники иногда силою принимали в заключенной келлии своих братьев, когда они, возносясь умственно, начинали чуждаться всякого сообщения, почитая себя уже на высшей степени созерцания, и заставляли их сознаться в своем обольщении. Из скромных речей престарелого Феодора видна была его опытность в духовной жизни, полагавшая смирение основным камнем пустынной келлии.

После гостеприимной трапезы продолжали мы осматривать пустыни, следуя в лодке по каналу, который разделяет остров на два: Валаамов собственно и Скитский. Оба вместе имеют до тридцати верст окружности и поросли глухим лесом; около них еще несколько островков принадлежат монастырю, доставляя ему обильный сенокос. Домашний скот запрещен на Валааме, и там нет другого зверя кроме оленей, забежавших по льду с Финского берега. Один из них, в бедственном положении, был прибит бурей на льдине и гостеприимно принят иноками; но игумен, опасаясь слишком развлечь их сею внешнею забавою, велел пустить его в лес, где он скоро одичал. Отшельники иногда только встречают оленей в чаще леса или с пустынного берега видят, как хитрые львонцы таскают из воды рыбу,

принесенную весенними льдами, и вот единственные жители, разделяющие с ними дикое уединение.

Так живописны утесистые берега протока, поросшие соснами, кленом и березою, так разнообразны их зелень и виды, что нам казалось, мы плывем посреди величественного сада, в коем искусство воспользовалось местными красотами природы и, по своей прихоти, направило изгибы водяной стези. В роще Скитского острова, на возвышенной поляне, нашли мы малую церковь Всех Святых и около нее несколько хижин, составляющих скит неусыпаемых. Там никогда не прерывается чтение псалмов, и восемь отшельников сменяются каждые два часа. Сия малая пустыня устроена игуменом Назарием для ищущих совершенного покоя, при самой строгой жизни, в подражание знаменитой обители Царьградской святого Маркелла. Церковь была отперта, и слышался внутри нее томный голос чтеца; бледный, изнуренный, он стоял перед аналоем. Мы вошли тихо, – не заботясь о живых, он продолжал Псалтырь за усопших.

За версту от скита, в лесу и болоте, посетили мы еще одного отшельника в келлии, принадлежавшей прежде игумену Варлааму, где он оставил в наследство новому ее жителю гроб, им самим устроенный, для временного отдыха при жизни, для вечного – по смерти. В летнее время множество комаров не дают минуты покоя в этом приюте; но пустынный уверял нас, что они ему полезны, ибо высасывают всю лишнюю кровь.

Вечером возвратясь в монастырь, мы снова посетили игумена. Я говорил ему о новой келлии, которую строит он для себя близ скита, ибо старец, скупая настоятельством, жаждал только безмолвия пустынного. Отклоняя речь о самом себе, игумен завел беседу о душевной пользе уединения. Когда же, рассуждая о различных путях ко спасению, я сказал, как оно трудно – «согласен, что трудно, – отвечал он, – но и стыдно, если не спасемся; ибо какой ответ дадим пред язычниками, во мраке жившими до искупления, – мы, столь ярко озаренные светом Евангелия, которое во всяком быту открыло нам пути к Царствию?» В подтверждение своей беседы игумен предложил мне житие своего Ангела, пустытника Варлаама, и обращенного

им Царевича Иоасафа, и я вкратце влагаю здесь сие прекрасное сказание Св. Иоанна Дамаскина.

В Индии, где проповедь апостола Фомы посеяла первые семена христианства, восстал нечестивый царь Авенир; жестокими гонениями старался он искоренить в областях своих благие начала веры и принудил христиан бежать в горы и пустыни. У него родился прекрасный младенец Иоасаф, и собранные волхвы все обещали новорожденному светлое царство: один только из их числа предвещал, что не земное царство назначено будущему покровителю христиан. Огорченный царь велел заключить сына в уединенный дворец, под строгим запрещением не открывать ему о существовании христиан, и, чтобы не огорчить юной души зрелищем житейских бедствий, он воспитывал его в неведении недугов и смерти, удаляя, при малейшем признании грусти или болезни, юношей, избираемых для его развлечения.

Но когда с годами постепенно развивались понятия Царевича, он начал скучать своим заключением и упросил слабого родителя дозволить ему взглянуть на мир. Тщетно царь велел показать ему во всем блеске и торжестве столицу, при кликах народных, при мусикийском хоре; вопреки мерам человеческой предосторожности Иоасаф нечаянно встретил на стогнах сперва слепого и прокаженного, а потом дряхлого старца и, любопытствуя об их участи, с ужасом узнал горькую истину – что каждый может подвергнуться подобным бедствиям и что предел старости есть смерть, часто постигающая и юношей. Пораженный сею вестью Царевич, возвратясь в чертоги, стал тосковать о непрочности всего житейского и, невольно переносясь мыслями за пределы сей жизни, испытывал у друзей своих, нет ли какого-либо другого мира в вознаграждение за суеты здешнего? Тогда один из них, подвижный состраданием, открыл ему, что есть люди, проповедующие о блаженствах грядущей жизни, и что страх обращения к их вере был виною столь долгого его заключения. Иоасаф пламенно возжелал беседовать с ними.

В сие время спасавшийся в Индии пустынный Варлаам, свыше извещенный о благом расположении Царевича,

возложил на себя подвиг просветить его христианством. В одежде купеческой проник он во дворец и просил у ближайшего царедворца дозволения видетсья с Иоасафом. «Я имею, – говорил старец, – драгоценный камень для вашего владыки, исцеляющий от всех недугов, душевных и телесных, и ему одному только могу показать его, ибо камень сей ослепляет тех, которые нечисты сердцем». Допущенный к юному затворнику Варлаам втайне открыл ему о бытии Божиим, о создании мира и высокой цели человечества, описал горькое его падение и дивное искупление чрез посредничество Богочеловека и обещал грядущую вечную жизнь взамен странствия на земле. Восхищенный сим божественным учением Царевич уразумел, что драгоценный камень пустытника есть сам Христос, и немедленно просил крещения. Радостный старец совершил сие великое таинство и, исполнив его духовным утешением, удалился в пустыню. «Сын Небесного Отца, – сказал он сиротеющему юноше, – мы еще свидимся в сей жизни».

Но царедворец, испуганный обращением Иоасафа, который тщетно хотел просветить его христианством, помышлял только об избежании заслуженной казни и заблаговременно сам во всем признался Авениру. Разгневанный Царь послал избить всех пустытников в своей области, чтобы в их числе погиб и Варлаам, но воины не могли найти его вертепа. Тогда некто из вельмож, видя отчаяние Государя, советовал ему коварством уловить Иоасафа. «Предложи Царевичу, – сказал он, – собрать для совещания наших жрецов и его единомышленников. Есть между волхвами один весьма похожий на Варлаама, глубоко знающий все таинства учения христианского. Мы распустим молву о взятии пустытника; волхв представит лицо его на совете и после долгого прения о вере признает истину нашей; пристыженный Иоасаф невольно последует мнимому учителю». С радостию принял Царь коварное предложение вельможи и обещал безопасность всем христианам, желающим состязаться с волхвами. Совет собрался.

Сам Авенир, присутствуя на троне, грозил жрецам своим казнию в случае их посрамления. Но хитрость отца не могла утаиться от проницательного взора Иоасафа; со своей стороны

обещал он мнимому Варлааму тяжкие муки, если не одержит победы. Смятенный волхв, по страху смерти, красноречиво опровергал лжеучение язычников и, убеждая других, сам невольно убедился в истине.

Не видя более никаких средств для совращения сына с избранного им пути ко спасению и движимый отеческою любовью, Царь решился разделить с ним государство, чтобы не стеснять друг друга в вере. Но когда в течение трех лет область сыновняя процвела христианством и сам он увидел благие плоды кроткой веры, смягчилось, наконец, ожесточенное его сердце и проникло в душу спасительное раскаяние. Смиренный отец прибегнул к сыну за новою жизнью, и сын был восприемником родителя от святой купели, банею возрождения воздавая ему за собственное земное бытие. Так изменился духовно порядок их плотского родства. Скоро спасенный Авенир скончался в подвигах благочестия.

Тогда блаженный Иоасаф, довольно послужив Богу в мире просвещением своего царства, хотел еще служить ему в пустыне. Тщетно вельможи и народ умоляли его оставаться на престоле. Влекомый жаждою уединения, он избрал им достойного царя, а сам устремился к новым подвигам. Плачущий народ весь день следовал за ним на пути к пустыне, но с солнечным закатом исчез навеки от него Иоасаф. Долго скитаясь по безлюдным местам, открыл он, наконец, вертеп наставника своего Варлаама, и одною молитвою потекла жизнь обоих, доколе юноша не воздал последнего долга старцу. Одиноким тружеником еще многие годы подвизался после него в пустыне, как некий ангел охраняя пределы своего царства, променяв индийскую корову на венец нетленный.

Достоин внимания, что сия повесть о житии индийского Царевича, много сходствует с индийскими преданиями о царственном основателе учения буддийского, и весьма вероятно, что буддизм заимствовал ее у христианства, искажив по-своему некоторые подробности и самое учение о вере, в которой слышится, однако, отголосок первобытной истины.

Размышляя о великом отречении Иоасафа, я возвратился от игумена в те самые келлии, куда другой царственный

искатель уединения приходил на время облегчить душу, обремененную мирским величием. Здесь в августе 1818 года, благочестивый Император Александр два дня удивлял своим смирением самих отшельников Валаама. Оставив в Сердоболе свиту, с одним лишь человеком приплыл он вечером в монастырь. Братия, созванная по звуку колокола, уже нашла Государя на паперти церковной. Несмотря на поздний свой приезд, раньше всех поспешил он к утрени в собор и смиренно стал между иноками, отказавшись от царского места. Исполненный благочестивого любопытства, пожелал он лично видеть пустынные подвиги отшельников, посетил все их келлии, с иными беседовал, с другими молился, и, утешенный духовным состоянием обители, щедро наделил ее своими милостями. Игумен Иоанникий впоследствии имел всегда свободный вход в царские покои. Память кроткого Монарха священна Валааму.

На следующее утро за раннюю обедню увидел при мощах Преподобных изнуренного инок, который, казалось, с трудом мог стоять. Мне сказали, что он молчальник и уже восемь лет как наложил на себя обет безмолвия, беседуя только на исповеди с духовником. Но неизвестна причина столь тяжкого искуса, превышающего строгий устав, оставленный игуменом Назарием своим инокам. Было их числом до шестидесяти, кроме послушников. Я посетил между тем еще двух весьма занимательных: Вениамина, искусного механика, которого хитроустроенные часы едва ли не будут загадкой для опытного художника, и Гавриила, бывшего начальником судна в американской компании.

Сей последний рассказывал мне много любопытного о духовной миссии нашей в американских колониях, которая вся состояла из Валаамских монахов. Их настоятель Иоасаф в конце прошлого столетия был даже посвящен в Иркутске, Викарным Епископом для просвещения христианством сего дикого края. Но возвращаясь в свою новую епархию, на Кодьяк, он потонул со всем кораблем на берегах неизвестного острова. С его смертью уничтожился викариат, и из всех его спутников один только престарелый инок Герман долго жил на малом

уединенном островке близ колоний, который назвал он новым Валаамом. Я также слышал от Гавриила, повесть об одном из сих миссионеров, Иакове, который, проповедуя Евангелие американцам, пропал без вести. Несколько матросов занесены были бурею на незнакомый им берег материка, к северу от островов Кодьяка. Дикие сбежались к их лодке и хотели умертвить, но они, подражая испанцам Колумба, объявили себя бессмертными. Тогда испуганные американцы отпустили их с честью, сказав им: «Вы, верно, братья тому странному человеку, которого еще недавно мы никак не могли уморить. Он обращал нас к своему Богу, а мы не хотели для него оставить многих жен и привязали к дереву пришельца, чтобы избить стрелами. Но уже совсем мертвый, он три раза восставал и снова начинал убеждать нас, доколе, наконец, не отдали мы его на съедение нашим соседям». Некоторые из старших иноков Валаама помнят, что игумен Назарий письменно был о том уведомлен от самих американских миссионеров.

Я спешил воспользоваться благоприятным ветром для обратного плавания. Некоторые из монашествующих пожелали проводить нас до устья протока, и лодка уже готова была отчалить, когда на горе показался опять почтенный игумен. Он шел на сенокос разделять сельские труды с братиею, ибо никто из них не уволен на покой на Валаам; самые схимники работают в толпе молодых послушников, подавая им благой пример. Картина сия, истинно трогательная, переносит воображение в первобытные времена иночества, когда вслед за великим Пахомием, отшельники ходили добывать себе тростник на пустынных островах Нила. Меня тронуло благосклонное внимание старца, который, опираясь на посох, спешил еще раз проститься с нами, и я снова вышел на берег, чтобы принять его благословение. Напутствуемые его молитвою, достигли мы границ острова и взошли в часовню Святителя Николая, где усердные иноки на прощание отслужили для нас молебен Чудотворцу. Все мы были тронуты сим последним знаком их приязни. Расставаясь на той грани, где для нас кончается мир, я подумал, какими суетными и жалкими должны мы были казаться сим отшельникам, которые могли сказать о себе:

Моря житейского шумные воды
Мы протекли;
Пристань надежную утлые челны
Здесь обрели;
Здесь невечернею радостью полны
Слышим вдали –
Моря житейского шумные воды.

На сей раз плавание наше было счастливее, хотя оно продолжалось восемь часов. Не доезжая Сердобольского залива, мы остановились для отдыха гребцов близ малого острова Маргич и увидели на берегу каменный крест с надписью «Здесь отдыхал Император Александр в 1818 году» и несколько ниже – «Здесь отдыхал в том же году митрополит Михаил». Читая имена повелителя Европы и благого пастыря на пустынном утесе Ладожского озера, я горько размышлял об участи всего великого на земле. Сия каменная надпись служит красноречивым эпитафием Валааму, поясняя отречение его иноков от преходящей славы мира.

Новгород

После скучных лесов и непрерывных болот Петербургской дороги на рассвете приятно проснулся я в окрестностях Новгорода. Поля благоухали весеннею свежестью, жаворонки пели и резвились в небе, стада паслись; два цыганских табора дико оживляли равнину, по которой широко гулял самый Волхов, сей вольный выходец Новгородский, часто нарушающий свои законные пределы. Встающее солнце постепенно начало зажигать купола рассеянных кругом монастырей, словно местные лампы пред святынею Новгородской. Когда приближаешься к какой-либо великой крепости, оплоту царства, встречаешь около нее ряд малых укреплений, а Новгород, кивот святыни Русской, опоясан сонмом монастырей, где на вечной страже починут мощи их основателей.

Прежде всех величественно поднимается, влево от дороги, на крутом берегу Волхова, Хутынъ – обитель преподобного Варлаама, даровавшая многих Святителей Новгороду; Хутынъ, отколе в бедственные дни его бежал испуганный Великий князь Иоанн и даже оставил там жезл свой, когда выступило пламя из гробницы святого игумена, которую хотел он открыть. С правой стороны мелькает вдали женская обитель Сыркова и чуть видны главы обители Святого Евфимия, со славою правившего Церковию уже не за долго до Царя Иоанна. Ближе к городу, за рекой, монастырь Деревянник, а на низменном берегу Волхова упраздненный Колмов. Далее, опять за рекою, густая роща осенила пристанище Антония Римлянина, и одна за другою появлялись вдоль реки бесчисленные церкви Торговой стороны Новгорода. Белые паруса скользили вниз и вверх по синеве волн и меж зелени садов сей непрерывно двигавшейся картины, доколе не закрыл ее своим высоким зданием у самых городских ворот Духов монастырь, прилично открывающий собою вход к Новгороду.

Прямая улица идет от заставы к дворцовому саду, который окружает своею зеленью половину красных стен Кремля.

Разительная противоположность: у подошвы развалин распускающийся сад. Молодые деревья во всей красе своей резво спускались во глубину рвов, иногда заполняемых трупами осаждавших, и смело взбирались на расселины ветхих твердынь, страшных именем Святой Софии. В конце сада, недалеко от стен и реки, легкая беседка заменила, как предполагаю, узорочный терем Марфы Борецкой, откуда посадница привыкла смотреть на бури непостоянного Волхова и на вечевые бури народа. Быть может, на сем месте святой игумен Соловецкий Зосима, надменно принятый ею, предрек ей во дни славы день ее падения.

Трезвонили к утрenne, когда мы въехали в Кремль; я устремился к Софийскому собору и с невольною робостию переступил порог его. В первом приделе Рождества Богоматери помолился я мощам первого епископа Никиты и Святого князя Мстислава, витязя земли Новгородской. Руки его, долго владевшие мечом за Святую Софию упокоились крестообразно на богатырской груди его, бывшей щитом Новгороду. Святитель и витязь друг против друга на прaге собора – какая чудная, неодолимая стража! Далее приложился я к раке Князя Владимира Ярославича, основавшего Святую Софию и Кремль, и его матери Анны, князя Феодора, юного брата Александра Невского, которого застигла смерть в самый день брака и увенчала иным венцом. Потом я стал против амвона, окинул взором весь собор, от врат Корсунских, сквозь Царские, до Горнего места, взглянул на чудотворную икону Христа Божией Премудрости, посмотрел в купол, где написан Господь Вседержитель, держащий в сжатой деснице судьбы Новгорода, от разжатия коей должен он пасть, вспомнил, что я стою, одинокий, посреди стольких веков, в Святой Софии, и позабыл все прочее!

Время не позволяло медлить. Я поспешил из Кремля на Волховский мост, к часовне Животворящего Креста, который, по вере народной, охранял от бурь Волхова древний мост его. Пред сею часовнею упал конь под Грозным Иоанном, торжественно вступившим в покоренный Новгород, когда для встречи его внезапно ударили в колокол Кремля; Царь велел

отбить ему уши, и так висел он долго на колокольне Софийской. С моста посмотрел я к Ильменю, и не было видно озера за высотой Волхова; сам он представлялся озером, усеянным островами сел и обителей. Древний Новгород, казалось, хотел освятить колыбель своего Волхова, который, исторгшись из-под его спасительного покрова, опять дичает в лесах; два монастыря, Юрьев и Сковородский, воспринимают его у самого потока и передают другим обителям и храмам, которые все столпились на берегах реки, умиряя ее течение. От Ильменя и до Хутины течет он, как бы окованный в священной раке, отражая в каждой волне своей какую-либо святыню, и тихи под ее сению прибрежные воды. Но в одном только месте неукротим Волхов – с негодованием теснится он под сводами моста и сердито бьет в каменные оплоты, еще исполненные памяти прошедшего, когда поглощал он жертвы народной вражды, свергаемые с моста как с Капитолийской скалы, когда ненависть обеих сторон его, Торговой и Софийской, разрешалась над ним страшными битвами, а он, как лютый зверь, жаждал падения тронов. Он один знает число принятых им во дни Иоанновы, коих души глухо записаны, в числе двух тем, в поминаниях Белоезерской обители. Вопли разъяренных граждан, стремившихся друг против друга от соседнего Веча и от Святой Софии, слишком долго раздавались здесь над юным Волховом, чтобы не возбудить в волнах его отголоска своим бурям, и здесь он еще бурен и своеволен, как во дни своих тысяцких, и посадников, и Веча.

Но какая мирная, очаровательная картина, развевается во все стороны с сего моста, картина, достойная лучших времен Новгорода! Посмотрите к Ильменю: на краю его величественно восстает из вод, венец всего Новгорода, белый Юрьев, белее утреннего света, местами слегка нарумяненный первыми лучами дня. Правее обители живописная дача графини Орловой, окруженная садом, и село Рахово на холме и далее два бывших монастыря: Аркажский и Благовещенский. Левее Юрьева белеют между синевой неба и волн две другие обители – святых Моисея и Кирилла – и древнее городище Рюрика, гнездо князей варяжских, господствует на высоте над торговым

предместием славянской столицы. Почти у самого моста, на дворе Ярослава, девять многоглавых церквей обступили черную обгорелую башню вечевых колоколов, долго заглушавшего их благовест, и сошлись в ясном небе своими золотыми бесчисленными крестами, на подобие воздушного кладбища. Теперь обратитесь к Хутыню: его не видно вдали, но на пути к нему протянулись вдоль берега иные многие церкви Торговой стороны; и на крутом изгибе реки выбегает из-за Антониевой рощи гостеприимный мыс, принявший усталого Римлянина на его плывущем камне; и опять у самого моста, но с другой лишь стороны грозит своими красными башнями весь зубчатый Кремль – кровавая летопись многих веков, а над ним белая Святая София со своею златою главою, как в белой ризе увенчанная Святитель, предстательствующий за древний Новгород.

1838 г.

Юрьев монастырь

После многих лет обитель Юрьевская приняла меня опять под гостеприимную сень свою. Это было в осенний вечер, в час воскресной всенощной; она совершалась в подземной церкви Похвалы Богоматери, там, где погребен обновитель Юрьева, который некогда с любовью принимал меня в мирных стенах его. Такое воспоминание располагало к молитве. Благообразна была и пещерная церковь, устроенная по подобию древних катакомб, но великолепно украшенная! Мрамором устлан помост ее, по мраморным сводам рассыпаны золотые звезды. Бронзовый иконостас исполнен весь славою Божией Матери, ибо она

изображена повсюду во многознаменательных символах: то в виде Неопалимой Купины, какая некогда явилась Моисею в пустыне; то обнесенная звездообразным венцом Ангельских сил; то с олицетворенною похвалою неба и земли вокруг нее, с ликами земных Ангелов и небесных человеков; то Радостию всех скорбящих; или Одигитриею – путеводительницею странных; то Неизреченною на языке человеческом по благодати Ее исполняющей; или Живоносным Источником исцелений, как проявила Себя в Царьграде; или как на Афонской горе – в необъятном пламени Своей славы; или венчаемою от всей Троицы, как Приятелище нестерпимого Божества. Все гласит о Ней внутри сего священного подземелья, где никогда не умолкает в честь Ее чтение акафиста.

Особенно хорошо устройство этой церкви тем, что по древнему чину жертвенник находится в стороне и совершенно отделен от алтаря; таким образом, и женщины могут свободно приступать к нему для приношений, а между тем святой алтарь огражден от суеты, неизбежной при сближении жертвенника с престолом. Напротив северной двери алтаря открывается с южной стороны тайная дверь в гробовой покой архимандрита Фотия; одна лампада освещает его сумрак. Распятый Господь, по сторонам его Божия Матерь и возлюбленный Ученик

написапы во весь рост на восточной стене; к подножию спасительного Креста Христова прислонен мраморный гроб, осененный среброкованным покровом, с крестным на нем изваянием, и на нем стоит золотая икона Знамения Богоматери, сродная великому Новгороду, отколе распространилось по всей России празднование сего чуда.

Близость к нам почившего еще налагает печать молчания, но молитвенная с ним и о нем беседа невольно проникает в душу в сей гробовой келлии, где упокоился он после подвигов отшельнической жизни. Свидетельствует о ней и последний приют его, который сообщался во дни его жизни с келлиями. Сюда часто спускался он тайною стезею к своему гробу, чтобы засветить над ним лампаду или во мраке подземелья углубиться в размышления о вечности, доколе еще не настала. Я увидел в углублении другой мраморный саркофаг, смиренно прислонившийся к стене, но еще праздный, и угадал его назначение.

Железная решетка и потом еще стена, вся окованная серебром, с тремя на ней позлащенными иконами, отделяет могильный покой от того места, где совершаются панихиды по усопшим. Великолепный образ Неопалимой Купины, горящий драгоценными камнями, а по сторонам его собор бесплотных Сил и земной ангел Предтеча осеняют своим покровом сию молитвенную храмину и вместе смертное жилище. Но для утешительного свидетельства о грядущем воскресении мертвых на боковых стенах есть две иконы, бывшие келейными покойного: одна – семи спящих отроков Ефесских, которые, заснув в пещере во дни гонений языческих, пробудились от векового сна уже во дни славы Церкви Христовой; другая икона изображает благоразумного разбойника, с оружием креста в руках входящего в рай пред лицом Патриархов Авраама, Исаака, Иакова, охраняющих его преддверие.

На другой день, после ранней литургии в той же пещерной церкви просил я показать мне верхний Спасский собор с его приделами, сооруженный архимандритом после пожара 1823 года на месте домово́й церкви благоверных Князей Феодора и Александра Невского. Страшное, но вместе и назидательное

зрелище представляет пожар сей. Это случилось в праздник Введения во храм Божией Матери. Народ наполнял церковь; сам архимандрит совершал литургию, и все до такой степени заняты были молитвою, что никто не заметил, как искра, вылетевшая в трубу от жаровни кафельной, зажгла деревянные связки и пламя охватило кровлю. Уже вся крыша была в огне, а под нею спокойно возносилась столь же пламенная молитва. Мимошедший священник церкви Перунской, которая еще не была тогда скитом, увидел пожар и бросился в храм известить об угрожающей опасности. Быстро рассеялся народ, но нельзя было оставить начатой литургии. Архимандрит велел одному из сослуживших иеромонахов поднять с жертвенника приготовленные Дары и при пении Херувимской песни нести их на престол холодного собора, чтобы там довершить Божественную службу. И пока прочая братия занялась спасением утвари церковной, сам он стал на клирос и уже как простой инок отвечал пением на возгласы священнослужителя. Между тем совершенно сгорела церковь, и в суровую зиму братия принуждена была терпеть стужу в холодном соборе, ибо не имела средств устроить где-либо теплый придел. Тогда послал Господь благотворительницу бедствующей обители и ее щедрыми даяниями не только соорудился новый великолепный собор на место сгоревшей убогой церкви, но обновились и храм великомученика Георгия, и вся обитель, самая древняя из всех Новгородских и Русских, ибо одна только Печерская лавра может оспаривать у нее первенство.

С левой стороны алтаря пещерной церкви ведет лестница в верхний собор Всемиловитого Спаса. Бронзовый иконостас его украшен с особенным великолепием: драгоценными камнями сияют местные иконы Спасателя и Божией Матери; одна жемчужина, подобная груше, висит на осыпанном бриллиантами венце ее. Сокровища Чесменские излились щедрою рукою на храм сей и все его принадлежности, но изящный вкус распоряжал роскошью окладов и утвари церковной. Благолепие умножается при возжжении многочисленных лампад огромного серебряного паникадила, которое, как некий венец, спускается

из глубокого купола, проливая торжественный свет на полумрак собора.

По обеим сторонам главного алтаря, на одной с ним черте устроены два малых придела: во имя Святых мучеников Фотия и Аникиты и Успения праведной Анны. Первый находится над жертвенником пещерной церкви и к нему примыкают с левой стороны обширные покои нынешнего настоятеля, которые были приготовлены покойным архимандритом, для митрополита Серапиона на тот случай, если бы пожелал окончить дни свои в уединении. Придел Святой Анны сооружен над самою пещерою, где стоит гроб воссоздателя сего храма, и к правой стороне придела прилегали его келлии. Они теперь обращены в церковь Всех Святых и братскую библиотеку, дабы молитва и благочестивое размышление всегда наполняли душу посещающих место его жительства. Там совершается всякую субботу поминовение по усопшим.

Церковь сия также украшена с чрезвычайным великолепием и вместе с особенною любовью к памяти усопшего обитателя сих некогда уединенных келлий. Иконостас составлен из домашних икон его, осыпанных драгоценными камнями, но преимущественно украшен любимый им образ Иверской Божией Матери. Нельзя не дивиться блеску яхонтов, изумрудов и сапфиров, какие встречаются только в утварях царских, и светлому виду огромных алмазов, на которые не обращало внимания око их дателя. Христианское небо изображено изящною кистью на сводах церкви Всех Святых, дабы все они осеняли молитвенников сего знаменательного храма, где так много воспоминаний.

Наместник ввел меня в алтарь и показал в северной стене выложенную из камней молитвенную келлию, если только можно дать такое название каменному гробу в три шага длины и один ширины, с тесным сидищем на одном конце и углублением для иконы на другом. Там теплилась неугасимая лампада пред иконою Знамения Богоматери. Это была келлия покойного, где проводил он в совершенном безмолвии всю Четыредесятницу, за исключением времени Божественной службы, и куда уединялся обыкновенно в часы, свободные от

забот и занятий. Келлия сия сообщалась узкою лестницею с другою ей подобною, но еще более потаенною, которая уже теперь заделана, и, наконец, с гробовой пещерою, ибо туда наипаче любил он спускаться для размышлений о вечности в виду своего гроба.

Несколько раз бывал я при жизни архимандрита в тех же самых келлиях, которые теперь обращены в церковь, и никогда не подозревал сего молитвенного покоя в стене, куда он заживо себя закладывал, как в каменную могилу. Невольно изумился я столь нечаянному открытию. Замечательно будет лицо его в летописях Новгородских: при необычайности собственной его жизни, изнурительного поста при ежедневном служении, сорокадневного безмолвия в течение Четыредесятницы и других подвигов, которые, быть может, время откроет, он действительно был не только обновителем своей обители, но и настоящим архимандритом всех монастырей Новгородских, по древнему назначению настоятелей Юрьева. От первых времен Великого Новгорода почитались они старшим духовным лицом после Владыки, были благочинными над пятьюдесятью его обителями, кроме пятнадцати непосредственно от них зависевших, и впоследствии получали права священнослужения, с некоторыми преимуществами архиерейского, у себя в обители.

Такое лицо являл в себе Новгороду недавно усопший. В монастырях Деревянницком и потом Сковородском, основанных Святителем Моисеем, началось первое его служение Великому Новгороду, ибо там он был краткое время настоятелем, но мать обителей Новгородских ожидала его пламенного усердия. Он собрал ее из развалин, обновил и прославил и тот же поток щедрых даяний излил на прочие убогие обители древней славянской столицы, от пятидесяти умалившихся до скромного числа четырнадцати. И Святая София, священный залог славы Новгородской, сделалась также предметом его забот. Но величайшею из заслуг его было восстановление древнего чина иноческой жизни в своей обители, и возбуждение чрез то духа молитвы, ибо сердце его стремилось к пустынному житию скитских отцов, и посреди окружавшего его великолепия

святынь сам он вел жизнь затворника, умножая строгость ее по мере умножения дней своих. Все, что ни обновляла рука его, принимало на себя характер древности. Не только зодчество и внутреннее устройство храмов, но и самые чин богослужения и церковные напевы отзывались давно минувшим, а потому роднились с сердцем; невольво разжигался дух молитвы видением и слышанием древнего церковного быта.

Очевидным свидетельством благочестия, возбужденного в народе, служит праздник Воздвижения Честного Креста, на который собираются в Юрьев бесчисленные толпы богомольцев. Архимандрит Фотий, соорудив недалеко от Святых ворот новый обширный храм, хотел посвятить его Преображению Господню, в память прежде существовавшей тут церкви. Но по совету митрополита Серафима, который сожалел, что столь великое торжество, каково всемирное Воздвижение Креста Господня, ослабевает в памяти христиан, решился обновить праздник сей в Великом Новгороде с особенною торжественностью. Освятив храм в честь Воздвижения Креста, он учредил с благословенья архипастырского крестный ход кругом всей обители, а на всенощной, при поклонении Животворящему Кресту, положил на все будущие времена раздавать каждому из приходящих по малому кресту медному или серебряному. Необычайность торжества начала привлекать богомольцев в обитель

ко дню Воздвижения, и доселе нигде не празднуется он столь светло.

Чрезвычайное стечение народа на погребении усопшего архимандрита и в продолжение девяти дней, когда тело его лежало открытым в церкви для последнего с ним целования, достаточно засвидетельствовало, каким уважением пользовался он не только в Новгороде, но и в окрестности, ибо отовсюду собрались чины духовные и мирские. Погребение было трогательное и поистине народное, и, что весьма замечательно, оно совершилось Великим постом, в неделю Крестопоклонную, как бы в воздание усопшему за его ежегодный подвиг безмолвия во дни Четыредесятницы, и

наипаче за торжество Воздвижения Креста Господня, которое с таким великолепием обновил он в обители.

Едва успел я осмотреть теплый собор со всеми его приделами как уже ударили в большой воскресный колокол к поздней литургии. Я поспешил в великолепный храм Великомученика Георгия, где служил обедню сам настоятель, архимандрит Мануил. Величие Божественной службы по особенному чину, усвоенному обители Юрьевской, стройность и вместе древность столпового пения, которое там можно слышать в совершенстве, – все соответствовало красоте самого храма, достойного зодчества Византийского XII века. От дверей паперти уже приятно были поражены взоры блеском бесчисленных лампад вокруг напрестольной сини отверстого алтаря, и сиянием драгоценных камней на местных иконах, и пышностью риз священнослужителей во глубине сего разверзшегося неба, отколе исходили они с горящими светильниками, как бы на землю, в облаках фимиама и во звуках небесных гимнов. Не так ли отозвались некогда ангельскою песнию лики Софийские предкам нашим в доме Премудрости Божией, и дом сей показался им небом, куда ввели они за собою все свое племя славянское?

Уже около ста лет существовала обитель Юрьевская, основанная великим Ярославом во имя Ангела своего, Великомученика Георгия (в 1030 году), когда другой Георгий, великий сын Мономаха Мстислав, княживший в Новгороде, заложил сию великолепную церковь художеством греческих зодчих в 1119 году, при игумене Кирияке. Но довершение и освящение храма предоставлено было их блаженным преемникам, игумену Исае и святому сыну Мстислава Всеволоду Гавриилу, который сам нетленно возлег на вечную стражу в соборе охраняемого славным мечом его Пскова. Тогда же устроены были и два придела: во имя Благовещения и Благоверных князей Бориса и Глеба, родственников Мстиславу, на высоких хорах, по древнему чину церковей греческих; ибо там главный престол никогда не был стесняем боковыми, дабы оставалось место для жертвенника и дьяконикона. Обновленный в начале XIV века, при святом Владыке Моисее,

храм сей подвергся опустошению от нечестивых шведов, в смутную годину самозванцев, и опять обновлен щедрыми даяниями первого из Романовых и усердием архимандрита Дионисия. Знаменитый современник Петра Великого Иов, митрополит Новгородский, оставивший по себе столь благую память, призрел также своими пастырскими заботами храм Великомученика, при содействии Юрьевского Настоятеля Гавриила; но последнее обновление святилища архимандритом Фотием, превзошло все, что только можно назвать великолепным.

Не буду говорить о всех украшениях храма, и пятиярусного иконостаса, о царских среброкованных дверях, огромных паникадилах, подсвечниках, напрестольной одежде из литого серебра, и драгоценной сини, с высоким на ней Крестом из сибирских камней. Сокровища кажутся здесь обыкновенными от самого их множества; стоит только взглянуть на две местные иконы – Спасителя и Богоматери, и на одну храмовую – Великомученика, чтобы уже более не обращать внимания на все прочее, ибо здесь не знаешь, чему дивиться – богатству ли дара, или беспримерному усердию дателя. До полумиллиона ценят золотые оклады местных икон, осыпанные крупными алмазами, яхонтами, изумрудами и сапфирами; венец Спасов и звезды на челе и персях его Пречистой Матери горят чудными камнями, несравненными по своей массе и чистой воде. Риза Великомученика усеяна сибирскими тяжеловесами по швам и воскрылиям, как будто ими скреплено ее чистое золото; щит и шлем в броне духовного витязя можно поистине назвать адамантовыми; огненным представляется конец копья его, коим поразил чудовище, от алмаза, заменившего лезвие, а необъятной величины жемчужины образуют рукоять в оконечности его воинского меча. Сокровища, излитые на украшение сей древней Византийской иконы, современной еще великому Ярославу, основателю обители, восходят до чрезвычайной суммы; и столь же роскошно убрана икона Святителя Феофота при раке мощей его. Можно ли после сего говорить еще о прочих, украшениях и богатствах?!

Об одном, однако же, не должно умолчать: вкус и изящество новейших времен руководствовали обновителей храма, и, несмотря на то, не утрачено ничего древнего, так что даже все новейшее кажется только обновлением старого. Таким образом, сохранился величественный иконостас, золотою стеною подымающийся к высоким сводам, и уцелела стенная живопись, писанная по древним очеркам, и внутренность алтаря удержала первобытный свой характер; там лики Святителей с высоты Горнего места содействуют Божественной службе, а назидательные изречения Святых Отцов о ее таинственном значении возбуждают дух молитвы в сослужащих. Все благолепное здание храма с его знаменательными украшениями образует из себя полную идею Восточной Церкви, как выразилась она впервые строителями таинств христианских и как еще долго сохранялась в последующие века.

После великолепия собора можно вообразить, какие сокровища заключает в себе ризница, соответствующая ему пышностию утварей: бесполезно было бы исчислять драгоценные митры, кресты и панагии и шитые жемчугом облачения, которым едва ли есть подобные по красоте и богатству, разве из числа древних Патриарших и Троицкой ризницы. Оставив новейшие богатства, следует, однако, упомянуть о предметах, драгоценных по своей древности. В ризнице хранится серебряное, позлащенное блюдо с мифологическим на нем изваянием Персея и Андромеды, которое пожаловал в обитель Святой князь Всеволод Гавриил. На месте древнего баснословного рассказа языческого совершалось новое христианское чудо Великомученика Георгия, который близ того же города Верита избавил от морского чудовища сирийскую царевну, ему обреченную в жертву, и потому вместе с блюдом хранится кусок от той скалы, к которой была прикована царевна, недавно принесенный в обитель одним богомольцем.

Другая замечательная вещь – плащаница горько памятного междоусобною бранию князя Димитрия Шемяки, который после краткого сидения на престоле ослепленного им Василия Темного принят был мятежным Новгородом и положил вклад

сей за себя и детей в обитель Юрьевскую, не подозревая, что и сам упокоит в ней свои скитальческие кости. Кругом плащаницы вышита золотом следующая надпись:

«Лета 6957 , индикта 7, как был Князь Великий Дмитрий Юрьевич в Великом Новгороде, и повелением его, Великого Князя, наряжен был сей воздух, в храме святого Великомученика Христова Георгия, того же лета, месяца августа в 23 день, благоверною его Великою Княгинею Софиєю, и при сыне благоверном Князе Иване, а положен бысть в церкви Св. Великомученика Христова Георгия, в Великом Новеграде, в Юрьеве монастыре, при Архиепископе Великого Новгорода, Владыке Евфимии, при Архимандрите Мисаиле, за оставление грехов и спасения ради душ наших и наших детей, и тем внучатом и правнучатом, в сем веке и будущем, аминь.»

Но еще замечательнее сих двух предметов подлинная грамота самого Великого князя Мстислава, сына Мономахова, соорудившего храмы. Она почитается древнейшею из всех, какие только уцелели у нас от всеистребляющего времени, ее сохранением обязаны археологи обители Юрьевской. Грамота писана на пергаменте и скреплена серебряною печатью, с изображением на одной стороне сидящего Спасителя, а на другой Архангела Михаила; дана же была в обитель вместе с блюдом Всеволода, о коем упоминается в ее строках.

«Се аз Мстиславъ, Володимиръ сынъ, държа Руску землю в своеие княжение, повелелъ иесмь сыну своему Всеволоду отдати ... це святому Георгиеви, съ данию и съ вирами и съ продажами, даже котории князь по моемъ княжении почнетъ хотети отъяти у святаго Георгия. А Богъ буди за темъ и Святая Богородица и ть святой Георгий у него то отимаиеть. И ты игумене ... и вы братие донилежеся миръ съ стоитъ, молитве Бога за мя и замое дети, кто ся изоостанетъ въ монастыри. То вы темъ дължны иесте молитве за ны Бога и при животе и въ смърти. А азъ далъ рукою своею и осенение полюдие даровноие полътретиядесяте гривень Святому же Георгиеви. А се я Всеволод дал иесмь блюдо серебряно. в тритцать гривень серебра. Святому же Георгиеви, велел иесмь быти в ние на обеде коли игумен обедаиеть. Даже кто запъртит или ту дань и

се блюдо. да судит иему ... день пришествия своего и ть святой Георгий».

Один из древних вкладов благочестивых Самодержцев наших еще и доселе украшает храм Великомученика посреди его нового великолепия: это четырехъярусное медное паникадило над амвоном, которое пожертвовал обители Царь Михаил Феодорович после разорения шведского, на память изгнания врагов. В сию бедственную эпоху самозванцев, когда ликовал в Новгороде нечестивый вождь шведов Делагарди, лишена была обитель Юрьевская лучшего своего сокровища, нетленных мощей Благоверного князя Феодора Ярославича, брата Невского, который скончался юношей в день свадебного торжества, променяв венец тленный на нетленный. После четырехвекового упокоения в храме Великомученика мощи его перенесены были в собор Софийский, знаменитым митрополитом Новгорода Исидором, дабы предохранить святыню их от ругательства святотатных врагов. Но еще там осталась гробница благочестивой матери

Святых князей Феодора в Александра, княгини Феодосии дочери Храброго Мстислава, который столько лет охранял великий Новгород славным мечом своим и сам нетленно отдыхает под сению Святой Софии.

Другие святыне мощи заменили утраченные для обители: это нетленные останки Святого архиепископа Феоктиста, избранного Новгородом в 1300 году. Святейший Синод разрешил в исходе минувшего столетия, по ходатайству митрополита Гавриила, перенести мощи его из упраздненного соседнего монастыря Благовещения в Юрьев, и они положены под спудом в среброкованной раке по левую сторону алтаря. Архимандрит Фотий устроил подле и малый придел, во имя Святителя Феоктиста, соответствующий противолежащей ризнице. Память краткого правления Феоктистова не могла когда-либо придти в забвение в обители Юрьевской, ибо с того времени настоятели ее получали звание архимандритов, и первым из них был Кирилл; а тому Владыке, при коем возвеличилась обитель, суждено было в последствии самому принять от нее достойное воздаяние чести.

Мало сохранилось известий о подвигах сего угодника Божия при его жизни, но многие исцеления прославили его после блаженной кончины. Постриженный в обители Благовещенской, которую основали два святых брата, Иоанн и Григорий, бывшие потом оба Владыками Новгорода, он восприял после них игуменство и кафедру Софийскую, будучи посвящен митрополитом Киевским Максимом. Но после восьмилетнего правления отошел опять на безмолвие в прежнюю свою обитель

и там чрез три года окончил святую жизнь в подвигах иноческих. Первое прославление Святителя Феоктиста случилось спустя более чем триста лет после его кончины, в царствование Алексея Михайловича. Он явился в сонном видении болящей супруге царского дьяка Ивана Зиновьева и велел помолиться над своею гробницею для желанного исцеления, не сказав ей, однако, своего имени. Но по сходству виденного ею лица, с одним из ликов святительских, начертанных на стенах Софийского собора, она узнала Владыку Феоктиста и тогда же велела списать его образ. А муж ее, отыскав в летописях соборных, где был погребен Святитель, привел болящую Иулианию на забытую дотоле гробницу в развалинах Благовещенской церкви, и там получила она исцеление. Несколько лет спустя, наместник Новгородский, князь Василий Ромодановский, имея теплую веру к угоднику Божию Феоктисту, очистил от развалин гроб его и соорудил над ним сперва часовню, а потом каменную церковь, которая и доныне существует. Между тем продолжались исцеления над мощами Святителя, который и доныне не престаёт изливать благодать ему данную на бывшую свою паству Великого Новгорода.

После сего блаженного успения и перенесения честных мощей богоугодного мужа в обитель Юрьевскую упоминать ли о неблагословенном мертвеце, для погребения коего в стенах того же храма нужно было соборное разрешение Святителя Ионы митрополита и с ним епископов Русских? Ибо они связали его анафемою за возмущение против законного Государя. Говорить ли о бедственном ослепителе Темного, Шемяке,

который, домогаясь престола великокняжеского, долго смущал крамолами всю землю Русскую, и, наконец, окончил в Новгороде скитальческую жизнь? Но милосердая мать Церковь не отказала раскаявшемуся в последнем приюте и дала оный в той обители, которой благодетельствовал он во дни краткого своего земного величия. Могилу его указывают в храме Великомученика.

Есть и еще погребенные под сению его, из сановников мирских и духовных, Великого Новгорода и земли Русской. Там гробы двух старинных игуменов, Кириака и Исаяи, при коих сооружена и освящена церковь. Вероятно, подле них положены были и их преемники, особенно более именитые, как первый архимандрит Кирилл и обновитель Дионисий, но могилы их неизвестны. В паперти почивает и кроткий Владыка Новгорода, Макарий II, преемник Никона Патриарха на кафедре Софийской, участвовавший во всех его соборах, и Маркелл, епископ Корельский, ибо в первой половине минувшего столетия обитель Юрьевская была местом жительства викариев митрополии Новгородской. Там же три мраморные плиты всецены в стену, украшенные орлами. Над одною из них изображен во весь рост Святитель Алексей, держащий в руках своих позлащенную икону Божией Матери, пред кою теплится всегда лампада. Это семейная усыпальница обновившей обитель Великомученика. Приняв ее близко к своему сердцу, она в свою чреду вручила ей и то, что всего ближе было ее собственному сердцу – гробы родителей.

Таков древний храм Великомученика. Внешнее величие его зодчества соответствует строгою византийскою простотою внутреннему благолепию. Три главы – в честь Св. Троицы – венчают собор, и каждая имеет свой особенный характер; они горят ярким золотом на синеве Новгородского неба. Красивая колокольня над Святыми вратами довершила собою красоту Юрьева, ибо в ней соединилась легкость итальянская с величием Византийским, вполне соответствуя характеру всего здания. Серебристым, густым звуком колоколов беседует древний Юрьев с современною ему Святой Софиею, и им

сладостно внимает Великий Новгород, разумея сердцем многоглагольный язык сей, исполненный минувшего.

Были и еще древние церкви внутри огады Юрьевской, которые теперь заменены новейшими. Почти в одно время с главным собором, в половине XII века, сооружена игуменом Дионисием церковь Преображения Господня около Святых ворот и нынешнего Воздвиженского храма. А в XVI веке к югу от холодного собора, вероятно, там, где теперь две больничные церкви – Неопалимой Купины и Архангела Михаила, построена была теплая церковь во имя Святителя Алексия с приделом Святого Гавриила Псковского. Это случилось уже после покорения Новгорода, когда память чудотворцев Московских внесена была в среду его святыни мощною рукою Иоанновою, но обе сии церкви, весьма убогие, разобраны были ради их ветхости, в половине минувшего столетия, когда Юрьев, приходя постепенно в упадок, не в состоянии был поддерживать своих зданий и, как догоравшая лампада, совершенно угасла бы древняя обитель Ярослава, если бы не сохранили ее новейшие любители святыни.

Но где же ключ сего живительного источника, столь обильными струями непрестанно изливающегося на обитель? Есть подле нее малая усадьба, на том месте, где прежде стоял монастырь Святого Пантелеймона, коего уцелевшая церковь доныне ей принадлежит. Там отрадное уединение избравшей себе место сие последним приютом временной жизни для приготовления к вечной. Там окружает ее со всех сторон величественная святыня древнего Новгорода, ибо куда только не обратить взоры свои, отовсюду приветствует и осеняет ее многоглавый, великий бесчисленными своими храмами и обителями град. Но самый очаровательный вид с балкона, обращенного к городу, над широким Мячинским озером, особенно во время полноводия, когда волны подступают к самому дому и все окрестные урочища кажутся как бы на островах, посреди коих величаво течет Волхов.

Два упраздненные монастыря, со своими слободами, Аркажскою и Благовещенскою, стоят на краю сей величественной картины, которая развевается от левой руки к

правой, как древняя хартия, вся исписанная церквами и обителями. Бывшая Лисицкая, на Синичьей горе, и нынешняя Десятинная начинают собою Великий Новгород, а между ними в ясную погоду мелькает, как призрак, дальний купол Святого Евфимия Вяжицкого. Слобода Воскресенская, где был также монастырь, стоит на первом плане, у самого озера; а за нею, от Синичьей горы до Волхова и по ту сторону реки до Городища Рюрикова, широкий амфитеатр храмов поражает взоры. Величавая громада Святой Софии, с ее колокольнею и часовою башнею, обнесенная древними бойницами зубчатого Кремля, господствует над всем, как седой исполин, во всеоружии ратном и молитвенном, в броне и венце, поставленный на вечную стражу славянской столицы. Немного виден ему лишь покорный Волхов сквозь прозрачные арки легкого моста, державно наброшенного на шумные воды, а за ним вдали укрывается Антоний Римлянин под сень своей рощи. Вот потянулась направо, вверх по Волхову, Торговая сторона Великого Новгорода длинною вереницею храмов от соборного узла их на Ярославлем дворище, где сошлось столько золотых крестов вокруг обгоревшей вечевой башни. Далее другое звено этой священной цепи – около собора Знаменского, где хранится чудотворный залог спасения Новгорода, и, наконец, после нескольких однооких церквей на пустынных его кладбищах дальний Хутынъ, обитель Варлаамова, осеняет своими благословениями сие зрелище древней славы Великого Новгорода.

Рюриково Городище

Оставалось не более двух часов до захода солнца, когда я решился посетить в устье Волхова ближайшие к Юрьеву обители. Этот осенний вечер напоминал собою летние; воздух благорастворен был необычайною теплотою, ветер совершенно затих, не подымалось ни одной волны на широком Волхове, не было их и в бурном Ильмени, который, казалось, с отеческою любовью смотрел на свое величавое чадо, сам отходя к покою в последних лучах вечера; солнце спускалось к нему по золотым ступеням многоглавого Новгорода. Наместник с одним из братии Юрьева монастыря радушно вызвались мне сопутствовать, и приготовлен был большой катер на краю слободы Юрьевской в виду Перунского скита. Мы причалили сперва к малому островку, не всегда, однако, окружаемому водою, где около древнейшей церкви Новгорода устроен новый скит и живут двенадцать отшельников. Там некогда на холме, пред лицом бурного славянского Ильменя стоял Перун, сверженный в Волхов первым епископом Новгорода Иоакимом, и там равноапостольный Князь Владимир соорудил первую христианскую церковь на севере нашего отечества. Она цела и доныне, во всей своей древней простоте, и празднует Рождеству Богоматери, которая сама послужила Храмом Воплощенному.

Благочестивый настоятель обители Юрьевской принял меня со скитскою братиею в мирной ограде Перуновой и ввел во внутренность святилища; оно огласилось тихим пением праздничного тропаря, и сладко было слышать гимн сокрушительнице Перуна, на самом месте ее победы:

«Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей Вселенной, из Тебя бо возсия Солнце правды, Христос Бог наш, и, разрушив клятву, даде благословение и, упразднив смерть, дарова нам живот вечный».

Самое строение церкви свидетельствует о ее непреложной древности, восходящей до времен Святого Владимира; она одноглавая, в виде четверогранного столпа и более

распространена в ширину, нежели в длину, которая не превосходит трех сажений, если не считать низкой трапезы и алтаря, имеющего вид урезанного восьмиугольника. С двух сторон ее по два узких окна, а в алтаре тремя подобными же отверстиями проливается свет, в честь Святой Троицы. Но, несмотря на тесноту, во внутреннем устройстве строго соблюден чин древних православных церквей: алтарь разделен на три части – для удобства священнослужения, иконостас в пять ярусов, хотя и с обновленными иконами, дабы праотцы, пророки и апостолы предстояли при молитвах церковных. К двум столбам прислонены клиросы, и даже есть хоры, как бы в обширном храме, ибо Святая София служила для всех образцом. Церковь холодная, но трапеза теплая, и в ней ежедневно совершается утренняя, часы и вечерня, и читается днем и ночью неумолкаемая Псалтырь по усопшим; Божественная литургия бывает только в субботние и воскресные дни, по уставу древних скитов Палестинских.

На столбах церкви написано время ее основания в 995 году равноапостольным Князем и время ее обновления священноархимандритом Фотием в 1828 году, с именем первого настоятеля сего нового скита, аввы Сергия. Преемником его был незабвенный князь Аникита Шахматов, который, сделавшись потом паломником в Палестине, благочестиво окончил дни свои при миссии Афинской, в назидание всей Греческой церкви.

Много бедствий испытал первый храм истинного Бога на урочище идольском Новгорода; удержался, однако, в качестве обители до 1767 года и тогда только упразднен. Пожар, бывший в 1822 году, возбудив усердие любителя древности к святыне, послужил к его обновлению из приходской убогой церкви в благоустроенный скит. Как после упразднения первоначальной обители Перунской все ее принадлежности перенесены были в Юрьев, так из него опять воссияла ее древняя слава, и обновился ветхий храм Богоматери, одиноко стоявший на холме Перуна, свидетеля славного события. Другая деревянная церковь, во имя Живоначальной Троицы, уже исчезла; на пустынном острове возникли опять келлии отшельников, и

ограда обители, которая была некогда первым оплотом против Славянского идолослужения и бурных волн Ильменских. Опять огласилась над водами мятежного моря Славянского, у самой пристани его сокрушенного кумира, тихая песнь отшельников: «Житейское море воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве».

Архимандрит ввел меня в келлии скитских отшельников и в отдельный покой их настоятеля, отколе открывается обширный вид на все озеро, затекающее за дальний небосклон; потом благосклонно проводил до пустынного берега. Мы потекли по быстроте широкого Волхова, который перестает быть младенцем от самой колыбели. К Городищу, древнему жилищу князя Рюрика, направлен был путь наш. Два протока, Волховец и Жилотуг, начинаясь от двух оконечностей Городища, образуют из него остров, и потом, соединяясь опять в один широкий рукав, за могильным холмом Гостомысла, под стенами Хутыня впадают в Волхов.

Там, где стоял на крутом берегу реки, городок варяжского пришельца, который содержал им в повиновении слободы славянские около Ильменя, теперь убогое селение, сохранившее, однако, название Рюрикова Городища. С сего времени утвердились там князья русские, даже и тогда как великий Ярослав перенес двор свой ниже по Волхову и за ним потянулся весь Новгород, по обеим сторонам реки. Место сие на острове и на холме не так мало благоприятствовало первобытному своему назначению, чтобы непрочные властители вольной столицы славянской решались скоро его оставить. Оттоле княжили они, как и с дворища Ярославля, и там укреплялись некогда против буйного Веча; туда изгонял и Новгород своих наместников князей, когда Вече объявляло им конец тревожного, краткого их владычества. «Ступай к себе на Городище!» – взывала мятежная толпа и там уже не тревожила изгнанника, потому что издавна привыкла почитать место сие чуждым Новгороду, заветным гнездом рода Рюрикова. Горько отозвалось оно Новгороду во дни его падения! Иоанн III, еще однажды угощавший на городище Владыку, посадников и бояр,

прежде других мест занял войсками укрепленное жилище предка, чтобы по его примеру господствовать над городом, а Грозный внук его оросил потоками крови Новгородской роковой холм сей, ибо на нем совершал он жестокий суд свой над древнею вольностью славянской родины.

Городище, всегда принадлежавшее Государям московским, подарено было Петром Великим любимцу своему, князю Меншикову, и было свидетелем падения сего славного временщика со всей высоты его. Во дворце Городища объявлен был князю и его дочери, невесте Императора, строгий указ бывшего ее жениха об утрате ими всех достоинств их высокого сана и о ссылке в Сибирь; ибо дотоле они еще не знали своей горькой участи, полагая только, что лишены милости царской и будут жить в дальних деревнях. Здесь и сорвали с них пышные одежды княжеские и облекли в убогие крестьянские рубища. Невеста царская, увидя себя в столь неожиданной одежде, бросилась в объятия родителя с горьким словом: «Ах я крестьянка!» и мужественно покорила своей участи. Отселе повлекли их в жестокое изгнание, в пустынный Березов, где им суждено было вскоре встретить и виновников своего изгнания, Долгоруких, и там, на чужбине, положить свои кости. Дворец князя Ижорского и сад его поступили опять во владение казны, но теперь нет и следов княжеской усадьбы. Один только убогий садик с несколькими избами обывателей покрывает часть холма Городищенского.

Еще стоит, однако, на опустевшем урочище древняя каменная церковь Благовещения, сооруженная вначале Мстиславом, великим сыном Мономаха, который украсил столькими храмами столицу славянскую. Спустя два столетия, она пришла в ветхость и восстановлена, по воле Великого Князя Симеона Гордого, архиепископом Василием, одним из знаменитых Владык Новгорода, которого белый клобук перешел ко всем митрополитам русским. Церковь сия еще дважды обловлена была – в исходе минувшего столетия и вначале нынешнего, и к ней пристроена трапеза с приделом во имя Сретения Господня. Но внутреннее ее устройство удержало древний характер византийский, по образцу Перунского скита,

хотя она гораздо обширнее. Та же четверугольная внешняя форма и тройное разделение алтаря, ибо так устроены почти все Новгородские церкви; уцелевший на стене образ Господа Вседержителя и часть мощей мучеников Черниговских, Князя Михаила и боярина его Феодора, составляют ныне главное сокровище сей древнейшей придворной церкви князей Новгорода. Две другие деревянные церкви – Святителя Николая и бессребренных Чудотворцев, которые стояли подле каменной, давно уже уничтожены. Но от ее заросшей травой паперти, не попираемой более княжескими стопами, какой очаровательный вид открывается на их старую отчину – великий Новгород с его окрестностями!

Багровое солнце уже близко было к земле Новгородской и бросало огненные лучи свои прямо в церковь Мстислава. Белый величественный Юрьев, другое славное дело рук его, рдеющий вечерними лучами, стоял на рубеже озера и реки, как некий светлый страж, их охраняющий. По сторонам его Перынь и живописная усадьба Орловская, как дети подле своего родителя, отражали также его вечернюю славу. Море Славянское синело вдали за мысом бывшего громовержца. Юноша Волхов, исполненный света и жизни, плавно шел мимо вековых храмов, заходя, как бы на поклонение, во все пристани и заливы; а храмы все более и более умножались вдоль берегов его, доколе не срослись все в один великий Новгород и не увенчались державною главою Софийскою. Слобода Воскресенская на противоположном берегу, куда по воле Иоанна переброшен был из Городища мост славным его зодчим Аристотелем, служит преддверием города; далее зубчатый Кремль на холме со своими башнями и куполами догорал последними лучами дня, и отблеском их озарялись новый великолепный мост Волхова и вся Торговая сторона с ее бесчисленными церквями. Они все собрались, как бы по звуку вечного колокола, к старому дворищу князя своего Ярослава, а вдали мелькали обители Антониева и Деревяницкая, за рощею, и чуть видимый Хутынъ. Такой обширный вид открывался во все стороны от древней усадьбы Рюрика, где некогда срубил он малый городок свой, и вот он разросся в пять славных концов

Новгородских. Недаром держались места сего потомки Рюриковы; отселе обнимали они взором и повелительным словом всю свою отчину, и на их зов откликались Святая София и Вече.

Я просил одного из моих спутников, отца Платона, который посвятил многие годы на изучение древностей Новгородских, назвать церкви и обители, раскинутые в пустом поле, около Городища или на холмах между протоками, и он сказал:

– Самая ближняя церковь, которую вы видите на холме за протоком Волховца, посреди слободы, есть бывший Спасо-Нередицкий монастырь, приписанный теперь к Городищу. Он основан князем Новгородским Ярославом, сыном Мономаха, в исходе XII века, и соборный храм его, построенный во вкусе Византийском, сохранил на стенах еще некоторые изображения святых с греческими подписями. Принадлежавшие к нему церкви и службы, приходя постепенно в ветхость, наконец совершенно истребились, и самый монастырь, сперва приписанный к Юрьеву, был упразднен при составлении штатов в 1764 году. Такой же участи подпал и Ситицкий монастырь, о котором упоминается в XIV веке. От него осталась теперь одна каменная церковь, во имя Андрея юродивого; вы ее видите на отдельном холме, за версту от Вережи, и еще большему подверглись запустению бывшие между ними обители Аргамакова и Шилова, иначе Покровская, которая основана в XIV веке в устье реки Шиловки, к югу от Городища. А к северу от него, ближе к Новгороду, одни только развалины двух каменных церквей, свидетельствуют о бывшем монастыре Лядском во имя Святителя Николая, которого начало восходит также к XIV веку. Первых же двух обителей не осталось даже и следов; их только знают по имени. Так мало-помалу время поедает славу Новгородскую».

– Но какая это обитель видна вдали еще во всем своем благолепии, со многими храмами, башнями и оградой?

– Так представляется она только издали, – отвечал он, – хотя и весьма убога внутри. Это Кирилловская, одна из самых древних, основанная в XII веке, двумя благочестивыми братьями Новгородскими, Константином и Андреем, во имя

святых патриархов Александрийских Афанасия и Кирилла, при архиепископе Мартирии. Соборная пятиглавая церковь ее была до половины разобрана, за ветхостию, в минувшем столетии, и довершена уже в новейшем вкусе. Несколько лет позже пристроен к ней придел во имя преподобного Арсения, игумена Новгородского, мощи коего перенесены были в сию обитель из часовни от церкви Жен Мироносиц, что на Торговой стороне. Там есть и другая теплая церковь во имя Покрова Богоматери; каменного здания много, но все это требует поддержки, а средств мало. От святых ворот открывается великолепный вид на весь Новгород, и такими видами богаты почти все его древние обители.

Чем более вглядывался я в пустынную окрестность Городища, тем более представлялось мне одиноких церквей на уединенных холмах, которые островами подымались из разлившихся вод. По их местоположению можно было предполагать, что каждая из сих церквей принадлежала в древности к какой-либо обители или пригородной слободе, и не напрасно поселение Новгорода, широко раскинутое по низменным берегам Волхова, называлось концами.

– Вижу, – сказал я, – далее Кириллова, на том же лугу, который прилегает к Новгородскому валу, еще две отдельные церкви: одну в старом вкусе, другую в новейшем; что эта за церкви?

– Здесь место древних скудельниц, где погребались странные и убогие в бедственные годы Новгорода, в голод или мор, – отвечал отец Платон. – Та, что постарше – Рождественская, XIV века, принадлежала обители Рождества Христова; но после опустошения шведского, которое оставило губительные следы во всем Новгороде, она обращена в церковь кладбищенскую. Другая же, во имя Святителя Николая, построена в половине минувшего столетия князьями Долгорукими на месте казни их знаменитых родственников, любимцев юного Петра II, которые, низвергнув Меншикова, сами вскоре были сосланы в то же заточение. Но тем не закончилась бедственная участь; их опять извлекли из дальней Сибири, по новым наветам, и предали мучительной казни на так

называемом Красном поле Новгородском. В сей надгробной церкви покоятся тела князей Василия и Ивана и двух его сыновей, Ивана и Сергия, разделивших горькую участь со своим родителем; многие богатые вклады Долгоруких свидетельствуют о прежнем усердии рода их к сему печальному памятнику их семейных бедствий; но теперь церковь Святителя Николая почти забыта ими.

С того места, где сподвижники великого Петра и самовластный распорядитель царства по его смерти, ступил первый шаг в свое дальнейшее изгнание, вместе с дочерью, царскою невестою, облеченною в рубище взамен порфиры, страшно и назидательно было смотреть на пустынную кладбищенскую церковь, сооруженную над прахом их гонителей, даже на самом месте их казни. Страшно было и следовать за ними мысленно в ту глухую Сибирскую дебрь, где обе невесты того же царственного жениха, княжна Меншикова и княжна Долгорукая, встретили друг друга, обе невинно пострадавшие за честолубие отцев и братьев! Какое судное слово для искателей земного величия написано на останках древнего великого Новгорода!

– Вот и еще одинокая церковь недалеко от вала, бывшая прежде монастырем Воскресенским, – продолжал мой почтенный собеседник. – Построение ее новое, но обитель существовала еще в XIV веке. В ней есть чудотворная икона Божией Матери, которая, по преданию, явилась на бурном море двум братьям Новгородским и велела выручить себя от иноверного священника, ибо он с поруганием употреблял священный лик ее вместо дверей своей светлицы. Спасенные от бурь исполнили данную заповедь.

– Сколько же, – наконец спросил я, – было монастырей в великом Новгороде и его окрестностях во дни его славы, когда и теперь, кроме совершенно истребленных обителей и доселе существующих, почти на каждом шагу встречается какая-либо одинокая церковь, бывшая монастырем?

– Их считалось более пятидесяти, – отвечал мне отец Платон, – и можно себе вообразить, каково было тогда благолепие священнослужения в сей древней столице

Славянской, когда со всех концов ее стекались крестными ходами сонмы иночествующих в сердце Новгорода, к Святой Софии во дни церковных празднеств! Зрелище, поистине достойное православной Руси!

– Назовите мне еще одну церковь, которая чуть видна на высоком холме, далее других, и почти на самом горизонте.

– И это был также монастырь, – сказал он, – но здесь два воспоминания слиты вместе, христианское с языческим. Это Волотово, или Богатырское поле, где погребались витязи Новгородские; это холм князя славянского Гостомысла, насыпанный по преданию пригоршнями целого народа Новгородского. Церковь на нем во имя Успения Богоматери сооружена Святителем Моисеем и сохранила еще остатки древности, но монастырь вокруг нее упразднен вскоре после разорения шведского. Стоя здесь, на Городище пришельца призванного Гостомыслом, чтобы княжить над его народом, можно подивиться мудрости, с какою Рюрик избрал место для своего городка, между двух самых священных воспоминаний славянских. С одной стороны взор его простирался чрез Волхов на холм Перуна, куда стекались на жертвоприношения не одни Новгородские туземцы, но и все окрестные славяне; с другой стороны восставал могильный курган последнего любимого вождя их, который послал сказать Рюрику: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет; придите управлять нами». Такими двумя великими залогами, еще более, нежели стенами, огражден был чуждый властитель от беспокойного племени, призвавшего его на княжение.

Солнце закатилось пока мы осматривали с холма Рюрикова летописную окрестность Великого Новгорода. Мне хотелось воспользоваться последними моментами света, чтобы посетить близкий монастырь Сковородский, за Волховцем, и поклониться там нетленным мощам Святителя Моисея. Поднявшись немного по Сиверсову каналу, мы прошли чрез гребень земли, его отделявшей от другого малого залива, и в рыбацкой лодке с трудом достигли отлогой высоты, на которой стоит монастырь, потому что необычайное разлитие Волхова затопило низменную его окрестность. Мертвая тишина царствовала внутри ограды,

братия разошлась по келлиям ради позднего часа; послушник открыл нам соборную церковь Архангела Михаила, довольно обширную, с двумя боковыми приделами – во имя Рождества Христова и угодника Божия Моисея, который был основателем собора и обители. Сам он открыто в ней почивает, под сению Архангелов, и первое, что поразило взоры во мраке храма, это его возвышенная рака, озаренная слабым мерцанием лампы.

С благоговением приложился я к нетленным останкам сего блаженного отшельника и Святителя, который удостоился принять благословенье на свою кафедру от двух величайших наших Святителей и чудотворцев, Петра и Алексия, ибо дважды, на расстоянии 18 лет, избирало его себе Владыкою вече Новгородское, и дважды оставлял он престол Софийский ради любимого им безмолвия. Постриженный в Твери в Отроче монастыре, Святитель Моисей уединился сперва на берегах Ильменя, на месте, называемом Коломцы, где была обитель, теперь уже не существующая. Колмов, также упраздненный, ниже по Волхову, был в свою чреду свидетелем его подвигов, и оттоле по смерти архиепископа Давида голос народный избрал его на кафедру святительскую; но чрез пять лет смиренный Моисей умолил народ отпустить его в желанное уединение, и, приняв на себя схиму, основал он напротив Колмова, по другую сторону Волхова, обитель Деревяницкую. Схима не спасла его, однако, от проявления любви народной, ибо 13 лет спустя, когда скончался знаменитый Владыка Василий от морового поветрия, опустошившего весь Новгород, его бедствующие граждане искали себе спасения только в предстательстве угодника Божия Моисея, и принудили его взять опять в старческие руки кормило церковное. Благословенья Патриарха Цареградского Филофея и митрополита Московского Алексия, укрепили его на новые подвиги, и еще 12 лет бодро пас он вверенное ему стадо, утверждая благочестие, потрясенное ересью Стригольников, распространяя веру Христову в дальних пределах Новгородских и в самом городе сооружая благолепные храмы и обители.

Болотова, над гробом Гостомысла, Колмова и Деревяницкая на Волхове, Свято-Духова у ворот Новгородских,

Коломицкая, где начал свой подвиг иночества, и Сковородская, где его довершил, были памятниками его христианской ревности; из числа их три сохранились до наших времен. Собор Знамения Богоматери, прославленный чудом от Ее иконы во дни Суздальской осады, и еще пять других церквей близ двора Ярославова, на Торговой и на Софийской стороне, сделали незабвенною память его великому Новгороду, а в Москве еще хранятся яшмовые его сосуды, принесенные в дар Святителю Петру митрополиту. Удрученный старостию, Святитель Моисей умолил опять народ отпустить его на краткий отдых до вечного упокоения в созданную им обитель Сковородскую, близ места первых его подвигов, и там еще три года был он зеркалом благочестия для собранной им братии и для всей паствы. Но и после блаженной кончины многими чудесами и исцелениями явил он свои пастырские о них заботы, спасая от бурь и хищников, в морской пучине благочестивых граждан Великого Новгорода, а самую обитель от нападения разбойников; они едва не погибли в трясилах, ее окружающих, и в ужасе покаялись представшему им угоднику Божию. Даже первый из Владык Новгорода, Сергей, присланный Иоанном после его покорения, не по избранию народному и не из клира Софийского, испытал на себе тяжкую болезнь за то, что не воздал подобающей чести памяти великого Святителя, прежде него восседавшего на Софийской кафедре, и принужден был ее оставить.

Довольно поздно, уже в царствование Государей Иоанна и Петра, при благочестивом митрополите Новгорода Корнилии, который удостоился погребать и Никона Патриарха, обретены были чудным образом нетленные мощи Святителя Моисея. Однажды настоятель, взошедши с братиею в храм для утреннего бдения, увидел всю церковь освещенною невидимой рукою и посреди нее мощи угодника, открыто лежащие и проливающие вокруг чрезвычайное благовоние. Обрадованный дивным событием, он поспешил возвестить о том Владыке, и сам Корнилий с благоговением поставил святые останки своего блаженного сопрестольника на то возвышенное место, где почивают доныне – под аркою с правой стороны иконостаса.

Совершенно смеркалось, когда мы оставили монастырь и тем же путем достигли опять канала. Быстро понеслась ладья наша в широкий Волхов. Молодой месяц выглянул из облаков и полусветом озарил воды и берега. Вдали как призрак белел многоглавый Юрьев. У истоков Волхова засверкали огни. Мимо нас скользили лодки рыбаков, и слышались их заунывные песни. Так величествен был этот новгородской вечер на родных его славянских водах; морем казался Волхов, все объемлющий, все проникающий своими глубокими заливами и бесчисленными рукавами, как сторукий исполин, содержащий всю громаду Великого Новгорода с его отдельными святилищами, которые раскинулись далеко от Святой Софии.

– Какие огни мелькают от Ильменя? – спросил я отца Платона, – будто маяки, зажженные на озере, для обозначения его опасного устья.

– Это огни на судах, стоящих у входа в озеро, – ответил он. – Иногда целый огненный флот тянется ночью мимо Юрьева, оставляя по себе багровую полосу на водах, и мы приходим на берег любоваться живописным зрелищем. Любопытно прислушаться и к песням, или, лучше сказать, молитвенным воззваниям пловцов, когда, вырвавшись из бурного озера, входят они в безопасный Волхов. В них отзывается быт старого Новгорода и память его святилищ, уже отчасти не существующих. Первым, что представлялось выходящим из Ильменя, был монастырь Троицкий на Колонце, против Перыня. Теперь нет и следов его, равно как и Шилова, стоявшего в виду Юрьева, но еще сохранилась между рыбаками и погонщиками тяжелых барок, которые идут с лесом из Старой Русы, эта народная песнь, где с именами святых странно перемешаны и названия урочищ.

«Троица Колоница,
Перынь Богородица,
Шило святое
Юрь монастырь
Помогай нам!»
1844 г.

Обитель Михаила Клопского

Еще дважды посетил я Новгород, и опять под сению Юрьевской обители. Это было весною, когда полная вода выступила из берегов Волхова и залила все окрестности. Казалось, озеро Ильмень приступило к великому Новгороду, и его окрестные обители, рассеянные по холмам, стояли каждая на своем отдельном острове, как будто бы северная Венеция внезапно возникла из Славянских вод. Не было другого сообщения, кроме как водою, с дальнею обителию Святого Михаила Клопского, отстоящую на 15 верст от Юрьева, которую давно желал я посетить, по особенному уважению к почившему в ней угоднику Божию, и воспользовался полноводием, чтобы отплыть туда на восьмивесельном катере. Но плавание сие, по видимому легкое, оказалось весьма трудным. Из Волхова надобно было втекать в русло малой речки Прости, пересыхающей летом, и отыскивать догадкою ее течение по большим полянам, залитым водою, где часто останавливался на мели катер. Мы плыли мимо Ракомы, бывшего села Ярослава Великого, где некогда в порыве юношеского гнева избил он старшин Новгородских и куда несколько дней спустя граждане великого города, услышав, что Великий князь Святополк умертвил своих братьев Бориса и Глеба и что Ярослав хочет бежать к варягам, пришли великодушно предложить ему свою помощь. Совершенно новая церковь Святого Феодора Стратилата стоит на старом урочище Ярослава, и не осталось никаких следов жилья княжеского. Только там, где речка Прость впадает в Веряжу, расширился проток и катер быстро поплыл к озеру и обители, увлекаемый стремлением воды. Она представилась издали, окруженная также водою со всех сторон, и величествен был ее трехглавый собор с колокольнею посреди широкой равнины вод.

Если смотреть только на церковные здания обители, то они мало заключают в себе примечательного, хотя довольно благолепны и восходят до времен царя Иоанна Васильевича. Им основан холодный собор Троицкий, из уважения к памяти

преподобного Михаила, там почивающего под спудом, с приделом во имя его в южной части алтаря. Но другая придельная церковь – Покрова Богоматери – и теплый собор во имя чудотворца Николая, сооружены после разорения шведского уже по воле Царя Михаила Феодоровича, и обитель обязана нынешним своим благолепием усердию трех игуменов: Товии, Паисия и особенно Герасима, которые друг за другом управляли ею в нынешнем столетии. Однако первое и лучшее ее сокровище есть мощи Преподобного; он прославил собою монастырь, ненавистный до него в пределах Российских, и доселе привлекает к нему усердствующих богомольцев.

Весьма замечательна не только для церкви, но и для истории жизнь сего отшельника, о которой мало кто знает, хотя она тесно связана с событиями лучшей эпохи Новгорода и касается княжения Московского. На месте, называемом Клопово, уже существовала убогая обитель во имя Святой Троицы, и там игуменствовал Феодосий, впоследствии избранный на кафедру Софийскую. Однажды (это было 23 июня 1408 года), священноинок Макарий, имевший келлию свою при деревянной тогда церкви Святой Троицы, совершая по очереди утреннее служение, хотел покадить и келлию и нашел ее отверстою. Еще более изумился Макарий, когда увидел в ней мужа, облеченного в одежды иноческие, пишущего «Деяния Святых апостолов» при свете горящей пред ним свечи. С ужасом возвратился он в церковь и сказал о том игумену; игумен же с братиею по окончании утрени, взяв с собою крест и кадило, пошли в келлию, но уже нашли ее крепко затворенною изнутри. Никто не отозвался на их голос и стук, так что игумен принужден был выломать двери, и, к общему изумлению, опять обрели в ней того же старца, неподвижно сидящего и продолжающего свое писание. Игумен стал вопрошать его: «Поведай мне, кто ты, человек или дух?» – и услышал в ответ те же самые слова, как бы собственное эхо. Он стал творить молитву – то же и старец; игумен оградил себя крестом и покадил фимиамом – и старец, уклоняясь от кадила, ограждал себя крестом. Когда же настало время литургии, он, придя в церковь, присоединил голос свой к голосу братии и начал вслух

читать «Апостол» стройно и приятно. Игумен велел ему во время трапезы читать жития Святых, и некто из братии не мог вкушать пищи, до такой степени сладостно было его чтение. После трапезы игумен ввел нового брата в отдельную келлию, и с того дня безвыходно начал он жить в обители, проводя день и ночь в посте и молитве, вкушая пищу только однажды в неделю, не имея у себя ни единой вещи, ибо являл совершенную нестяжательность и изнурял тело свое чрезвычайными трудами. Со дня на день возрастало к нему уважение братии, и все почитали его за великого мужа, хотя он, ради большого смирения, представлял из себя юродивого. Никому, однако, не было известно, кто он, и отколе пришел в обитель, и даже какое его имя?

В первый раз, когда сей неведомый миру инок под видом юродивого посетил Великий Новгород, он уже проявил таящуюся в нем благодать Божию. Толпа детей на улицах стала ругаться над его юродством, бросая в него камни и всякую нечистоту, но блаженный не радел о них; увидев отрока, тихо стоящего около дома церковного, он взял его за власы, поднял выше себя и возгласил: «О Иоанн, учись книгам прилежно, ты имеешь быть архиепископом Великому Новгороду». И действительно отрок сей, отданный матерью, ради сиротства своего, в научение некоему дьякону, был впоследствии знаменитым Святителем Ионою, которого нетленные мощи доныне почивают в обители Отенской, им основанной за 40 верст от Новгорода. Подобало, однако, прославиться и тому, кто возвещал славу других, как собственную. Однажд, удельный князь Константин Дмитриевич, сын витязя Донского и брат державствовавшего тогда Василия, будучи наместником Новгорода, пришел посетить обитель Троицкую, настоятель коей Феодосий был его отцом духовным. После Божественной литургии, во время трапезы, которою угощал благочестивый князь всю братию, игумен велел старцу читать житие многострадального Иова. Тронутый сдостью голоса князь подошел к читавшему и внезапно с глубоким уважением ему поклонился, воскликнув: «Это Михаил, сын Симеонов!» Но праведный отвечал ему: «Один Бог, создавший меня, ведает кто

я». Игумен стал увещевать его, для чего не хочет открыть своего имени, и старец сказал ему: «Да будет тебе известно, что меня зовут Михаилом». Но князь Константин, не довольствуясь столь смиренным отзывом, в свою черду сказал игумену: «Да будет тебе известно, что старец сей ближайшими узами родства соединен с нами». И все с бдагоговением воззрели на мнимо юродивого.

Кто же был сей Михаил, сын Симеонов? Отнюдь не меньше, как сам законный наследник державы Российской по праву старейшинства, если бы только он искал царства земного вместо небесного, ибо Димитрий Донской, отец обличившего его князя

Константина, происходил от Великого князя Иоанна Калиты, только чрез младшего его сына Иоанна, а Михаил был сыном старшего, Великого князя Симеона Гордого, и так как новое право престолонаследия сына по отцу началось только со времен Димитрия Донского, то Михаил, как старший в роде, долженствовал бы наследовать престол по кончине дяди своего, Великого князя Иоанна II. Но не так размышлял о том блаженный труженик. По смерти державного отца своего и двух старших братьев, которые скончались от морового поветрия, опустошившего всю Россию, отрок Михаил с матерью своею Мариєю возрастал в мире под сению кроткого дяди Иоанна, а когда и сей отошел в вечность, не хотел он вступить в мятежное наследие державы Российской, сокрушаемой тогда татарами. Равнодушно видел Михаил, как овладел им сперва князь Суздальский Константин Дмитриевич, а потом приобрел оное еще в малолетии Димитрий, будущий витязь Донской. О другом, более светлом и прочном престоле радел юноша, и когда после славного Мамаева побоища иной разоритель, хан Тохтамыш, пришел опустошить Москву и все семейство великокняжеское бежало в Кострому, Михаил стал размышлять в себе, что уже преходит образ мира сего и сокрушаются престолы князей, возводимых и низводимых рукою Господней; ревностно возжелал он не мимоходящего царства, но исполненного вечных благ и навсегда покинул всякую заботу о временном княжении и даже о доме родительском. Внезапно

скрылся юный князь, и никто не мог проведать места его уединения. Нежная мать, долго оплакивая его как мертвеца, сама постриглась в одной из обителей и там окончила благочестиво дни свои. О Михаиле же ничего не было известно, доколе не явился он уже в ангельском образе, в монастыре Клопском, доколе не обличил его там племянник, князь Константин!

С того времени Господь ознаменовал угодника своего многими чудесами – во свидетельство той небесной державы, которая уже ему была предназначена и в земном его жителстве. Однажды, когда убийственная засуха тяготела над пределами Новгородскими и иссякали все источники, пономарь обители, вышедши искать где-либо воды вдоль берега высохшей реки Веряжи, увидел Михаила, пишущего на песке слова Писания: «Чашу спасения прииму и имя Господне призову»; когда же извещенный о том игумен спросил отшельника о таинственном значении слов сих, Михаил обещал ему на этом месте источник воды не иссякающий, что и совершилось по его молитве. В другой раз, во время голода, игумен усомнился раздавать оскудевающий хлеб приходившим в обитель, но Михаил успокоил его примером евангельским о пяти хлебах, насытивших пять тысяч народа, и показал ему, что житницы монастырские не истощаются от взимаемого из них хлеба. Еще однажды, когда разбойники во время Божественной литургии собрались ограбить обитель, Михаил, как бы юродствуя, сказал игумену, чтобы он пригласил всю их дружину на трапезу монастырскую, и смело объявил в лицо тридцати вооруженным, что не исполнится совет их. Они же, смятенные его словами и внезапную болезнью двух вождей своих, не только не ограбили обители, но даже принесли ей богатые дары; один из заболевших разбойников просил себе пострижения и, исцелившись, пребыл иноком.

Вторично посетил князь Константин Великий Новгород и обитель Троицкую уже не в качестве наместника великокняжеского, потому что был в ссоре с братом своим за права престолонаследия и даже лишен удела. Блаженный Михаил, отрекшийся более чем от удела – от целого царства,

утешил кроткими словами своего сродника; он внушил ему благую мысль создать каменный храм в обители во имя Пресвятой Троицы, пообещал возвращение ему удела, что исполнилось немедленно по освящении церкви, ибо Великий князь опять с ним примирился. Предсказал он и своему игумену Феодосию о его кратковременном превознесении на святительской кафедре, без посвящения, однако, в сан архиерейский, и это совершилось по смерти престарелого архиепископа Симеона. Вече народное избрало Феодосия, возвело на сень палат архиерейских, и уже два года, как самостоятельный Владыка, управлял он делами церковными, не имея случая идти за посвящением в Москву по смутам политическим; и вот опять беспокойное Вече, возбужденное против Феодосия посадниками, изгнало его с престола в прежнюю обитель, но бывший Владыка утешился там лицезрением Блаженного.

Судьбою царственного отшельника было в самом добровольном смирении своем обличать и утешать князей и Владык, и как бы располагать заблаговременно их избрание своими таинственными предсказаниями. Так указал он кафедру Софийскую Феодосию и Ионе, еще отроку; так обличил и первого Евфимия, корыстного нравом, отягощавшего обитель лихоимством. «Повелевают ли Священные Писания пастырю расхищать стадо? – грозно сказал ему Преподобный. – Знаешь ли сам, для кого ты собираешь?» При сих словах разболелся внезапно архиепископ и вскоре скончался. Второй Евфимий, ему наследовавший на кафедре, но не нравом, ибо прославился святостию своей жизни и нетленно почивает в созданной им обители Вяжецкой за 12 верст от Новгорода, был искренним другом Святого. Неустройство гражданское смущало тогда Великий Новгород; он был в разрыве с Великим князем Московским, и некоторые из граждан хотели подчиниться Королю Польскому, посему Владыка Евфимий, уже три года избранный, не мог еще быть рукоположен в сан святительский. В смущении духа посетил он обитель Троицкую и просил блаженного Михаила помолиться о нем Богу, дабы мог воспринять законное святительство от Митрополита Московского.

Но Михаил, представляя из себя юродивого, исторг платок из рук Евфимия, покрыл им себе голову и воскликнул: «Смоленска достигнешь и там архиерейство примешь». Сбылись слова Блаженного, ибо спустя несколько времени, Евфимий отправился в Смоленск и принял там рукоположение от митрополита Киевского Герасима. Когда же возвратился в обитель благодарить старца, Михаил велел ему ехать в Москву, утолить гнев Великого князя Василия Темного против Новгорода и испросить себе благословение у митрополита Фотия.

Блаженному Михаилу, уступившему свое земное наследие племяннику и внуку, прилично было давать отеческие наставления невольному утратившему престол свой, ибо все князья русские приходили к нему, как к старшему из их племени. Князь Димитрий Шемяка, ослепивший двоюродного брата своего Василия Темного и только на краткое время наследовавший великое княжение после отца своего Юрия, пришел искать себе убежища в Новгороде, который любил величаться покровительством изгнанных князей. Он посетил смиренного Михаила в его обители и просил умолить о нем Бога, дабы возвращено ему было царство. Но старец отвечал: «Княже, всякая власть даруется от Бога, ты же возбудил на Руси великие междоусобия на радость врагам ее. Если опять на сие дерзнешь, ведай, что не только желаемого не получишь, но даже отеческого наследия, и со срамом возвратишься сюда, и здесь тебя примет трилокотный гроб». Не послушался Святого беспокойный Шемяка, опять воздвигнул брань и, снова побежденный, вторично прибежал в обитель просить благословения и прощения у Святого. «Я слышал, о Князь, – сказал ему Михаил, – землю, трикраты вопиющую и тебя воспринять хотящую». Не умилился и сею горькою речью Шемяка, как бывает всегда обычай у честолюбцев не отступать от своих замыслов до конечной гибели. Сняв с себя свою княжескую одежду, он облек ею труженика, как бы нуждавшегося в великолепии ризах, и взяв его за главу, стал целовать с любовью, умоляя предстательствовать о нем, дабы хотя возвратилась ему отчина его, удел Галицкий. Но Святой опять повторил ему прежнее горькое пророчество, что, не

достигнув удела, со стыдом возвратится в Новгород. И во второй раз сбылось предсказание, ибо Шемяка, разбитый войсками великокняжескими, бежал в Новгород и там отравлен был собственными боярами. Прах его погребен в холодном соборе Юрьевской обители, которой благодетельствовал он при жизни.

Светлый взор Михаила, далеко проникая в будущее, с горестию предвидел и близкое падение Новгорода, который представлялся мирскому глазу еще во всем блеске своего величия. Однажды сошелся он со святым архиепископом Евфимием в основанной им обители Святителя Николая на Вяжицах и сказал ему: «Сегодня радость великая в царствующем граде Москве» (это было 22 января 1440 года). «Какая же вина сей радости?» – спросил Архиепископ, и прозорливый ответствовал: «Сегодня родился Великому князю Василию сын и нарекли имя ему Тимофей; Иоанном же еще наречется. Он будет наследник царству и всем странам явится страшен, примет и сей Великий Новгород, и все наши обычаи изменит, и нас переведет в свою землю». И чрез сорок лет исполнилось его пророчество. Великий наш историограф почерпнул также сказание о сем из летописи, внесенной в Степенную книгу; но, называя инока Мисаилом, он не имел случая прочесть житие его и не знал о его высоком роде и достоинстве не только духовном, но и историческом, а потому сомневался в истине сказания. Но сколько таких примеров дара пророческого открывается в летописях христианства, по слову Господа нашего Иисуса Христа «Веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больше сих сотворит, да вы чудитесь». Несколько лет спустя блаженный старец повторил то же пророчество Новгородскому вельможе Иоанну, прозванием Немиру, пришедшему посетить обитель. Боярин сообщил ему свою заботу, что Великий князь Василий хочет идти воевать в Новгород за то, что граждане приняли себе в наместники одного из Литовских князей. Но Блаженный, устремляя взор свой гораздо далее предстоявшей опасности и видя уже конечное падение Новгорода, как бы наступившее, сказал ему: «Почто, яко безумные, мнутя новгородцы? Если не утолите гнева

Великого князя Иоанна, бывшего уже соправителем, то многие беды примите, ибо за непокорность вашу он придет сюда с воинством и станет на берегах, поглотит страну вашу и многих из вельмож ваших посечению предаст, других же отведет в плен. А тот князь, на которого имеете надежду, ни себе ни вам помочь не может, и сам, побежденный, вдастся бегству. Потом вторично придет Великий князь, возьмет город ваш и всю свою волю над ним сотворит. Вы ли воспротивиться можете тому, что суждено ему было еще при рождении?» Так в течение 44 лет лично направляя Владык и князей Новгородских, блаженный Михаил связал память свою с грядущими событиями великого града.

Приблизилось время блаженной кончины царственного отшельника: предвидевший судьбу людей и народов предчувствовал и свое близкое отшествие к Богу. Братия стали замечать, что он начал становиться во время Богослужения вне храма с правой стороны, и когда игумен спросил его, зачем не входит в церковь, святой отвечал ему словами псалма: «Се покой мой во век века, яко zde вселитися имам». В начале декабря 1451 года заболел он тяжким недугом, который продлился до 10 января. Тогда призвал он всю братию и стал просить у всех себе прощения. Плакали иноки и сами просили себе благословенья его и молитв, он же, утешая их, обещал и по смерти не оставлять обители. Видя крайнее изнеможение старца, игумен хотел немедленно приобщить его Святых Таин, но Преподобный отложил до другого дня причащение свое и, к общему изумлению, на следующее утро сам взошел в церковь приобщиться. После Божественной литургии, как Пророк Исайя, приявший уголь от Серафима, Михаил, обоженный приятием Тела и Крови Господних, сам положил угля и фимиам в кадило и с ними возвратился в свою келлию. Утешенный его внезапную крепостию игумен послал ему в келлию пищу с трапезы, но братия обрели его уже отошедшим ко Господу, простертым на ложе с руками, сложенными на груди крестообразно, и всю его храмину исполненной благоухания. Плачем огласилась вся обитель; по зову игумена Феодосия поспешил в нее Святой архиепископ Евфимий со всем освященным собором и со

множеством народа, чтобы проститься с преподобным и воздать ему должное погребение. Но невозможно было прокопать для его могилы землю, отвердевшую крепче камня от жестокого мороза. Тогда игумен вспомнил место, где любил стоять в последнее время Преподобный; архиепископ велел копать там могилу, и что же? – земля на этом месте была мягка, как летом. Исполненный священного ужаса духовный собор со слезами умиления похоронил тут блаженного Михаила, столь явно указавшего избранное им место упокоения, и непрерывные исцеления стали истекать от гроба всем, приходившим к нему с верою; даже издали призывавшие имя его в скорбях своих или в пучинах водных получали видимо его помощь. Так явился он на море купцу, плывшему из западных стран, и спас его от бури, и князю Белозерскому Василию, обуреваемому на озере Ильмени, который призвал Святого, подал он руку помощи, и князь по утихшим водам достиг его обители. Самая обитель сия, внезапно объята огнем, спасена была от конечной гибели только предстательством Преподобного. Таков был сей великий угодник Божий, променявший венец земного царства на неувядаемый венец небесного.

Воздав молитвенное поклонение смиренному Михаилу и осмотрев его убогую ныне обитель, я взошел на колокольню, чтобы оттоле окинуть взором всю окрестность. Широкий Ильмень открылся мне вдали, за устьем реки Веряжи, и множество сел, рассеянных вдоль протока и по берегам озера; из них некоторые именами своими доселе свидетельствуют о древних урочищах или о прежних владельцах, как например, Спас-Епископов, т. е. епископский, достояние бывших Владык Великого Новгорода. На расстоянии семи верст, за прибрежную крутизною, показались главы другой обители – Ефрема Перекопского, но позднее время не позволило мне посетить ее. Какой особенным мир обителей и отшельников проявлялся в лесистых и болотистых окрестностях Новгорода! Это был как бы некий отдельный оазис на пустыре широкой земли Русской, где все дышало своим Софийским воздухом и даже в церковном отношении слабо держалось общего союза, кроме рукоположения одного Владыки. В XIV и XV веках, в полном

цвете развилась жизнь духовная и гражданская на берегах Волхова. Современником царственного Михаила, хотя и гораздо его моложе, был сей преподобный Ефрем, родом из Кашина, поселившийся сперва в обители Колязинской Святителя Макария. Он пришел искать себе строжайшего начала иноческого у другого великого отшельника Саввы, который из тех же пределов явился раньше его в дебрях новгородских, на берегу реки Вишеры, и, основавшись там с благословения архиепископа Иоанна Ш, повторил строгое житие древних столпников на пустынном столпе своем к изумлению всего края. С его молитвою переселился Ефрем на дикий берег Ильменя, в место совершенно безлюдное, и создал себе пустынную келлию в устьи речки Веренды. Молва привлекла к нему других любителей безмолвия, и Святой архиепископ Евфимий, друг Михаила Клопского, поставил его против воли настоятелем зарождающейся обители при сооруженной им церкви Богоявления. Обитель сия получила впоследствии прозвание Перекопской, или Перекомской, от малого протока воды, который прокопал блаженный Ефрем для удобнейшего сообщения речки с озером; она сохраняла свое название даже и в то время, когда воды озера, часто к ней подступавшие, принудили наконец иноков перейти на другое место, за две версты выше, также на берегу Ильменя. Это случилось уже во дни царя Грозного и Владыки Новгородского Пимена, при ученике Преподобного Романа, который перенес обе деревянные церкви и сами мощи своего блаженного учителя во вновь созидавшуюся обитель. Она пострадала при общем разорении шведами и еще раз от жестокого пожара, и в ней уцелела только одна каменная церковь Святителя Николая с приделом преподобного Ефрема, где почивают под спудом его мощи. Наконец, от крайнего своего убожества, монастырь был упразднен и приписан к Клоповому, но в последних годах минувшего столетия ревностный обновитель запустевшей обители Вишерской Варлаам, из бдагородного звания, после воинских трудов принявший на себя иноческий образ, обновил и древнее жительство ученика Святого Саввы. Начав с его раки, восстановил он все обветшавшее здание и убедил игумена

одного из городских монастырей, Лаврентия, перейти с братиею в сие более свойственное инокам уединение. Таким образом, усердием одного благочестивого мужа восставовились оба монастыря, сродные между собою по своему началу; а Вишерская обитель послужила в свое время рассадником духовной жизни в Новгороде от благоговейного собрания многих благородных иноков, наследовавших усердие и добродетели обновителя Варлаама.

Било уже двенадцать часов ночи на колокольне Юрьевской, когда возвратился я после трудного моего плавания по заливам и протокам из обители Святого Михаила Клопского.

Святая София

Громко имя Святой Софии, давно и глубоко вкоренилось оно в землю Русскую: от красных берегов Босфора, где впервые услышали его послы Владимировы, отозвалось оно при Великом Ярославе над синим Днепром, в матери городов Российских, и на истоках Волхова, в родовой колыбели славян. Именем Святой Софии загремело шумное Вече Новгородское; под сень сего мощного имени стали стекаться гости иноземные и страшно раздалось оно в рядах Меченосцев, когда бился с ними Новгород во дни битв своей юности.

Но голос брани умолк, умолк и голос торговли – она течет живой рекою, вдали от запустевших дворов иноземных, которыми некогда красовался сей древний союзник Ганзы; и звук вечего колокола замолк – слышен только обычный благовест, созывающий на молитву мирных сынов Новгорода. Один Волхов по-старому шумит под древнею стеною Кремля, один он не хочет утихнуть, и только в бурных его волнах беспокойным кажется вид обеих сторон: Торговой и Софийской, некогда враждебных друг другу; одна только Святая София гласит о прежней славе Новгорода.

Восемь веков протекли над нею и не смели коснуться; они изменили вокруг нее гражданский быт и самую природу, но не проникли в заветное святилище. Напрасно стучались они старческою рукою в два ее притвора, их как бы отразили с южной стороны два в ней почивающие князя: храмоздатель Владимир и щит Новгорода, храбрый Мстислав; а с западной укрепил за собою запоры Корсунских врат сонм духовных Владык Новгорода, избравший себе место сие последним приютом. Так пощадила рука времени древнее святилище, иногда только обновляемое рукою человеческой, и вступивший в него может еще на время забыть о настоящем в долголетьи минувшего.

Еще в глубоком куполе не разжалась рука Вседержителя, столько веков держащая судьбы Великого Новгорода; и так не напрасно слышался от сей иконы таинственный глас

иконописцам Цареградским, когда по воле епископа Луки трижды старались они начертать благословляющую десницу Господа. «Не пишите Мя с благословляющею рукою, но пишите Мя со сжатою; Аз бо в сей руце Моей сей Великий Новгород держу; когда же сия Моя рука распространится, будет тогда и граду сему скончание», – так гласит местное предание, записанное благочестивыми предками. Вот и сама Святая София, то есть воплощенная Премудрость Божия, таинственно изображена на храмовой иконе древнего греческого письма в виде Ангела Великого Совета, по словам пророческим. Он сидит на престоле, по сторонам коего стоят Святая Дева и Великий Предтеча, бывший гранию обоих Заветов, а над ними разогнутое Евангелие с ликами Архангелов. Икона сия, залог спасения Новгорода, украшена была новою серебряною ризою в царствование Петра Великого митрополитом Иовом и обновлена недавно усопшим митрополитом Серафимом. Подле нее в таком же окладе другая местная икона Спасителя, с Греческим Евангелием в руках. Она называется Корсунскою, по древности своего происхождения, и увезена была Царем Грозным при разорении Новгорода вместе с иконою верховных Апостолов, которая теперь по правую сторону иконостаса. Иоанн возвратил обе иконы в 1570 году.

По левую сторону Царских врат, обложенных серебром во дни Патриарха Никона, как о том гласит надпись на их сени, стоит храмовая икона Успения Богоматери; ей празднует собор Святой Софии, ибо Пречистая Дева была сама Храмом воплощенной Премудрости. Серебряною ризою украшена сия икона, как и не далеко от нее другая, на которой изображены в лицах стихи псалма: «Предста Царица одесную Тебе». Такими изображениями особенно богат собор Софийский, весь расписанный по сводам и стенам историею Ветхого и Нового Заветов; на десяти столпах его, кроме обычных ликов мучеников и Святителей Новгородских, начертаны еще в лицах Символ веры и акафист.

Не великолепен убранством четырехъярусный иконостас, с ликами Апостолов, Пророков и дванадесатью праведниками, но драгоценна его древность, пред кою благоговело столько

поколений. Сквозь тесные царские врата его, напоминающие собою Московские Успенского Собора, открывается величественный престол, с серебряными изваяниями – благочестивый дар царствующего Императора, а на полукружии Горнего места древнее кресло Владык Новгородских, на коем восседало столько великих мужей. Спаситель и Господь Саваоф, в Силах Ангельских, изображены над сим Горним местом, а вокруг Апокалиптическая надпись: «Бысть царство мира Господа нашего и Христа Его, и воцарится во веки веков». Лики Ангелов, Святителей, Пророков, Мучеников оживляют стены и столпы древнего алтаря сего, в котором почти от начала христианства на Руси не преставала ни одного дня приноситься бескровная Жертва о спасении Ее сынов; такое обилие молитвы исполняет сию сокровищницу, и Слово Божие устами своих служителей не престаёт и донныне оглашать молитвенников под сению Святой Софии.

Большое паникадило, или хорос, пред иконостасом устроено в царствование Годунова митрополитом Варлаамом, как о том свидетельствует надпись, и особенно замечательны два места, Царское и Святительское, украшенные богатою резьбою. Архиепископ Пимен, бывший судиею Святого мученика Филиппа и сам вскоре осужденный Грозным, поставил обе сии кафедры и велел вырезать на них надписи: на Царском месте – молитву, которую сложил Император Иустин: «Единородный Сыне и Слове Божий бессмертен сый...» с титулом Царским на конце; а на Святительском месте начертана сия утренняя молитва: «Небесный Царю! Верного Царя нашего укрепи, веру утверди, языки укроти, мир умири и святую обитель сию добре сохрани; прежде отшедшие отцы и братию нашу, в селениях праведных учини и нас в покаянии и в православной вере, Господи, приими и помилуй нас, яко Благий и Человеколюбец. Лета 1068».

Четыре придела умножают собою число престолов Софийских: один, по левую сторону алтаря, во имя Евангелиста Иоанна, другой во имя Предтечи, у входа, налево от Корсунских врат, и два с правой стороны алтаря, в честь Рождества Богоматери и святых ее родителей Иоакима и Анны. Сим

приделом начинается летопись соборная; ибо он устроен в память церкви Богоотец, созданной в 990 году первым епископом Новгорода, Святителем Иоакимом Корсунским, который низринул Перуна и крестил славян в волнах Волхова; каменная церковь сия долго существовала позади нынешнего собора. Он же соорудил и другую деревянную церковь, во имя Софии Премудрости Божией, в подражание Цареградской, на так называемой Епископской улице; она сгорела 60 лет спустя, и на ее месте богатый гражданин новгородский Судислав поставил новую – в честь князей Бориса в Глеба, но и та разорена была немцами в XII веке; развалины ее доселе видны позади присутственных мест.

Наконец сын великого Ярослава, юный Владимир, княживший в Новгороде, с благословения второго епископа, Луки, начал строить в 1045 году из дикого камня и кирпича собор Софийский и, совершив его в течение семи лет, обнес каменным Кремлем. На праздник Воздвижения 1051 года освящен был великолепный храм сей, не уступавший Софии Киевской, на который истощал богатство свое великий Ярослав; зодчие византийские строили тот и другой, и остатки мусии в алтарях обоих свидетельствуют о древнем их убранстве. Двадцать три сажени высоты в Новгородском соборе до вершины его купола; громада сия была поддержана впоследствии каменными быками с северной и западной стороны, как и образец ее, Цареградская София. Несколько раз опален был собор страшными пожарами во время волнений народных: однажды при знаменитом Владыке Василии, в 1335 году, а в XIV веке, при архиепископе Иоанне III, трижды в продолжение двенадцати лет, и каждый раз усердие Святителей и граждан обновляло растопившийся свинец на пяти его главах. Архиепископ Мартирий устроил, в исходе XII века, златую паперть с южной стороны собора, которая сохранила его имя, и вместе с древнею, так называемую Корсунскою, служит усыпальницею Владык Новгородских. Такова краткая летопись собора.

Славны и Корсунские врата, давшие имя западному притвору, которыми входили Святители Новгорода из каменных

палат своих. Названием Корсунского освящалась у нас всякая древность, ибо из Корсуни заимствовали мы первую святыню нашу. Особенно в Новгороде, где и первый епископ был родом корсунянин, почетное сие название сохранилось всем древним крестам и иконам, и народ православный, казалось, хотел стереть отпечаток средних веков и западного искусства с любимых своих памятников, которыми хвалился, относя их к глубокой древности византийской. Так, названы Корсунскими и медные врата Святой Софии, украшенные изваяниями событий Евангельских на двадцати шести досках, хотя в самом низу смиренно изображены с молотком в руках и в немецкой одежде три их художника и сам епископ Магдебургский Витман. Один из наших ученых археологов предполагает, что они были привезены из Магдебурга при Владыке Василии, который много украшал собор в XIV веке и, по словам летописи, устроил позлащенные врата Святой Софии, купив их в Германии. Есть и еще другие замечательные врата в соборе, при входе в придел Рождества Богоматери; они слывут Шведскими и, по преданию, взяты были в XII веке Новгородскими дружинами из древней столицы шведской, Сигтуны, от которой остались теперь одни только развалины, близ новой столицы. Но врата Сигтунские, как и Корсунские, доселе остались загадочным, хотя любопытным памятником Святой Софии, исполненной древностями стольких столетий.

Два великих подвижника, князь и епископ, лежат, как бы на страже, у входа Святой Софии, в первой ее придельной церкви – Рождества Богоматери. На расстоянии ста лет друг от друга в сей временной жизни, они соединились на вечный покой под сению бедного храма. Древний Киев был начальным поприщем обоих, но какими различными путями достигли они Небесного Царствия и встретились в ликах Святых! Один, строгий затворник Печерский, Никита, послан был святительствовать в Новгород, где имел утешение успокоить Святого труженика Антония Римлянина, приплывшего на своем камне. Тринадцать лет он пас свое духовное стадо и дважды силою молитвы охранил его от страшного пожара и убийственной засухи; капли слез его разрешились обилием дождя. Другой витязь, воитель

Мстислав, славнейший из сынов Ростислава Смоленского и всех современных князей, гроза Суздаля и щит Киева от честолюбивых замыслов боголюбезно возводивший старших князей на великое княжение, а сам, подобно Мономаху, всегда довольный своим уделом. Имя Храброго запечатлело его устами современников на все веки, ибо по выражению летописи, «от юности навек быше не уполошится никогда же, но токмо Бога единого блюстися». Даже сыну его Мстиславу, как бы наследственно, сохранялось прозвание Удалого. Вольный, надменный Новгород, по звуку Веча менявший князей своих – то Ольговичей, то Мономаховичей, смотря по тому, чей род возвышался или падал в Киеве, захотел сам быть отчиною Храброго и умолил его к себе на княжение. С восторгом присягал ему народ у Святой Софии и со слезами прощался, когда он в течение двадцатилетнего правления временно отходил устроить южные уделы. Страшен был при нем Новгород своим соседям, и горько плакала по нем вся земля Новгородская, когда ранняя кончина постигла Мстислава в 1180 году. С честью положили тело его при гробе храмоздателя Владимира и неизвестно, когда обретены были мощи. Нетленные руки его, столь славно владевшие мечом, крестообразно прижаты к мощной груди, бывшей щитом Новгорода; смертный покой его мнится быть кратким отдыхом воина и шестивековой сон легкою дремотой.

И лицо спящего подле него епископа Никиты сохраняло в нетленных чертах своих отпечаток духовного подвига и небесного мира, с каким заснул на земле. Четыреста пятьдесят лет сокрыты были Святые мощи его, и только в царствование Грозного было о них видение некоему благочестивому царедворцу, молившемуся в соборе. По тайному гласу, сперва осенил он гробницу епископа богатым покровом, а когда после семилетнего запустения Новгорода поставлен был архиепископ Пимен, тот же богобоязливый муж объявил ему о своем видении. Тогда открыли гроб древнего Святителя и с духовною радостью обрели его нетленное тело, источавшее много исцелений. С южной стороны собора, в первых двух арках, почивают открыто поверх земли храмоздатель Владимир,

восемнадцать лет правивший великим Новгородом, которому оставил вечную по себе память построением Святой Софии, и благоверная мать его, княгиня Анна. Дочь Олафа, первого Короля Шведского, в язычестве называвшаяся Ингегердою, она обручена была другому Олафу, Королю Норвежскому; но Промыслом Божиим вступила в брак с великим Ярославом и, всегда обитая с возлюбленным сыном своим, только двумя годами предупредила его раннюю кончину в 1050 году. Быть может, не всем известно, что и два первых епископа, шестьдесят лет правившие Новгородом – Святой Иоаким Корсунянин и строитель Софийского храма Лука – положены недалеко от мощей князя Владимира. Архиепископ Пимен перенес сюда в 1056 году из-за церкви Святой Софии мощи Святителя Луки спустя пятьсот лет после его кончины, и ту же почесть оказал мощам первого епископа благочестивый митрополит Иов, в 1698 году.

Еще один Благоверный князь поживает в соборе, с левой стороны его, против мощей Святого Владимира: это юный брат витязя Невского, который заменил Новгороду храброго Мстислава, Феодор Ярославич, в день земного брака своего преставившийся к Небесному Жениху душ наших. Нетлением процвел брачный венец его, и радость житейская изменилась в невечернюю славу. Мощи Святого Князя сперва положены были в Юрьевом монастыре, но четыреста лет спустя, во время шведского нашествия Делагарди, их перенесли для сохранения в собор Софийский, и с тех пор они там остались повелением Царя Михаила и Патриарха, отца его.

В теплой церкви Предтечи, налево от Корсунских врат, покоятся, один поверх земли, а другой под спудом, два брата, оба именитые Святители, архиепископы: Илия, в схиме Иоанн, и преемник его Григорий. Будучи простым иереем, назначен был Илия на кафедру Софийскую по смерти епископа Аркадия, в 1165 году, и митрополит Киевский Иоанн II нарек его архиепископом в утешение народу. Но смиренный муж не превознесся почестью церковною и продолжал на престоле святительском труженическое житие постника, посему и прославил его Господь великими знамениями. Князь

Суздальский Роман пошел ратию на Новгород, и с ним семьдесят князей грозили истребить до осования древнюю столицу славян. Три дня молился Святитель Илия пред иконою Спаса, дабы пощадил он град и людей своих, и вот, в третью ночь, слышится ему глас от иконы, повелевающий идти в церковь Спасову, что на Ильиной улице, поднять икону Богоматери на забрало города против супостатов. Исполненный ужаса и изумления, на утро собрал он Вече народное и во время модебного пения в храме Софийском послал клир за иконою, но клир возвратился с вестью, что не мог поднять ее. Тогда сам Святитель подвигся соборно в церковь Спасову и, простершись на земле, возопил к Деве Владычице, моля Заступницу града, дабы не предала врагам согрешивших, но явила над ними милосердие Божие, как некогда пощажена была раскаявшаяся Ниневия. Еще он молился, когда внезапно заколебалась икона, и при радостном вопле всего народа «Господи, помилуй!» благоговейно поднял ее Святитель и вознес на стены города там, где наиболее кипела сеча. В полдень посыпалась на икону туча стрел вражиих, и новое чудо ознаменовало горную помощь: сама икона отвортилась от нечестивых врагов, не пощадивших священного лика Богоматери, и слезы потекли из очей ее на фелонь архиепископа. Внезапная тьма покрыла врагов, новгородцы же устремились из града довершить славную победу. С тех пор Владыка Илия учредил праздник Знамения Божией Матери 27 ноября, который и доныне празднуется по всей России. Так молитва Пастыря оградила его паству не слабее меча храброго Мстислава, который вместе с ним подвизался за Святую Софию и был им напущен в вечную жизнь.

Семь церквей И одна обитель остались в Новгороде памятником благочестия архиепископа Илии. И еще доныне показывают на архиерейском дворе его келлию и крестовую церковь; там находится и сосуд, в коем молитвою заключил он искушителя, а на стенах церковных изображено его ночное странствие в Иерусалим, и чудное плавание, для обличения клеветы народной. Граждане дерзнули подозревать чистое житие праведника; они бросили его на плоту посреди реки и с

ужасом увидели Святителя, плывущего против течения Волхова к Юрьевской обители; там умолили его опять принять кафедру. Вскоре, однако, принял он схиму и преставился после двадцатилетнего правления;

благодарный народ избрал на его место брата его Григория, который, в течение шести лет, добродетелями своими напоминал Новгороду усопшего. Григорий благословил святому отшельнику Варлааму уединиться на берегах Волхова, где молитвами его основалась знаменитая обитель Хутынская.

Нетленные мощи схимника Иоанна обретены были, по небесному видению, при одном из величайших пастырей Новгорода, Святителе Евфимии, уже в последние годы славы Новгородской (1436). Камень, обрушившийся со свода церкви Предтечевой, сделал отверстие над гробом Иоанна, и Святитель Евфимий с радостным изумлением увидел нетление его схимы, еще не ведая, кто сей блаженный усопший. Он молил Господа открыть ему имя Своего угодника и в ночном видении представился молящемуся древний Святитель Новгорода, который сказал ему и прежнее свое имя – Илия, и схимническое – Иоанн, и как послужил Новгороду во время бывшего знамения от иконы Богоматери. Он заповедал также в день своего явления, 4 октября, всегда совершать память всех почивающих в великой церкви Премудрости Божией князей российских и архиепископов Новгорода. Уже в царствование Грозного устроена была рака великому Святителю с описанием его жития в медных ее кругах; на ней изображено: «Божиею милостию и Пречистыя Богоматери, построена бысть сия честная рака и образ, иже во святых отца нашего Иоанна чудотворца, такожде и вход сотворив, идеже лежат честные мощи Святителя Иоанна и брата его Григория, Святителей Новгородских, лета 1603, при благоверном Государе и Великом князе Иоанне Васильевиче всея Руси, повелением преосвященного Пимена Архиепископа Великого Новгорода и Великих Лук; их же молитвами святыми оставление грехов получить и жизнь вечную, во веки веков. Аминь». Святители Никита и Иоанн, как первые ближайšie заступники своей паствы, великого Новгорода, всегда изображались вместе на

иконах его по сторонам Святой Софии Премудрости Божией, иногда с двумя славными отшельниками, Антонием Римлянином и Варлаамом Хутынским, иногда и без них; так изображены они и доныне на городской стене, над бывшими Литовскими воротами.

Теперь от лика сих избранников Софийских обратимся к сонму Владык Новгорода, устлавших собою обе паперти, Мартириевскую и Корсунскую. Но каменные их гробы, сгоявшие поверх земли, сняты были в начале нынешнего столетия; остались только на стенах имена усопших, пред коими благоговели современники и должно еще благоговеть потомство. Первые епископы Новгорода были почти все постриженники Печерские, которых исторгали из их глубоких пещер митрополиты Киевские, чтобы чрез них проливать духовное просвещение на дальнем Севере. Только по смерти великого Нифонта, когда произошло несогласие в митрополии Киевской, Аркадий, уже девятый епископ, избран был из настоятелей обителей Новгородских, и вслед за ним Архиепископ Илия. С тех пор все Владыки Новгорода поставлялись, хотя и в Киеве, но из граждан вольного города, который уклонялся от зависимости митрополитов и князей.

Избрание происходило большею частью на Вече, при дворце Ярославовом и у Святой Софии, общим голосом клира и народа или по жребию: три имени полагались на престол Софийский, и малый отрок брал с престола одно имя. Тогда совершалось так называемое возведение на сени: Вече посылало именитых граждан за избранным, и с торжеством возводили его на высокое крыльцо архиерейских палат, где он был встречаем хлебом-солью. С тех пор, по своевольному обычаю Новгородскому, избранный, какой бы он степени ни был – иерей или дьякон, или даже простой монах – вступал уже в управление епархией и во все права архиерейские, кроме священнослужения; а между тем отправлялось посольство к митрополиту, с просьбою Великого Новгорода о посвящении его Владыки. Таким образом протекало иногда около двух лет или более между избранием и посвящением. Архиепископ Евфимий II управлял даже пять лет без хиротонии; а некоторые, как

Арсений и Феодосий, после двух лет, еще не посвященные, сведены были с кафедры по прихоти непостоянного Веча. Но обширна была власть архиереев, когда они умели действовать на дух своего народа; им исключительно принадлежал титул Владыки, которым они величались во всех актах церковных и гражданских как действительные представители Великого Новгорода; они стояли выше сменяемых князей и посадников и совершенно не зависели от митрополитов Киевских и Московских до самого покорения Новгорода Иоанном, вступая иногда в прямое сношение с Патриархами Царьграда. Не все, однако, упокоились они под сению Святой Софии, на кафедре коей святительствоваали: одни заплатили изгнанием или заточением за временное свое величие и скончались на чужбине; другие, волею или неволею, отошли на покой в соседние монастыри Новгородские и там отдыхают от многомятежной власти; оные же, как основатели обителей, просияли в них нетлением мощей своих и вовеки служат им утверждением.

Так, великий Нифонт, прозванный от современников поборником земли Русской, почивает в Киевских пещерах. Твердо охраняя союз юной Церкви Российской с ее матерью, Церковью Греческою, он не хотел признавать законным митрополита Климента, поставленного по воле Великого князя Изяслава без согласия Патриарха, и претерпел даже заточение за слово истины. В течение двадцатипятилетнего святительства он был посредником Новгорода и князей Великих и удельных, и славно было имя его по всей России (1157). Так и Святой архиепископ Феоктист, избранный в 1300 году, удалился в прежнюю свою Благовещенскую обитель и ныне покоится под спудом в Юрьевом монастыре. И Святитель Моисей, поставленный на кафедру Святителем Петром Митрополитом из молчальников устроенной им обители, после четырехлетнего правления напрасно опять искал в ней уединиться; двадцать два года спустя, несмотря на принятую им схиму, он еще раз вынужден был, мольбами народными, вступить на престол Святой Софии, и через семь лет, еще однажды и навсегда, отошел на безмолвие в другую им основанную обитель

Сковородскую, где и доныне почивают его нетленные мощи (1339). Преемник его Алексей, принявший имя своего рукоположителя, Святого Митрополита Алексия, и последующий ему Иоанн искали себе также тихой кончины в монастыре Деревяницком (1388, 1413). Долгое и славное святительство Иоанна горько было для него, по смутам народным и несогласию Новгорода с Великим князем Василием и митрополитом Киприаном. Ревностный пастырь претерпел даже трехлетнее заключение в Москве за беспокойный дух своего народа. Еще два святых Архиепископа, Евфимий и Иона, святительствовавшие один за другим, в самые цветущие и последние годы славы Новгорода, как бы предвидя его падение, избрали себе местом упокоения первый – обитель Вяжицкую, им основанную, а второй Отенскую свою пустынь, отколе был избран на кафедру (1458, 1471).

Наследник их, знаменитый Феофил, был уже последним Владыкою вольного города, который тщетно старался примирить его с Великим князем Иоакимом. Марфа-посадница волновала Вече, и пастырь скончался в заточении; только мертвым возвратился он под сень Святой Софии, и с тех пор, т. е. с 1483 года, прекратилось свободное избрание Владык Новгородских; их стали присылать из Москвы, по изволению Великого князя и соборному избранию митрополита, и не многие имели утешение скончаться на своей кафедре. Первый из них, Сергей, избранный из игуменов Троицкой лавры, сам удалился, испуганный смутами народными (1484). Второй, Геннадий, муж образованный, поставленный из архимандритов Чудовских, обличитель расколов на соборе Московском, сослан был по клевете в Чудов (1304). Преемник его, Святитель Серапион, лишен кафедры по случаю несогласия его со Святым Иосифом Волоколамским, и нетленно почивает в лавре Троицкой, прежней своей обители (1509). Знаменитый Макарий, просиявший сперва на кафедре Новгорода, прославился потом, во дни Грозного, в митрополии Московской и там отдыхает в Успенском соборе. Ученик преподобного иосифа, архиепископ Феодосий II, скончался в Москве во время Стоглавого Собора (1551). А два последних архиепископа, Пимен, много

украсивший Святую Софию и бывший свидетелем разорения Новгородского, и преемник его Леонид – оба пострадали от Грозного Царя и скончались в заточении (1570, 1573). После них начался ряд митрополитов Новгородских, не прерываемый доныне, из коих трое: славный Никон, Питирим и Иоаким – с кафедры Святой Софии вступили на престол Патриарший.

Но хотя и много отсутствующих между древними Владыками Новгорода, есть еще под сению Святой Софии много великих усопших, неразлучных с нею телесно. В числе их один только епископ, Аркадий, первый из погребенных в соборе (1165), ибо все его предшественники почил в Киеве; он отдыхает в паперти Мартириевской, подле давшего ей свое имя Архиепископа Мартирия (1199). Недалеко от них два Святителя, Симеон и Евфимий, жившие двести лет спустя (1415, 1430). Прочие Архиепископы Новгорода, до учреждения митрополии, погребены все в паперти Корсунской, исключая одного только Серапиона, современника Иоанна Грозного. Ему воздали особенную почесть, положив в церкви Предтечевой, близ мощей Святителя Иоанна, быть может, потому что давно уже не умирали на своей кафедре Владыки Новгородские (1553).

Митрофан и Антоний, два невольных соперника на кафедре Софийской, которую занимали в течение тридцати лет попеременно – от смут народных, смиренно лежат один подле другого в паперти Корсунской. Так бурно было для Новгорода начало XIII века, что пастыри сии, без всякого личного честолюбия дважды возведенные и сверженные, принуждены были волею Веча идти в Киев на суд Митрополита. Митрофан возвратился в Святую Софию, Антонию же дана была иная епархия, но тем не удовольствовался беспокойный Новгород. Едва смежил очи Святитель Митрофан (1223), граждане вывели нового соперника Антонию, из простых монахов Хутынских, и два года держали преосвященного Арсения на кафедре, доколе по новым смутам не заключили опять в монастырь. Тогда только мог возвратиться Антоний в Святую Софию, но уже утомленный не хотел управлять столь бурною паствой и сам удалился в Хутын, где мирно окончил многмятежное житие. Спиридон занял его место (1229), и при нем возвратился мир Новгороду, в

лице Невского витязя Александра, которого мать была дочерью Мстислава Храброго. Спиридон благословил на битву против шведов крепкого во бранях Александра; Спиридон же в день брачного торжества возложил иной венец на смертное чело юного брата его Феодора, и при Спиридоне преставился величайший из пустынножителей Новгородских, Святой Варлаам, основатель обители Хутынской, славный своими чудесами. Семнадцать лет продолжалось святительство Спиридона, которого рукоположил митрополит Кирилл, собиратель земли Русской, пришедший ее утешить после разорения монгольского. Кирилл посвящал и двух его преемников, Далмата и Климента (1251, 1276), управлявших Новгородом до конца XIV столетия, которые положены подле Спиридона; и в той же паперти Корсунской архиепископ Давид, посвященный во Владимире Святителем Митрополитом Петром (1308).

Налево от Корсунских врат почивает Владыка Василий, один из самых светлейших иерархов Новгородских. Он избран был волею Веча из белых священников по удалении Святителя Моисея и тотчас после своего посвящения на Волыни достался в плен грозному Гедемину Литовскому (1331). Новгород должен был заплатить многими городами за освобождение своего Владыки, но Святая София и вся область процвели во время мудрого его правления. Василий ограждал Новгород, от притязания Великих князей Московских и митрополита Киприана и состязался с латинскими богословами, которых насылали шведы, когда не могли одолеть его оружием. Имя Василия известно было в Царьграде, и Патриарх Филофей благословил его крещатыми ризами и белым клобуком, который, по преданию, будто бы дан был некогда Великим Константином Папе Римскому Сильвестру. Клобук сей доныне хранится в ризнице Софийской с другими облачениями прославленных Святителей Новгородских, а право носить его перешло, после Василия, к его преемникам и к митрополитам Российским. Бедственный изгнанник Феофил, столько пострадавший за Новгород при Иоанне, последний вольный избранник Веча, включает собою славный ряд архиепископов Новгорода в

паперти Корсунской, подобный гранитной скале на обрыве морском.

Отселе на расстоянии ста лет начинается ряд митрополитов, и первые два, Александр и Варлаам (1689, 1597), оба посвященные в сан сей первым Патриархом Иовом, почивают рядом в паперти Мартириевской. Бурны были времена трех их преемников, избравших себе местом отдохновения паперть Корсунскую, Исидора, Макария и Киприана, и особенно памятны для всякого истинного сына Церкви славные имена Исидора и Киприана. Первый, поставленный Патриархом Иовом, святительствовал в самую тяжкую годину самозванцев и разгромов шведских и польских: он укрощал крамольников лже-Димитрия, он выдержал осаду шведскую Делагарди, и сам ходил по стенам Кремля, возбуждая граждан к защите именем Святой Софии. При нем в течение семи лет владели шведы великим Новгородом. Тогда сей мудрый пастырь был истинным Владыкою и отцом среди всеобщего разорения, но он имел утешение видеть в конце дней освобождение своей паствы и благословенное начало царства Романовых.

Не менее сего пастыря пострадал мужественный Киприан, бывший тогда архимандритом Хутынским. Шведы, думая навсегда отторгнуть Новгород от России, напрасно старались склонять на свою сторону Киприана; посланный ими в Москву, он действовал против них, испросил помощь угнетенной родине и примирил Новгородцев с Михаилом, засвидетельствовав их верность новому царю. Патриарх Филарет уважал добродетель святого мужа и послал его основать кафедру святительскую в Тобольске. И там оставил он по себе благую память, заботясь об очищении нравов завоевателей и крещении диких жителей. Для сего устроил обитель в тех местах, где более могли стекаться язычники, и пролил обильный свет Христианства в пустынях Сибири; он собрал также и первую ее летопись, о подвигах Ермака, из уст оставшихся его сподвижников. Но великий муж Церкви жаждал возвратиться в родственный Новгород и скончался в 1635 году на кафедре Софийской, которую украсил собою не менее Тобольской.

Еще три митрополита наслаждаются вечным покоем в паперти Мартириевской: добродетельный старец Афонин, предместник Никона Патриарха, поставленного им в игумены, которому потом, по дряхлости лет, уступил епархию (1654); Евфимий III, только два года управлявший своею паствою (1699); и знаменитый современник Петра Великого, митрополит Иов, столь ревностный к просвещению духовному. Он основал при архиерейском доме первое училище Греко-Латинское, вызвав из заточения двух ученых братьев Лихудиев, пришельцев греческих, и с ними вместе подвизался против расколов. Его старанием умножена была библиотека Софийская, о коей заботился Патриарх Никон и которая удвоилась в 1785 году присоединением древних рукописей Белозерского монастыря. Они и поныне хранятся на хорах как одно из лучших сокровищ собора. Митрополит Иов много украсил Святую Софию и перенес туда мощи первого епископа Иоакима; он же освящал собор новой столицы Севера во имя верховных Апостолов. Памятно осталось Новгороду двадцатитрехлетнее правление сего друга Петрова, которого уважал Царь не менее, чем и Святителя Митрофана. Добродетельный пастырь имел утешение воздать последний долг и благочестивому погребителю Никона Патриарха, митрополиту Корнилию, своему предместнику, который за два года до его избрания удалился в Мартириев Зеленецкий монастырь после двадцатилетнего святительства (1695).

Есть и еще, кроме Корнилия и трех Патриархов, не погребенные в Святой Софии, из числа позднейших ее Святителей. Так, ближайший преемник Никона, митрополит Макарий III, который участвовал на всех его соборах, положен в Юрьевом монастыре (1663); и два Архиепископа – предместник и преемник знаменитого Феофана Прокоповича, – один волею а другой неволею, не нашли себе успокоения вблизи его праха. Несчастный Феодосий, первый архимандрит лавры

Невской, заступивший место митрополита Стефана Яворского в Святейшем Синоде, сослан был в Корельский монастырь, где и скончался (1745). Архиепископ же Амвросий избрал себе могилу в Антониевом монастыре. Вот и гробница

Феофана памятного Церкви, славного красноречием и любовью к просвещению, которое старался распространять, хотя иногда и с примесью мудрований. Громко было имя его между современниками, но под древнею сению Святой Софии невольно ищешь нечто большее славы.

Последний архиепископ Стефан положен подле Феофила, в паперти Мартириевской (1753), и после него начался ряд митрополитов, прервавшийся в течение сорока лет. Не утешительна память первого из них, Димитрия, которого прах в той же паперти Софийского собора; но зато какими благословениями осыпается доныне имя его преемника Гавриила, украсившего пастырскими своими добродетелями долгое и славное царствование Екатерины. Преосвященный Гавриил и последовавший за ним митрополит Амвросий, погребены отдельно от других, в теплой церкви Предтечи, недалеко от мощей Святителя и схимника Иоанна.

Такова замогильная летопись Софийского собора. Я назвал его именитых усопших и тех, которые как бы заживо в нем почивают, поверх помоста, утешая нас свидетельством своего нетления. Если же взойти на широкие хоры, которые венчают храм по образцу византийскому, можно видеть в драгоценной ризнице и посмертные одежды Святителей, чрез столько лет снова явившиеся из их отверстых гробов. Там полное облачение Святителя Никиты, 180 лет облекавшее его нетленно под землею, вериги его, пастырский посох и лампада или свеча, которую поставил великий Новгород пред новым своим чудотворцем. Там и бархатная мантия архиепископа Иоанна с источниками и скрижалями; омофор Святого Владыки Моисея и крещатые ризы, присланные ему в дар от Патриарха Цареградского Филофея, с заглавною буквою его имени у каждого креста и его тяжкие вериги вместе с веригами другого подвижника, Святителя Евфимия. Там же три посоха: пострадавшего при Царе Грозном архиепископа Пимена, митрополита Иова, покровителя духовного просвещения во дни Петровы, и третий – мраморный, с десятью яблоками, неизвестного Святителя.

Между многими белыми клобуками, которые долго были исключительною принадлежностью одних только Владык Новгородских, хранится и самый первый, вязанный из шелка, унизанный крупным жемчугом, с яхонтами на позлащенных гробницах, на коих изображены лики святых. Патриарх Константинопольский прислал его в дар знаменитому Владыке Новгородскому Василию, как возведенному на кафедру Софийскую из белого духовенства. Но местное предание относит гораздо далее древность сего клобука и говорит, будто бы Царь Константин Великий принес его в дар Папе Римскому Сильвестру за свое крещение. Предание неверное, но тем не менее любопытное и показывающее, как любили новгородцы возвеличивать свою священную древность. Есть и драгоценная панagia архиепископа Пимена, с мощами внутри нее и резным образом Святой Софии, ибо он более других Святителей Новгорода любил пышность облачений и многое сделал для украшения Софийского собора.

В числе священных утварей замечательна плащаница, синего атласа, пожертвованная в 1456 году архиепископу Евфимию в дом Святой Софии Великим князем Василием Темным и сыном его Иоанном, будущим покорителем Новгорода, как о том свидетельствует надпись, вышитая вокруг. Два серебряных потира, или сосуда, с изваянием Господа, Богоматери и Святых, с надписью «Пийте от Нея вси» устроены усердием Святого Владыки Евфимия; и два серебряных Сиона, которые употреблялись иногда вместо дарохранительниц или на Великом выносе открывали шествие изваянным изображением храма. И другие драгоценности прежних веков – утвари, печати архиерейские собственно собора Софийского, со многими древними монетами – обогащают собою сокровищницу Святой Софии; довольно назвать главные, чтобы оценить ее достоинство, вполне соответствующее древнему величию храма.

Кремль

Софийский собор окружен зданиями, которые доньше составляют принадлежность архиерейского дома и, наполняя собою всю северную оконечность Кремля, свидетельствуют о прежнем величии Владык Новгородских. Я не буду говорить о новом теплом соборе, празднующем Вход Господа в Иерусалим, ни о великолепных палатах, сооруженных с помощью Императрицы Елизаветы митрополитом Димитрием в половине минувшего столетия, но скажу о дворе собственно Владычнем, где обитали древние Святители во времена славы Великого Новгорода. Здания сии, ныне отчасти пришедшие в ветхость или занимаемые службами и присутственными местами, тянутся позади собора, вдоль Кремлевской ограды и еще носят название своих основателей: Святых Никиты, Иоанна и Евфимия. Но те, которым сохранилось имя Никитинских, наиболее пострадали от времени; не существуют и обширные палаты Святителя Евфимия и церкви, основанные им на дворе архиерейском; однако еще уцелел один корпус, примыкающий к дому Святого Владыки Иоанна, с часовой башнею и самая колокольня Софийская, весьма оригинальная по своему зодчеству, двухъярусная, продолговатой формы с тремя просветами. Все они принадлежат к зданиям сего великого Святителя XIV века.

В рукописном житии его восьма поэтически описано сооружение им храмов на дворе Владычнем во имя Златоуста и великого Евфимия и украшение Святой Софии, на которую указуя говорит он: «Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея», а Святая София в свою чреду взывает к нему: «Се убо красота моя в похвалу Церкви».

Далее сказано, что блаженный умыслил создать себе каменные палаты, ибо прежние были деревянные и часто страдали от огня. Предпринял же это не ради какого-либо пристрастия, но для успокоения своих приемников, употребив на то некоего мужа духовного и художного, инока Феодора. Он соорудил палаты пречудные, имевшие там и здесь переходы и

врата, наподобие града, с улицами внутри, так что иное здание было выше, другое ниже, одно впереди, другое внутри двора, и нельзя описать сего, если кто не видел собственными глазами; все это украсил он стенным писанием весьма благолепно, устроил также келлии для иноков и все службы монастыря и воздвиг столп каменный посреди своего сада с часами наверху, которые оглашали весь город.

Описание совершенно соответствует нынешнему неправильному расположению зданий архиерейского дома, хотя многое с тех пор обрушилось или изменено, и должно предполагать, что даже та часть их, которая носит имя Святителей Никиты и Иоанна, была построена великим Евфимием. Самый дом, или келлии Святого архиепископа Иоанна с грановитою палатою, напоминают более XIV век, нежели XII, и, так как в житии сказано, что келлии прежде все были деревянные, весьма вероятно, что Святитель Евфимий отчасти перестроил их на том же месте в прежнем виде и начертал на стенах все житие своего Святого предместника, ибо только при нем обретенны были его нетленные мощи по таинственному явлению самого Иоанна Владыке Евфимию. Так мне кажется, хотя не смею утвердительно предлагать своего мнения.

Весьма замечательны келлии Святителя Иоакима, по воспоминаниям о них церковным и гражданским. Их знаменитые сени, на которые всенародно возводились Владыки новгородцев при своем торжественном избрании, доселе существуют; но они весьма просты и тесны, по духу того времени, и крыльцо их очень скромно. Нельзя было бы думать, что здесь совершались народные собрания и чествовали Владык Новгорода, если бы прилегающая к сеням грановитая палата ни свидетельствовала истину летописного указания. Стены их расписаны одним из славнейших подвигов новгородских – победою над ополчением князей Суздальских, которой обязаны они были чудному заступлению Божией Матери и молитве своего великого угодника Иоанна. Тут и та древняя икона Спасова, пред которою он молился во время осады и от которой ему слышался дивный глас, чтобы шел он

в церковь Спаса в конце Ильиной улицы поднять оттоле чудотворную икону Знамения. А подле нее написан на стене Спаситель, в образе Великого Архиерея с Ангелами по сторонам, Материю Своей и Предтечу и с ликом прославленных Святителей Новгородских: Никиты, Иоанна, Григория, Феоктиста, Моисея, Серапиона, Евфимия, Ионы, припадающих молитвенно к ногам Его. В последующие времена устроен был на сенях придел во имя Всемилоственного Спаса, но уже он теперь упразднен и заменен недавно более обширным, во имя Святителя Иоанна, в самой грановитой палате, которая напоминает Московскую одиноким столбом своим, поддерживающим ее готические своды.

Грановитая палата сия была сборная и судебная комната новгородских Владык в самые цветущие и бедственные эпохи их славы. Сколько воспоминаний соединилось в ней от того времени, как Святители вольного города угощали в ней Великих князей Невского и Донского, – до того дня, когда Иоанн III принял в ней присягу новгородцев и осудил Владыку их Феофила, и наконец до страшной минуты, когда в той же самой палате Грозный внук его, пируя, велел схватить прежнего своего любимца, архиепископа Пимена. С тех пор на многие годы опустела торжественная палата, но она видела опять славные дни Исидора, Киприана и Никона, до его патриаршества. Здесь было сердце Великого Новгорода. Теперь часто оглашается она молитвенным пением Божественной литургии, и один из величайших Святителей Новгорода исполняет ее и весь этот дом воспоминанием своей святости, ибо рядом с церковью Святого архиепископа Иоанна указывают две его келлии, которые расписаны подвигами всей его жизни, труженической и святительской.

Тут первое его поставление на степень пресвитерскую, и соборное посвящение в сан Владыки Новгородского, и таинственное шествие в Иерусалим, и чудное плавание против течения Волхова в обличие своей невиновности, и победа, испрошенная его молитвами. Тут указывают и ближайшие воспоминания келейных его подвигов: тесный застенок, где совершал свое правило, и тот рукомойник, над которым показал

власть свою на духах враждебных. Все говорит здесь о великом Святителе, и если бы даже это были не собственно его келлии, но обновленные Владыкою Евфимием по образцу старых, то тем не менее драгоценны их воспоминания. Нам неизвестны самые покои сего великого Святителя, быть может, Иоанновы также ему принадлежали; но часовая башня, им сооруженная в саду архиерейском, еще гласит о его времени боем часов своих. После разорения шведского новые часы поставлены были Патриархом Иоакимом, когда он еще святительствовал в Новгороде. Есть и другая память сего Патриарха: это так называемый греческий корпус, где была школа двух ученых братьев Лихудиев, вызванных им из Греции и заточенных при его преемнике Адриане; они были опять призваны просвещенным митрополитом Новгорода Иовом, который построил на своем дворе это здание для духовного училища Лихудиев.

Можно сказать, что большая часть древнего Кремля принадлежала Владыкам Новгородским, ибо кроме их обширных палат, занимающих доныне треть его, даже после разорения шведского, в начале XVII века, еще считалось в Кремле до 26 церквей, и целая улица, от собора до Литовских ворот во всю длину его, носила название Епископской. Теперь кроме двух соборов, Софийского и Теплового, существуют только две убогие церкви, приписанные к Архиерейскому дому. Одна, во имя Святого Андрея Стратилата, обыденная, т. е. построенная и освященная по обету после моровой язвы, в один день,—была сооружена, как полагают, в XIII веке братом Невского, Великим князем Андреем. Она стоит подле того места, где возвышался в лучшие дни Новгорода на Епископской улице собор Благоверных князей Бориса и Глеба, заменявший иногда для священнослужения Святую Софию, но теперь уже стертый с лица земли Новгородской. Таких обетных церквей, по случаю мора, много выстроено было в бедствовавшем городе.

Другая церковь, едва уцелевшая, во имя Покрова Богоматери, с двумя приделами — Святого Иоанна Предтечи и Святителя Николая — пристроена к самой городской стене, а подле нее, как полагают, находился дворец княжеский, или по

крайней мере наместников царских, ибо две прилежавшие к ней башни на стене были жилые, и в одной долго потом находился острог. Она сооружена в 1527 году, также по случаю морового поветрия, и храмовая в ней икона, Покрова Богоматери, почитается чудотворною. Замечательна и другая древнешая икона – Святых Благоверных князей Бориса и Глеба, перенесенная, вероятно, из древней их соборной церкви, после ее конечного разорения шведами. Вот все, что осталось от прежнего благолепия церковного в Кремле Новгородском, которого все бывшие многочисленные церкви, большею частью малые, утомительно было бы исчислять.

Самая ограда Кремлевская, местами угрожающая падением, свидетельствует о пастырских заботах по охранению вверенной им паствы, ибо почти вся сооружена была иждивением Владык, и каждые из пяти ее врат ограждены были церковью. Какая благочестивая мысль – осенять святынею все входы, ведущие в город к главному святилищу Святой Софии! Начало деревянному детищу, или Кремлю Новгородскому, положил храмоздатель собора Святой князь Владимир Ярославич в 1097 году, и он был обновлен после пожара, в 1113 году другим благочестивым князем Новгородским Мстиславом, сыном Мономаха; но церкви, сей ограды были каменные. Святой архиепископ Мартирий соорудил первую из них, в честь положения пояса Богоматери, в исходе XI века, а Святитель Спиридон другую, во имя Святого Феодора, над воротами, бывшими со стороны Неревского конца, позади собора. Владыка Климент поставил церковь Воскресения Христова над воротами Литовскими, выше закладенными, на южной оконечности Кремля, где кончалась Епископская улица, по случаю взятия Кексгольма у шведов. А в 1211 году архиепископ Давид построил над воротами, бывшими на противоположном конце Кремля, церковь во имя равноапостольного князя Владимира, замечательную потому, что она была первою во имя сего нового угодника, причтенного к лику заступников земли Русской. Была еще одна церковь, Покрова Богоматери, над Южными воротами, уже не существующими, построенная усердием посадников, которую заменила впоследствии

нынешняя Покровская церковь, что близ огады. Только в 1336 году начал строить каменную огаду знаменитый Владыка Василий от Неревских ворот и церкви Вдадимирской до нынешней обыденной Андрея Стратилата, для большого охранения Софийского собора со стороны Торговой и Волхова. Архиепископ Иоанн III продолжил огаду сию в 1410 году до Литовских или Воскресенских ворот, а Геннадий довершил ее кругом всего Кремля уже в 1490 году – частью иждивением Великого князя Иоанна, частью же на собственное – в той части, где располагались Архиерейские палаты. Она существует и доныне с ее девятью башнями, круглыми и четвероугольными, из коих одна, близ Покровской церкви, трехъярусная, вероятно, служила теремом для дома наместников и заключала в себе также церковь.

Все сии надворотные церкви разрушены во время шведского нашествия Делагарди, когда ревностный пастырь митрополит Исидор сам совершал обход с крестом в руках по стенам Кремлевским, чтобы отразить нападение врагов, но принужден был наконец уступить силе оружия. Царь Михаил Феодорович обновил огаду, и во время Шведской войны Кремль окопан был, по воле Петра Великого, валом, который теперь отчасти обращен в сад. Это была весьма счастливая мысль – окружить старые бойницы Кремля, видевшие столько кровавых приступов, зеленою сению цветущего сада, как покрывают мертвого богатым покровом, чтобы утаить его горькое тление; но огада, обновленная еще дважды в исходе минувшего и начале нынешнего столетия, опять пришла в ветхость; старые ворота ее закладены и новые пробиты там, где ворот не было прежде. Еще видны древние Владимирские под часовнею Святителя Николая, которая заменила прежнюю церковь, ибо в нее перенесены все ее чудотворные иконы; рядом с ними недавно закладены Водяные малые ворота, коими исходили к реке. Но главные Литовские, так названные от пролегавшей чрез них дороги в Псков и Литву, которыми сообщался Кремль с Волховским мостом и с Торговою стороною, представляют доселе из себя величественную развалину. Часовня, прилепленная к стене, как гнездо ласточки,

заменила древнюю церковь Воскресения; с обеих сторон ее написаны на стене две иконы, почитаемые чудотворными. Изнутри города Спаситель, сидящий на престоле, с двумя по сторонам его молитвенниками Новгорода, Святителями Никитой и Иоанном; а снаружи, в самой часовне, икона Всемилоственного Спаса, привлекающая доныне особенное уважение новгородцев по тем чудным исцелениям, которые от нее истекали и засвидетельствованы преданием.

У входа в Кремль, на Волховском мосту, устроена еще одна часовня чудного креста, судьба коей всегда была сопряжена с судьбою сего моста, потому что Святители Новгородские искони хотели осенить святынею и шумные воды Волхова, разбивающиеся у стен Кремля, и шумные волны народные, двигавшиеся непрестанно по сему единственному сообщению обеих сторон, Софийской и Торговой. Здесь всегда встречались или останавливались их обоюдные крестные ходы, и не раз во время междоусобия, когда враждовала Софийская сторона против Торговой, знамение креста в руках Святителя прекращало на мосту кровавую битву. Пред сею часовнею архиепископ Симеон укротил бурю народную в 1118 году, и спустя 90 лет, Святой Владыка Серапион удержал молитвами своими бурю огненную, грозившую опустошить весь город. Предание местное возводит начало сего чудного креста, так названного от бывших при нем чудес, до времен равноапостольного князя Владимира, который, как полагают, во время краткого своего посещения, водрузил высокий деревянный крест с распятием Господа, на том месте, где предполагал основать собор Софийский. Он был похищен Всеславом, князем Полоцким, во время разгрома новгородского, и потом опять обретен, по свидетельству летописи, в 1069 году при епископе Феодоре, если точно о нем говорит летопись. С того времени сделавшись предметом особенного уважения народного, крест был поставлен на Волхове в утверждение моста, и несколько раз обновляло его усердие граждан. Последнее обновление совершалось при царе Иоанне Васильевиче и Архиепископе Пимене повелением градоправителя Петра Невежина в 1318 году, как видно из

надписи, вырезанной у подножия креста. Часто изменялось и направление самого моста – то выше, то ниже нынешнего, от чрезвычайной быстроты Волхова. Неоднократно смывал он деревянный мост под стенами Кремля, и несколько раз был он истребляем пожарами и смутами народными. Горькую по себе память оставил на нем Грозный Иоанн потоплением нескольких тысяч новгородцев, сверженных с него в шумный Волхов, как бы для всенародного повторения над ним той казни, которая была в их обычаях, ибо они часто свергали с моста своих преступников, и даже иногда почетные граждане, подпавшие гневу народа, подвергались той же участи.

Дворище Ярославле

Если Святая София была и есть сердце Великого Новгорода и за нее мужественно бились и умирали древние сыны его, то дворище Ярослава и смежная ему Вечевая площадь жили жизнью народною, были душою вольного города. Это был Форум славянской столицы, и хотя имя Форума слишком громко по воспоминаниям римским, сравнение может, однако, быть отчасти верно, если смотреть не на нынешний убогий Новгород, но на древнего союзника Ганзы, когда еще пять концов разбегались соответствовавшими им пятинами в новой обширной области до морей Балтийского и Белого и до хребта Уральского. Надобно вспомнить, что каждый из этих пяти концов – Славянский, Плотенский, Неревский, Загородный и Гончарский – называл себя Господином, имея своего тысяцкого и особую Думу, и распоряжался самобытно своею пятиною, отдавая только отчет общему собранию народному и посадникам на Вече; и что таким образом весь Север России, начиная от Твери и Пскова, объят был пятинами Новгородскими.

И в делах торговых Новгород был первым из городов Ганзейских, после Любека, которому уступал только в старейшинстве, а не в торговле, ибо двор немецких гостей Новгорода почитался богатейшим из всех подобных даже в Германии, а его Альдерману подчинены были конторы Ганзы в окрестных Русских городах. Вся азиатская торговля проходила через руки Новгорода в северную Европу, и водяные пути их по Волхову и Нарове ограждены были крепостями, за которые бились новгородцы насмерть со шведами и рыцарями ливонскими. До ста тысяч войска мог выставить могущественный Новгород против немецких своих соседей и даже против Великих князей Московских, с которыми долго договаривался как держава с державой, доколе опять не сделался их отчиною, как в прежние дни Ярослава и Мстислава. Посадники, князья, наместники и Владыки сменялись по воле шумного Веча; послы московские, литовские и немецкие,

приходили защищать права свои на этом народном торжище, исполненном богатствами Востока и Запада, и ратный клич «Кто против Бога и Великого Новгорода!» резко выражал дух и самоуверенность вольного города.

И вот, с такими громкими воспоминаниями XIV века мы сходим теперь с Волховского моста на опустевшую площадь древнего Славянского, или Великого, конца, где, около двора Ярославова, столпилось столько событий и волновались толпы народные. Форум сделался рынком. Двор Ганзы, который простирался вдоль набережной и по улице Михайловской, заменен новым красивым зданием Военного штаба. Новые ряды торговли Новгородской вместо прежних, кипевших богатством, стали ближе ко двору Ярославоу. Самый дворец, который перенес он сюда с городища Рюрикова, застроен теперь кладовыми и частными домами; но еще видно место его, обозначенное церквами, как приличествовало двору княжескому. Обгорелая башня, лишенная колоколов, прилегающая ко двору сему, носит еще загадочное название Вечной, и надобно верить, что с нее раздавался во все пять концов звук вечевского колокола, двигавший сердца новгородские, решавший события мира и войны. Но посреди сего разгрома быта гражданского и торговли уцелела святыня и доныне свидетельствует о прежней славе и духе народа, множеством церквей; хотя и в убогом положении, однако в течение многих веков неподвижными стражами стоят они на том месте, где их поставило усердие князя и посадников вольного города. Под их сению должно искать старого Новгорода, который исчез мало-помалу вокруг них, но живет еще внутри них, в священной летописи икон их и преданий. Восемь церквей, кроме упраздненных, и две часовни, из коих одна на месте бывшей обители, стеснились на месте бывшего торгового двора княжеского, но между ними пять стоят совершенно одна подле другой отпечатком древнего благочестия. Посреди них величественно возвышается собор Никольский, первенствующий и по древности, и по красоте здания.

Сын Мономаха, Мстислав Великий, оставивший по себе благую память в Новгороде строением многих храмов и

обителей, соорудил по обету собор сей в 1113 году. Страждущий болезнию, призвал он на помощь Чудотворца Мирликийского, и в сонном видении он ему явился и велел послать в Киев за своей иконой, которой определил меру и кругловидное очертание. Посланные князем удержаны были трехдневною бурей на озере Ильмени; на четвертый день увидели они плывущую к ним икону Чудотворца по водам озера, около того места, где был сооружен впоследствии Липенский Никольский монастырь, ныне упраздненный. С радости возвратились посланные, из краткого путешествия, и болящий князь, встретив с верою дарованное ему сокровище, признал в нем обетованную икону и немедленно получил исцеление. Она и доселе храмовою в соборе, и богатый оклад ее украшен ваянными вокруг чудесами угодника Божия. Мстислав вызвал из Греции каменщиков для строения собора, который отличается, подобно Юрьевскому, строгим византийским вкусом, высокими сводами с хорами и пятиярусным иконостасом, доселе благолепным. Но из пяти глав столпообразного собора только одна уцелела; уничтожены придельные церкви Вознесения Господня и праведной Анны, бывшие на хорах, на которые заделан в недавнее время самый восход. Три обширные паперти облегал с трех сторон церковь, и в них находились приделы, но они были за ветхостию разобраны; теперь только в западной паперти помещаются два новых придела – во имя десяти мучеников и преподобного Варлаама – и еще один, весьма тесный, во имя Святой Евдокии в главном алтаре заменил прежнюю просторную церковь, бывшую в боковом притворе храма. Так часто страдал собор сей от пожаров, ибо до десяти раз упоминается в летописях о его опустошении и обновлении, начиная от 1152 года и до 1709, что даже надобно удивляться, как мог он сохраниться в такой целости поныне. Теперь соборная церковь находится в верхнем ярусе, и под нею есть жилье и подвалы, как и во всех других храмах, окружающих собор; но неизвестно, был ли он двухъярусным при самом начале – хотя видны следы стенной живописи на нижних сводах – или только впоследствии разделен на двое, для избежания сырости. Еще видны следы круглого крыльца в юго-

западном столпе, от самого основания до закладенных ныне хоров, и обитель Юрьевская, построенная совершенно по тому же образцу, сохранила первобытную высоту своего собора.

Две древние церкви, Иоанна Предтечи, что на Немецком дворе, и Святых Отец Никейских, находились около Никольского собора и уничтожены после шведского разорения. Теперь приписаны к нему еще две, весьма замечательные по своему старинному зодчеству, также с подцерковным, или нижним, жильем: одна, с южной стороны, сооружена во имя великомученика Прокопия в 1359 году Святителем архиепископом Моисеем, который основал и близлежащую церковь Архангела Михаила. Икона Великомученика древнее основанного в честь него храма, и на престоле тесного придела во имя Александра Свирского прилеплен еще антиминс времен Грозного, данный архиепископом Серапионом в 1562 году. Другая церковь, Святой Параскевы, с северной стороны собора, основана на исходе XII века заморскими купцами и после сильных пожаров вновь была построена в 1345 году. В ней хранится чудотворная икона Параскевы, к которой с особенным усердием притекают новгородцы, ибо от нее было много исцелений и здесь совершается торжественное служение в последнюю пятницу пред Ильиным днем. Под иконой начертана краткая летопись бывших чудес, и между ними описаны два народных смятения, случившихся в сей церкви: однажды опустился помост церковный во время богослужения при архиепископе Макарии, и около ста человек погибло от обрушившихся перил крыльца; в другой раз, через 40 лет, в 1561 году, также во время литургии ударили в колокол и внезапный ужас овладел народом; все бежали из церкви, а купцы бросили лавки свои, бывшие окрест, и отдавали в смятении товары свои в неведомые руки. Это происходило при архиепископе Леониде, во дни Иоанна Грозного, вскоре после опустошения им Новгорода, что объясняет внезапно нашедший ужас памятью недавно минувшего.

Рядом с Пятиновою церковью стоит Успенская, двухъярусная о трех приделах, бывшая одно время соборною по красоте своей и обширности. Она основана в 1135 году

Святым князем Всеволодом Гавриилом, сыном Великого Мстислава, после его неудачной битвы с суздальским князем на Ждановой горе, куда пошел он только для успокоения мятежного Новгорода. Граждане в порыве своеволия свергли тысяцкого своего с моста Волховского и задержали у себя митрополита Киевского Михаила за то, что предсказывал им неудачу. Славный победитель немцев в Чуди, сам оставшись побежденным, быть может, соорудил храм сей для очищения совести народной, на той же площади Торговой, где в лучшие времена воздвигнуты им были два других храма, Победоносца Георгия и Предтечи.

Все они обновлены или перестроены после частых пожаров, опустошивших Новгород, и Успенская вновь сооружена в 1509 году усердием граждан. Есть еще одна церковь, на дворе княжеском, во имя Святых Жен Мироносиц, основанная около того же времени московским гостем Иваном Сырковым, что показывает любовь иногородних жителей к земле Новгородской. Бывшие при ней две придельные церкви, Сретения Господня и Евангелиста Марка, уничтожены в минувшем веке; она сама приписана была сперва к Юрьеву монастырю, а потом уступлена девичьему Сыркову, как бы по случайному сходству имени основателя с именем обители. По древнему преданию, и доныне приходят в сию опустевшую церковь жены новгородцев для испрошения себе счастливого разрешения от родов и берут песок из-под помоста, пред местною иконою Жен Мироносиц.

Самое дворище Ярославле, около коего расположены все сии церкви, сохранило еще некоторые остатки древнего каменного здания, обращенные в кладовые, с воротами и башнею, при которой есть старое жилье; она носит громкое название Вечевой. Но нет следов древнего дворца Ярослава, прославленного в сагах Эдмунда и простиравшегося вдоль так называемого Княжего берега по Волхову и по улице Михайловке, от торгового почти до старого Волховского моста, где теперь часовня Святого Арсения. По летописям известно, что дворец существовал до пожаров 1403 и 1406 годов, и нет сомнения, что был возобновляем и после, хотя более о нем не

упоминается как о дворце княжеском, ибо уже не было тогда настоящих князей в Новгороде, а наместники могли жить в Кремле у церкви Покровской. При покорении Новгорода, Великий князь Иоанн потребовал себе двор Ярославов, чтобы доказать законное свое право на все права великого предка. А царь Иоанн после страшного разорения Славянской стороны, по особенному усердию своему к Святителю Николаю, выстроил себе дворец против него, на месте старого дворища княжеского; вероятно, часть уцелевшего доселе каменного здания принадлежит сему времени. Неизвестно, когда был уничтожен сей последний дворец, но конечно после трех страшных пожаров, опустошивших Новгород в царствование Петра Великого, в 1693, 1700 и 1709 годах, когда обгорели все церкви Торговой площади и Гостинный двор. Государь уступил под новые ряды и присутственные места остатки дворца Грозного и все Дворище, которое опять было перестроено в 1782 году. Таким образом, совершенно изменился вид двора Ярославова и старых рядов Новгородских, между коими около Предтеченской церкви находятся двор немецких гостей, или Готских, то есть с острова Готланда. Что касается контор и магазинов собственно Ганзы, где вместе со своим управлением имела она и церковь латинскую во имя Святого Петра, то она находилась, как я уже сказал, на берегу для удобнейшей выгрузки товаров, там, где теперь дом Военного штаба, предназначенный сперва для дворца Екатерины. Еще в половине минувшего столетия видны были обширные развалины и остатки глубоких подвалов, где хранила свои сокровища Ганза; когда же, в порыве негодования, купцы ее оставляли Новгород, они только затворяли двери своей церкви и ворота ограды, и честность новгородская не смела к ним прикасаться, по уважению к правам народным. Но Иоанн Грозный их коснулся и положил конец торговле Новгородской, ибо после сграшного его опустошения никто из гостей иноземных не смел уже доверять свои богатства бедствовавшему городу, а между тем англичане открыли себе новый путь, чрез Белое море, в пристань Архангельскую.

Когда Грозный строил новый дворец свой, на развалинах дворища Ярославова, ему нашелся докучливый сосед, который

поселился прежде него, на скромном участке княжьего пустыря, у самого Волхова. Это был пришелец, недавно только основавший тут убогую свою обитель во имя Рождества Богоматери с малым числом иноков и последний из всех, причтенных к лику святых заступников Новгорода. Преподобный игумен Арсений был точно заступником обуреваемого города; напрасно Грозный сосед его после всех своих опустошений просил у него молитв и прощения, думая дарами привлечь к себе Святого мужа; Арсений не хотел их принять, как цену крови, и благодушно обличил Царя за его жестокость. «Многие невинные души послал ты в Царство Небесное», – строго говорил ему старец, как некогда священномученик Филипп митрополит, и на сей раз смирился Иоанн. Он собирался идти на Псков, и пришел еще однажды испрашивать благословения у Святого. «Завтра, Государь, готов я в путь за тобою», – отвечал Арсений, и обрадовался его готовности царь. Но это было только таинственное предсказание о собственной кончине, ибо на утро, приобщившись Святых Таин, предал он на молитве блаженную душу свою Богу.

Сколько таких замечательных случаев, таящихся в житиях наших Святых, ускользает из гражданской истории, и, однако, они поясняют многое, что может казаться странными. Летопись говорит, что Иоанн, подступив к Пскову с намерением разорить его, умилился ночью при звуке благовеста. Мудрено ли, что сердце его, потрясенное обличениями и предсказанием Святого игумена, которое так скоро сбылось, было уже расположено тайным ужасом к умирению? Арсений, живым обличавший его в Новгороде, обещал идти вслед за ним до Пскова уже мертвым; страшно было с совестью Иоанна иметь при себе такого невидимого укорителя! Обличения его действительно повторились Грозному в самом Пскове из уст другого святого мужа, юродивого Салоса, который стал предлагать Царю, строгому в соблюдении постов при всех своих неистовствах, сырое мясо в Великий пост, говоря, что он пьет человеческую кровь. Вот из каких нечаянных источников послал Господь спасение Пскову, вероятно, заслужившему пощаду более

Новгорода, по каким-либо тайным, неведомым нам причинам, но взвешенным на весах правосудия Небесного.

Обитель преподобного Арсения, едва ли не последняя из основанных в Новгороде, пережила и второе его разорение при шведах. Но около ста лет спустя она пришла в упадок и была приписана в 1732 году к Юрьеву монастырю, взамен отобранного у него подворья на княжьем дворе, по определению архиепископа Феофана Прокоповича, а мощи преподобного перенесены были торжественно в Кириллов монастырь, что близ Новгорода, в 1783 году. Однако часовня, где они почивали, сохранилась на прежнем месте, равно как и уважение народа к памяти своего мужественного ходатая. Ее обновили в начале нынешнего столетия усердием одного из граждан Новгородских, и в ней даже был устроен тесный алтарь во имя прежней монастырской церкви Рождества Богоматери, но освящения не последовало; там доселе видны иконостас и прежняя гробница Святого Арсения, куда приходят поклониться благочестивые богомольцы.

По другую сторону двора Ярославова на торгу, при церкви Победоносца Георгия, основанной Святым Всеволодом Гавриилом, находится также часовня, недавно обновленная, в которой почивают под спудом мощи другого Блаженного мужа, Феодора Христа ради юродивого. Оставив родительский дом и временное богатство, он предпочел суровое по Бозе житие и всякие ругательства, которые добровольно принимал от народа ради души своей, ибо кто объяснит все таинственные пути спасения. Однако Феодор пользовался глубоким уважением людей, постигших его горнее звание, ибо часто предсказывал будущее, и голод, и пожары, взывая по улицам: «Это место чисто будет!», и пламя его очищало. В одно время с ним и тем же образом юродства, но только на другой стороне Волхова, спасался блаженный Никола, прозванный Качаловым, который происходил от благородных родителей и оставил еще большие блага мира сего для вольного обнищания. Разумея духовно один другого, они как будто взаимно преследовали друг друга, обличая, быть может, собою нелепую вражду обеих сторон, Софийской и Торговой, и выражая дух своего времени. Когда

случалось Феодору переходить чрез Волховский мост на Софийскую сторону, Никола гнал его оттуда, как овладевшего его наследием, и метал в него все, что ему попадало в руки; тоже делал Феодор, если заставлял на своей стороне Николу. Но вот что, по словам жития их, было уже вне обыкновенных действий мнимой их неприязни: и тот и другой, когда спасались от взаимных преследований, переходили обратно Волхов там, где настигал гонящий, не по мосту а по водам, как бы посуху. Оба скончались в одно время, в 1332 году, в самую лучшую эпоху славы новгородской, соединясь навеки в лоне общего их Спаса; но тела их на земле погребены были врозь, каждого на своей стороне.

Над гробом блаженного Николая сооружена была в XIV веке каменная церковь во имя Святого великомученика Пантелеймона, вероятно, вместо существовавшей тут прежде церкви, и в нее перенесены иконы другого, более древнего собора Святого Иакова брата Божия, который был основан в 1172 году; он еще доселе существует, но уже совершенно оставлен, и крыша его угрожает падением; подле него часовня, где погребена Иулиания, мать блаженного Николы. Как больно видеть, что такие древние здания, каков собор сей, мало-помалу стираются с лица земли Новгородской, а сколько священных воспоминаний они в себе заключают! Скоро придет в такое же запустение и близлежащая церковь Святого Димитрия Солунского, не та, что основал Донской после битвы Мамаевой, но также весьма древняя и наполненная старинными иконами византийского письма, если не додержит ее какая-либо благочестивая рука. Вообще весь этот уголок Великого Новгорода, ближе к Духову монастырю, сохраняет следы богатого населения и людей, прославленных святынею; тут был и дом Святого Варлаама Хутынского, на месте коего стоит теперь часовня, и земля сия еще недавно принадлежала его обители. Какая непрерывная цепь преданий! Если бы только коснуться всех сказаний и древностей церквей Новгородских, раскинутых и забытых на пространстве опустевшего города, какое богатое поле открылось бы для изыскателя, ибо каждая церковь имела свою легенду или особое предание, связанное с

гражданской историей Новгорода. В некоторых доселе почивают праведники, неведомые миру, иногда рода княжеского, как, например, княжна Литовская Харитина, в кладбищенской церкви Петра и Павла, бывшей обители Лисицкой, что на выезде к Юрьеву. Иногда в них обретается чудотворная икона, или крест в образе райского древа, изваянный ликами Святых, как то в древней церкви Святых Флора и Лавра на Торговой стороне, где почивает праведная дева Гликерия. Иногда открывается поверье народное, как, например, о двух церквях во имя Ильи Пророка Сухого и Мокрого, на Софийской и Торговой стороне, из коих в одну ходили со крестами во время засухи, а при ненастьях в другую, доселе существующую с 1200 года на Торговой. Все это проявляет быт и дух народный, и все понемногу теряется, если только кто-либо из старожилов новгородских, более или менее опытных и имеющих более средств для раскрытия сих летописных сокровищ, не решится на этот полезный подвиг во славу Великого Новгорода.

Скажу еще несколько слов о соборе Знаменском, потому что после Софийского он привлекает общее внимание в Новгороде по своей чудотворной иконе. Подле него сохранилась старая церковь Преображения Господа в конце Ильиной улицы, где стояла вначале икона и куда пошел крестным ходом Святой архиепископ Иоанн во время осады Суздальской. Несмотря на тесноту сей церкви, там и доселе совершается служение архиерейское и туда идут крестные ходы в храмовый день ее. Собор Знаменский сооружен был в память чудесного избавления Новгорода не тотчас после сего события, совершившегося в 1169 году, но почти двести лет спустя, в 1336; затем, почти чрез столько же времени перестроек по причине ветхости, в 1528 году был завершен знаменитым архиепископом Макарием. Это показывает, однако, до какой степени упало в то время искусство зодческое, когда Никольский собор, выстроенный греческими зодчими в начале XII века, с тех пор сохранился невредимым. Митрополит Корнилий опять обновил церковь в 1688 году, и так она существует поныне, как одна из самых обширных в Новгороде и лучших по красоте готического своего зодчества; высокие

столбы поддерживают ее стрельчатые своды и пятиглавую крышу; широкая паперть ее окружает, а в ней расположены две придельные церкви Казанской Божией Матери и Живоносного Источника.

Обширная ограда около собора с прилежащими церковными зданиями дают ему вид обители. Внутренность храма не уступает красотой наружности. Он весь расписан стенным ансамблем, по древнему чину Церкви, и все вселенские и поместные Соборы, начиная от первого Апостольского, начертаны на величественной паперти. Стены самой церкви Знамения представляют взорам весь акафист, певаемый в честь Пречистой Девы, а высокий пятиярусный иконостас ликами Праотцев, Патриархов и Апостолов соединяет всю торжествующую на небесах Церковь с воинствующею и молящейся на земле под священной сению сего храма. Но главное сокровище собора и даже всего Великого Новгорода – это чудотворная икона Знамения Богоматери, которая была престольною в Спасской церкви, как и доселе видно по приделанной к ней рукояти, и теперь стоит местною в иконостасе соборном. Хотя богата ее риза золотом и драгоценными камнями, которыми в течение многих веков жертвовало ей усердие новгородцев, однако самая икона, залог спасения города, озаменованная столькими чудесами, частными и всенародными, дороже всех сокровищ сердцу Новгородскому, и доселе не может происходить никакого торжества в стенах древнего города, чтобы не принимала в нем участия и охранительная его икона.

Изображение Знамения, или проявления Господа в лоне Пречистой Девы, есть одно из самых древних в христианстве, и много тысяч икон встречается в катакомбах Римских первых веков; но праздник собственно Знамения, бывшего от чудотворной иконы Новгородской, распространился по всей России из сего города. Достоинно внимания, что празднуется не самый день совершения чуда, ибо оно случилось 22 февраля и часто совпадает с первою неделю Великого поста, а память Святого мученика Иакова Персянина, 27 ноября, потому что это был Ангел знаменитого посадника Якова, или Якуба, при коем

Новгород спасся от осады Суздальской: оттого и помещены на богатой ризе иконы Знаменской, которою обложил ее митрополит Макарий, лики великих пустынножителей Макария и Онуфрия и мучеников Иакова Персянина и Георгия, тезоименитых посаднику и Владыке, или празднуемых в день их рождения. Трудно объяснить, по какой причине изображены на другой стороне иконы также в позлащенном окладе Св. Апостол Петр и Мученица Наталия, простирающие молитвенно руки к парящему над ними Господу Вседержителю, а по сторонам, в меньшем виде, Святители Климент и Николай и Великомученицы Екатерина и Евфимия.

Прямых сведений о том не имеется, но так как Знаменский собор был обновлен и освящен митрополитом Корнилием в первые годы царствования Петра Великого, то не он ли поусердствовал изобразить лик Апостола и Мученицы, тезоименитых юному Царю и его благочестивой матери Царице Наталии? Но почему изображены тут же на полях прочие угодники, совершенно неизвестно; должно полагать, что они соответствовали также именам частных почетных лиц, украшавших постепенно икону Знамения драгоценным жемчугом и камнями, рассыпанными по золотой ее ризе и даже на ее богатом кивоте. Под нею, с лицевой ее стороны, находится и то древнее изображение Великого Новгорода, обуреваемого Суздальскою осадой, которое писано на дереве неизвестно когда и привлекает внимание археологов, по своей древности и самому очерку славянской столицы XIII столетия. Это тоже один из драгоценных остатков минувшего, который пощадило время под сению священной иконы. Нельзя, однако, предполагать, чтобы здесь был первый список Новгорода тех времен, хотя можно перечесть башни Кремля и внешней его ограды со всеми многочисленными церквами внутри них; а кругом кипит суздальская осада, пешие и конница стремятся ко граду и падают пораженные собственными стрелами, ибо от чудотворной иконы исходит невидимое поражение, на дерзающих против осененного ею Великого Новгорода.

Хутынъ и Антониев монастыри

Если оставить Торговую сторону, которая кипела всею гражданскою жизнью Новгорода, с ее летописными церквами, и следовать вниз по течению шумного Волхова, вдоль его правого берега, там откроется начало и развитие иноческой жизни нашего Севера в двух обителях – Антония и Варлаама, – подобно как лавра Печерская была колыбелью оной на юге России.

Уже несколько иноков Печерских один за другим восседали на кафедре Софийской и с ними вместе пришли монашествующие в Великий Новгород. Но это не образовало там решительной эпохи иночества до явления преподобного Антония Римлянина, как равно и в Киеве, несмотря на существовавшие там обители, преподобный Антоний Печерский почитается отцом иночествующих. Таинственно было явление Римлянина в пределах Новгородских; оно облечено всею поэзиею юношеской поры Новгорода и может казаться странным, если верующее сердце не оградит себя мыслию о великих знамениях, которыми не раз прославлял Господь Своих угодников, чтобы посредством их утвердить веру в народах.

Старый Рим был отечеством Преподобного, в бедственную годину для Церкви Православной, когда уже последовало отпадение Римского епископа по духу превозношений и возникли вместе с крестовыми походами гонения на державшихся правого исповедания отцов своих. Антоний, сын богатых родителей, с юного возраста пожелал жития иноческого и, раздав все родительское наследие нищим, заключил некоторые священные сосуды и драгоценности в бочку и бросил ее в море, по таинственному движению сердца, а сам бежал из Рима в пустыню, в обитель иноческую. Там провел он в строгом посте и молитве более двадцати лет, проходя самый тяжкий искус; когда же и оттоле изгнало его гонение латинян, разграбивших обитель, он скрывался некоторое время в горах; наконец, пришедши на берег моря, основался, как некий древний столпник, на камне, омываемом морскою водою, без

всякого покрова от непогоды. Образ Божий всегда был начертан в его сердце и, как отражение сего дивного образа, ему непрестанно виделась на облаках икона Предвечного Младенца на лоне Своей Божественной Матери, осеняющая его от бурь житейских и стихий. Невидимо протекло годичное время в таком духовном созерцании, и вот однажды, нечувствительно для Святого, волна морская отторгла от берега камень, на котором он стоял, и понесла далеко в пучину без всякой для него туги или боязни, без расчета дней и ночей, ибо во свете небесного Лица, исполнявшего веселием его сердце, день единый казался ему как тысяча лет и тысяча лет как день единый; а восторженная молитва с воздеянием рук служила ему пищею во время сего чудного плавания без ладии и кормила, с единым надежным кормчим Господом Иисусом.

Преплыл он теплое море и взошел в устье реки и, наконец, почувствовал, что камень его причалил к берегу. Ему слышится дальний утренний благовест, и ужаснувшийся Антоний мнит себя в соседстве враждебного ему Рима. Подходят к нему жители неведомой страны, а он не понимает языка их; они же с изумлением смотрят на чудного пришельца, который не смеет сойти со своего камня, где дом его и твердыня, уже испытанная среди бурь. И вот, после трехдневной молитвы посылает ему Господь гостя греческого, понимающего язык латинский; труженик спрашивает его о граде и стране, которых столь чудно он достиг, и о их расстоянии от Рима и с изумлением слышит, что пред ним Великий Новгород и Святая София, что камень его не на водах Тибра, а на Волхове, который отстоит на полугодишный путь от древней столицы; ему же трехдневным казалось сие таинственное странствование в пучинах. Вслед за гостем входит он в Великий Новгород, где обладает сын Мономахов Мстислав, вступает и в Святую Софию, где священнодействует Святитель Никита, и душа пришельца, гонимого на своей родине за веру предков, исполняется несказанною радостью при виде благолепия службы Православной, столь убогой на оставленном им Западе. Но еще Римлянин не смеет предстать Владыке, не ведая языка его и возвратясь на свой камень, опять молит Господа даровать ему

сие познание, дабы он мог свободно выражаться со своими новыми соотечественниками, и Господь посылает ему дар языков. Когда слух о пришельце достиг Святителя, уже Антоний, призванный в палаты архиерейские, мог с ним объясняться на собственном его наречии. Сперва на вопросы Святителя о месте рождения странник отвечал только, что он недостойный инок, но когда Владыка, по внушению Духа, назвал по имени пришельца и повелел ему ради послушания открыть всю истину, тогда со смирением исповедал пред ним Антоний свою чудную повесть и, падши к ногам его, умолял со слезами сохранить ее в тайне, дабы избежать славы человеческой. Ужаснулся епископ Никита, внимая пришельцу, который являлся ему как бы некий Ангел и, воздав хвалу Богу, дивному во Святых Своих, простерся сам к ногам Преподобного, прося его молитв. Оба лежали друг пред другом на земле, взаимно прося себе благословения, ради обоюдного их смирения, и наконец Святитель, по долгу пастырскому, благословил инок и, насладившись его беседою, отпустил с миром. Сам он посетил его на избранном им месте и, испросив место сие у посадников, отдал пришельцу, дабы он тут основал свою обитель. Скоро возникла на берегу Волхова, недалеко от города малая деревянная церковь во имя Рождества Богоматери, которая осенила видимым своим покровом труженика, ибо накануне ее праздника пристал он к земле Новгородской. Несколько келлий соорудилось также около церкви, и мало-помалу стали в них собираться братия, как пчелы в устроенный для них улей.

Новое чудо ознаменовало начало монастыря. Однажды преподобный Антоний просил рыбаей, трудившихся напрасно целую ночь, закинуть еще раз сети в Волхов и дал им денег, с тем чтобы все, что извлекут они из воды, принадлежало его возникавшей обители. К общему изумлению, вместе с множеством рыбы, едва не прорвавшей невод, извлечена была бочка, скованная железными обручами, которую признал своею, тою самою, что некогда бросил он в море, еще будучи в Риме. Но рыбаи, обрадовавшись нечаянной добыче, не хотели отдать ее законному обладателю, хотя он уступал им всю пойманную

рыбу. Дело дошло до посадников, и, хотя рыбаки уверяли, будто бочка сия издавна им принадлежала, истина обличилась на суде, когда Преподобный объявил, какие именно драгоценности в ней заключены, и ему присуждено было его достояние. Он положил все сии сокровища в ризницу Софийскую и, по совету Святителя, начал сооружать новую каменную церковь Рождества Богоматери вместо деревянной, употребляя на строение золото, обретенное в бочке, и раздавая убогим доброхотные даяния граждан в пользу обители. В скором времени Святитель епископ Никита предал праведную душу свою Богу; столь же богобоязненный муж Святитель Нифонт занял кафедру Софийскую, сохраняя ту же любовь к Преподобному. – Уже четырнадцать лет подвизался Антоний в распространявшейся обители, когда братия стала умолять его, дабы восприял над ними совершенное начальство в сане игумена со степенью пресвитерскою, и, несмотря на свое смирение, не мог он отказать пламенной молитве своих иноков. Святой Владыка Нифонт с радостью рукоположил его во пресвитера, и еще 16 лет игуменствовал блаженный пришелец Римский в созданной им обители, доколе не настиг его последний час. Предчувствуя кончину, он собрал вокруг себя плачущую братию, утешил ее словами Писания и дал ей настоятелем некоего инок Андрея, которому открыл свою чудную повесть, заповедав предать ее будущим родам во славу Божию. Месяца августа в 3-й день 1117 года преставился он от временной жизни в вечную после 80-летнего на земле подвига и был погребен в созданной им церкви. Десять лет спустя после кончины Блаженного Римлянина возник новый светильник иночества в земле Новгородской: родился Варлаам, сын богатых родителей, в мирском имени Алексей; это был второй Феодосий Печерский для обителей своей родины. С детского возраста уже он почувствовал отвращение ко всему мирскому и тотчас по кончине родителей, раздав все свое имущество, предал себя под строгое начало некоего инок Порфирия, чтобы пройти первый искус жития монашеского. Можно предполагать, что инок сей был сам из обители Антониевой и что там поселился вначале юноша Варлаам, потому что высокий берег

Волхова предпочтительно им избранный для своего жительства, находился в той же стороне. Там любил он уединяться на малом холме в глубокой чаще леса для созерцания, и там видение небесного света указало ему место будущей славной обители, как некогда великому труженику палестинскому, Савве Освященному. Там основался Варлаам и соорудил в 1192 году малую деревянную церковь, во имя Преображения Господня, в память того небесного света, который осенил его; около него стали собираться в убогих келлиях многочисленные ученики. Первыми из них были Антоний Дымский и Ксенофонт, восприявшие после него обитель Хутынскую и сами основавшие другие монастыри в окрестностях Новгорода. Бывший тогда архиепископом Святитель Григорий, брат и преемник святого схимника Иоанна на кафедре Софийской, рукоположил Варлаама во пресвитера и игумена новой обители Хутынской, и отовсюду начали к нему стекаться миряне и духовные, всякого звания и возраста, ибо назидательна была беседа опытного аввы.

Он был постоянно другом и советником Владык Новгородских, но всех ближе по сердцу был ему Владыка Антоний, избранный на кафедру Софийскую из числа его иноков и трижды с нее низводимый по своеволию народному. Часто приглашал он на совет бывшего своего игумена в Архиерейские палаты. Однажды, проходя Волховский мост, Варлаам увидел человека осужденного, которого по приговору Веча уже готовились сбросить в реку, и умолил народ отдать обреченного на казнь в свою обитель, для служения братии. В другой раз на том же мосту готовилась опять подобная казнь, а семейство осужденного со слезами умоляло авву испросить помилование у народа; но старец, не внимая мольбам, прошел мимо. Ученики его, изумленные столь нечаянную суровостию, просили его объяснить им причину столь противоречивших друг другу действий, ибо в первый раз он спас произвольно от смерти человека, не просившего его заступления, а теперь жестоко отказал просившим спасения. Старец отвечал: «Судьбы Господни бездна многа, Господь же всячески хочет спасения человеков. Первый из осужденных был точно достоин казни, но сердце его тронулось в сию страшную минуту, и я хотел

доставить ему время покаяния в обители, что он и успел совершить, приняв на себя ангельский образ. Второй же был совершенно невинен и скончался мученически; я же боялся, чтобы впоследствии злоба не изменила разум его и не прельстилась душа его, и в обоих случаях поступил по тайному откровению, бывшему мне о сих осужденных». Так ясно видела душа блаженного Варлаама, Духом Божиим, внутреннее человека. Однажды возвестил он князю Новгородскому, пришедшему посетить его обитель, рождение сына; обрадованный князь просил его быть приемником новорожденного и наделил щедрыми даяниями обитель. В другой раз молитвою своею воскресил отрока простого поселанина, который понес в обитель больное дитя еще живым и, хотя оно скончалось на пути, не усомнился, но с верою продолжал путь, и по вере его дано было ему желаемое: он возвратился домой с воскресшим сыном.

Такими великими чудесами прославил Господь своего угодника. Одно из них доселе празднуется ежегодно крестным ходом, который совершается торжественно в первую пятницу Петрова поста. Преподобный предрек однажды Святителю архиепископу Антонию, что в этот день он придет к нему в Новгород на санях, и действительно в ночь накануне того дня выпал глубокий снег и сделался столь жестокий мороз, что Преподобный мог исполнить свое обещание. Смутился Антоний, который сперва не хотел верить предречению, а потом боялся вредных последствий столь необычайного явления. Но старец успокоил его, сказав, что снег и мороз были особенною милостию Божиею, ибо они истребили множество червей, точивших корень хлеба, а растаявший снег оплодотворит землю, и опять событие оправдало слова старца. По сей причине Владыка Антоний учредил, чтобы ежегодно совершался крестный ход в обитель Хутынскую, и доселе во свидетельство сего чуда возносятся там благодарные молитвы Господу и его угоднику Варлааму, возвестившему дивное событие.

Уже Преподобный достиг маститой старости, когда пожелал соорудить в Хутыни благолепный каменный храм Преображения, вместо обветшавшего, но Господь не соизволил

ему довершить начатое здание. Чувствуя приближение своей кончины, он собрал вокруг себя братию и назначил им настоятелем Антония, который возвратился из Царьграда в ту минуту когда говорил о нем авва, провидевший его пришествие; а сам преставился в Небесные обители, тому Невечернему Свету, отражение коего созерцал на земле. Год его отшествия к Богу не упомянут в житии, и потому некоторые ошибочно полагают кончину Преподобного в 1192 году, когда он только что основался на холме Хутынском; но его постоянное общение с архиепископом Антонием, восшедшим на кафедру Софийскую не ранее 1212 года из устроенной уже обители Хутынской, и записка в летописи Новгородской, что архиепископ Спиридон с освященным клиром погребали на Хутыни у Святого Спаса раба Божия Варлаама в 1243 году, дают повод относить кончину его к сему времени, хотя есть разность в числах погребения между летописью и житием. Во всяком случае известно, что блаженный авва скончался в глубокой старости и был погребен с величайшим торжеством посреди плача народного, ибо еще при жизни был почитаем за великого угодника Божия. Обильные исцеления ознаменовали святость его при самом погребении, и память его более всех угодников Божиих, коими прославился Великий Новгород, близка сердцу народа.

До сих пор на память торжественного погребения идет к нему в обитель весь Новгород 6 ноября, и каждый получает от него, как бы взамен поминовения, кусок хлеба и полушку, потому что так завещал еще при жизни Преподобный угощать странных! И вот уже шестьсот лет исполняется его завещание. Когда же однажды скупой казначей хотел нарушить волю Блаженного, авва явился ему не в сонном видении, но чувственно и строго наказал словами и жезлом. Также поступил он в другой раз с немилостивым келарем, удержавшим раздачу хлеба, и в разные времена с двумя игуменами, недостойными своего звания. Обличив их сперва речью, он приложил им и раны, от которых столь милостивно исцелял всех к нему притекавших, и принудил оставить место настоятельское ради крайнего их расслабления. Еще раз, когда свирепствовал голод в окрестностях Новгорода и власти обители Хутынской

вздумали сокровиществовать у себя хлеб, вместо того чтобы раскрыть житницы народу, внезапное умаление заключенного богатства открыло гнев Преподобного и научило невольному нищелюбию. Такое живое участие принимал он по смерти во всем, что касалось любимого им народа, и так скор был на помощь своим молитвенникам, что казалось, будто земная его жизнь продлилась. И, как потом Сергей Радонежский Чудотворец, еще ревностнее, нежели при жизни действовал он за гробом; потому и являются они вместе на иконах.

Однажды пономарь Хутынский, взойдя в соборную церковь Преображения, внезапно увидел, что все ее свечи и лампы зажглись сами собою; и преподобный Варлаам встал из своего гроба и простерся на молитву посреди храма, взывая к Богу, дабы отвратил от Великого Новгорода всякий гнев, праведно на него движимый. Объятый ужасом пономарь упал к его ногам; Святой же ободрив его, сказал: «Тяжкое хочу открыть тебе, что сотворит Господь Великому Новгороду, зане исполнися неправды и глас беззаконий его возшел на небо». Тогда послал его до трех раз на крышу церковную смотреть, что будет с бедствующим городом, и в первый раз явилась ему буря водная восставшего Ильменя, готового затопить город; а во второй сонм Ангелов, стреляющих в него огненными стрелами, в предзнаменование страшного мора, в третий же раз туча огненная, идущая на город, – знамение пожара. Трижды возвращался посланный с крова церковного и находил Святого неусыпно молящимся, дабы смягчил Господь гнев свой, хотя и предрек, что все сие должно сбыться над Великим Новгородом. Тогда возлег опять на свое ложе, заповедав непрестанную молитву посреди напастей, и все они посетили, одна за другою, город, заслуживший небесной кары.

Быть может, это чудное явление Преподобного пономарю Тарасию было виною его избрания впоследствии в сан игумена, ибо мы видим имя сие между настоятелей Хутины. Вероятно, сказание о бывшем чуде возбудило и в Святом Владыке Новгорода Евфимии благоговейное желание удостовериться лично, почивает ли в раке поверх земли блаженный авва Варлаам, восставший из своего гроба на молитву? Ради сего

наложил он трехнедельный пост на братию монастырскую и на клириков своей палаты с непрестанными молитвами и тогда только взошел в церковь, где покоились Святые мощи, с одним игуменом Тарасием и клириком своим Иоанном. Святитель стал у главы Преподобного, а у ног его игумен, и с молитвенными слезами сдвинули они раку, стоявшую поверх гроба. Тогда увидели с благоговейным ужасом тело Преподобного цело и нетленно и лицо его, осененное брадою, совершенно сходное с тою иконой, что над гробом, и воздали славу Богу, дивному во святых Своих; а клирик, пораженный сим явлением, постригся в обители Хутынской.

Поистине чудеса и исцеления обильною рекою, текли от гроба Блаженного аввы, и обладатели земли Русской были участниками благодати, от него истекавшей. Младший сын Великого князя Дмитрия Донского, князь Константин, во время своего наместничества в Новгороде во дни святого Владыки Евфимия принесен был замертво в обитель Хутынскую и положен при раке Преподобного, уже без всякой надежды на исцеление. Но когда братия, после долгих о нем молитв, удалились из церкви в трапезу, оставшиеся при князе отроки пришли возвестить игумену, что князь их восстал и здоровым ходит по храму. Такое же чудо повторилось несколько лет спустя над юношей Григорием, спальником Великого князя Василия Темного, во время их пребывания в Новгороде. Он уже чувствовал себя при вратах смерти и просил только отвести его, живым или мертвым, в обитель, потому что ему виделся Преподобный в одежде святительской, с крестом в руках, который напомнил ему данный Богу обет постричься в обители Хутынской. Не доезжая оной нескольких верст, юноша испустил дух, но когда уже мертвого ввезли в ограду, он внезапно очнулся; взглянув на икону Преподобного, он совершенно ожил, и узнал даже самый крест при мощах, с которым являлся ему угодник Божий. Воскресший рассказал, каким образом в посмертном видении предстал ему преподобный Варлаам вместе с чудотворцем Николаем и, обличив его в грехах юности, зрелищем адских мук возвратил опять к жизни. Весть о том достигла Великого князя; он поспешил в обитель с детьми

своими и святым Владыкой Ионою, и торжественный молебен пет был над гробом Преподобного. Чудо сие случилось 31 января 1115 года.

Но Святитель Варлаам, скорый помощник притекавших к нему с должным благоговением, смирял иногда и неподобающее превозношение. Это испытал над собою сын Темного, великий Иоанн, когда еще в первый раз гостем посетил отчину свою, Новгород, в 1462 году. Великий князь остановился на берегах Ильменя, в обители Святой Троицы; там посетили его Вдадыка Феофил, посадники, бояре и именитые граждане Великого Новгорода. Иоанн объявил им желание свое поклониться мощам великого угодника Варлаама и на другой день, уже в Хутыни, посреди церкви Святого Спаса, стал говорить игумену Нафанаилу и братии: «А почему не открываете вы, отцы Святые, гроба Преподобного, как бывает повсюду обычай прикасаться к мощам Святым? И у нас, в Москве, мы лобызаем честные мощи Святителей Алексия и Ионы и чудотворца Сергия в его Лавре». (Речь Иоанна показывает, что уже в его время прославлен был Иона, а мощи Петра митрополита скрыты были под спудом.) Игумен с братиею ответствовали Государю, что им неизвестно, где обретаются мощи Преподобного отца их Варлаама, поверх земли или под землею, ибо никто не дерзал еще дотоле к ним прикасаться и они не дерзают. (Открытие же оных при Владыке Евфимии было, как видно, тайное.) Но Иоанн возразил, что «не должна никогда быть утаена святыня мощей от притекающих к ним богомольцев, как сие существует и на Востоке», и с гневом повелел отвалить каменную доску от гроба Преподобного и копать около землю. Но внезапно густой дым изшел из-под отваленного камня, вслед за дымом показалось пламя и опалило стены церковные и внешние двери. Ужаснулся Иоанн со своими боярами; бросив жезл, которым сперва гневно ударял в помост, он только подавал знак рукою, чтобы перестали копать землю, и бежал из храма, а жезл его остался во свидетельство чуда.

Уже Новгород покорился Иоанну и лишен был своего народного могущества; властвовал над ним Великий князь

Василий, сын Иоаннов, посылая туда своих наместников, а кафедра Софийская сиротела, ибо Владыки ее избирались уже не из клира новгородского, но посылались из Москвы, равно как и архимандриты первостепенных обителей. Кто вступился за бедствующую отчину? Опять тот же великий угодник: он является Великому князю, впавшему в легкий сон во время трапезы, и говорит ему, что «три обители – Хутынъ, Антониева и Юрьевская – без настоятелей и братия в опасности духовной; поспеши послать туда законных пастырей». Вслед за явлением аввы пришли к Великому князю посланные от сих трех обителей, и он, по совещанию с митрополитом Варлаамом, поспешил избрать настоятелей; сам же возымел великую веру к угоднику Божию и призывал его во всех скорбях своих, во дни мира и войны, и покров Святого не раз осенял рати московские в битвах с иноверными, а Государь посылал обильную милостыню в его обитель. И вот, когда настал последний час кроткого Василия, опять явился ему Преподобный и велел постричься в ангельский образ, что немедленно исполнил отходящий к Богу обладатель земли Русской. С именем Варлаама, в рясе иноческой, возлег он между своих державных предков.

Таким образом, с четырьмя поколениями Великих князей Российских, от сына Донского и до отца Грозного, вступал в ближайшие отношения уже из мира невидимого Блаженный авва, а Василием оканчивается замечательная летопись его посмертных деяний. Она безмолвствует об Иоанне Грозном, хотя, быть может, и ему были от него некие страшные явления, во время бедственной эпохи казней новгородских. Живой обличал Грозного Царя вместо усопшего. Игумен Арсений заступил на место Варлаама, и на том же дворецке Ярославовом-, где замер голос вечевых колоколов, раздавался в слух Иоанна обличительный голос смиренного отшельника, поселившегося на развалинах опустевших палат. Но во время страшных мятежей междоусобия опять пробудилась Хутынъ; дух аввы Варлаама вселился в мужественную душу его преемника по настоятельству обители, Киприана, почтенного саном архимандрита. Когда в 1611 году полчища шведские,

согласившись с изменниками русскими, подступили к Новгороду и вождь их Понтус Делагарди осадил древнюю столицу Рюрика, упало мужество ее граждан; только один пресвитер Аммос на Торговой стороне явил остаток древнего духа великого Новгорода, ибо он укрепился в своем доме против врагов и, осеняемый благословениями митрополита Исидора со стен Кремля, положил живот за веру и отечество. Сдался и самый Кремль, и обитель Хутынская сделалась становищем Делагарди. Тогда посыпались всякие истязания на доблестного архимандрита Киприана, в котором видел враждебный вождь неодолимую твердость; в течение трех лет подвергался он узам и мукам, ограблена была его обитель, ободраны святые иконы и самая рака Преподобного, весившая до 150 фунтов серебра. Разорены и ограблены были и все прочие монастыри и церкви Великого Новгорода, так что уже он не восстал никогда в прежнем блеске после сего вторичного опустошения, которое превзошло Иоанново. Но Киприан бодрствовал посреди обуревавших зол. Посланный к юному царю Михаилу от самих шведов, с опасностью для собственной жизни скрепил он союз между Новгородом и новым государем, который уже начинал сомневаться в верности покоренного неприятелем города. Когда же потом утихли мятежи государства и Киприан просветил христианством север Сибири, в которой долго святительствовал, вступил он на кафедру Софийскую, новым блеском осияв сию кафедру. Благословение преподобного Варлаама пролилось чрез него из Хутыня на всю паству Новгородскую и на дальние пределы России. Таковы были заслуги великого аввы отечественной Церкви. Теперь его древняя обитель, паче других уважаемая в Новгороде, с половины минувшего столетия служит жилищем для викариев митрополии Новгородской, коих кафедрою избрана Старая Руса Рюрика.

С тремя приятными спутниками посетил я опять, после десятилетнего отсутствия, обитель преподобного Варлаама. Это было в первый майский день, и полуденное солнце ярко освещало величественные ее здания и распускавшуюся зелень ее рощи. Мы взошли для поклонения угоднику Божию в

древнюю церковь Спасову, не ту, однако же, которую он сам заложил, но во вновь созданную на том же основании в начале XVI века усердием митрополита Московского Макария, бывшего Владыкою Новгорода. Братия обители служили для нас соборный молебен при раке Преподобного, которую устроил над его гробом Царь Михаил Феодорович после разорения шведского, в знак своей признательности за покровительство Святого аввы Новгороду и России. Между древними греческими иконами величественного иконостаса, храмовая Преображения Господня, богато украшенная, восходит до времен Святителя Варлаама. В ризнице показали нам тяжкую власяницу и вериги Преподобного, коими смирял он плоть свою в труженических подвигах, и убогие ризы, в которые облачался для священнодействий сей сослужитель Ангелов при Трапезе Господней, и подлинную его грамоту, писанную на пергаменте, в силу коей отдавал Варлаам Святому Спасу земли свои и рыбные ловли, призывая на суд с собою в будущем веке того, кто их отымет. Там и трость великого Иоанна с хрустальною головкою, брошенная им при виде пламени, исшедшего из гроба Святого, и обгоревшие двери церковные, во свидетельство бывшего чуда. Обширная паперть соборной церкви, позднейшей пристройки, как явствует из надписи ее вокруг стены, сооружена митрополитом Корнилием уже в 1646 году, вместе с обоими приделами Покрова Богоматери и Иоанна Богослова. В сем последнем погребен знаменитый певец Фелицы, которого поместье прилегало к обители Хутынской. Много славы отечественной сокрыто под смиренным памятником; в его бессмертных одах отразился весь блестящий век Екатерины, и слово Русское, пробужденное рыбарем архангельским огласилось громкою лирою Державина по всем концам необъятной Руси, везде бросая семена звучного языка и одушевляя поэтов. Мир праху твоему, великий гений, укрывшийся под сень великого угодника Божия! Теплая церковь во имя Преподобного, довольно обширная, с трапезою, также времен митрополита Макария, и есть еще одна, малая отдельная церковь Всех Святых, вроде домовой во имя Святителя Феоктиста, которая устроена в летнем жилище

викариев Новгородских. Прочие церкви и приделы, существовавшие внутри ограды и на вратах, до разорения шведского, истреблены пожаром и более не возобновлялись.

Мы вошли в другую внутреннюю ограду монастырскую, где насажена по цветущему лугу малая роща, летняя ограда пустынной братии Хутынской. Там, на берегу Волхова, одиноко возвышался холм, как бы насыпной курган, и на нем деревянная часовня. Это была собственно келлия Преподобного, где он спасался в уединенной роще, далеко от молвы житейской. Скит его был отделен от обители, которой дал он от себя общежительный строгий устав, по подобию Печерского. Икона его стоит в часовне между иконами двух ближайших учеников его и преемников, Антония Дымского и Ксенофонта, которые приняли после него настоятельство и сами основали свои обители, продлив еще на многие годы назидательный пример Блаженного аввы. Они были также истинными отцами иночествующих в Новгороде. Обитель Дымовая далеко, но Ксенофонтова, недавно упраздненная, видна за Волховом с уединенного холма Варлаамова, бывшего колыбелью стольких монастырей и монашествующих. Очаровательный вид открывается из высокой часовни, сквозь осенившую ее чащу деревьев, на Волхов и впадающий в него Волховец – ибо Хутынъ у самого их стечения, – и на богатые села и обители, раскинутые на противоположащем берегу. Это самое высокое место в окрестностях Новгорода; он виден вдали, увенчанный своими храмами и башнями, и шумно течет от него бурный Волхов мимо той обители, где далеко от бурь градских и житейских, устроил себе горнюю келлию Святой отшельник, имевший столь спасительное влияние на судьбы своей родины.

Солнце уже склонялось к вечеру, когда на обратном пути из Хутыни достигли мы монастыря Антониева. Благосклонно принял нас настоятель его, соименный угоднику, между многими своими добродетелями имеющий и ту, чтобы стараться быть полезным каждому и ревновать обо всем, что только касается до святыни Новгородской. С ним вместе вступили мы в древний собор Рождества Богоматери, основанный Преподобным и

удержавший древний свой образ, хотя несколько раз был опустошаем пожарами. Большая часть зданий времени Мстислава, т. е. XII века, уцелела в Новгороде, вероятно, по причине прочности кладки византийской, когда, напротив того, строения позже сего века мало выдерживали разрушительное действие времени и должно было вновь пересозидать их. Это случилось и с церквями Хутынскими. В обширной паперти первый представляется взорам круглый камень Преподобного, до половины заслоненный его ликом, – чудный корабль, на котором совершил он свое еще более чудное плавание, и перед ним паникадило и малый колокол, принесенные также из Рима. Самая церковь, светлая и высокая, по образцу зданий того века, отличается красотой своего иконостаса и византийскою живописью. Там мы поклонились нетленным мощам Блаженного Римлянина, открыто почивающего в кипарисовой позлащенной раке на мраморных ступенях.

450 лет таились они под землею, до времени царствования благочестивого царя Феодора, последнего из рода Рюрикова. Инок обители Антониевой, по имени Нифонт, имевший теплую веру к Преподобному, видел однажды во сне угодника Божия, лежащего в открытой раке поверх помоста, и подле него Святителя Никиту. Ему пришло на мысль: не есть ли это тайное указание, что и Преподобный должен быть прославлен по примеру Святителя, уже просиявшего и почивавшего открыто в соборе Софийском? Втайне дерзнул он приподнять верхнюю доску раки, стоявшей над гробом преподобного Антония, и с радостию увидел, глубоко в земле, тело Святого совершенно нетленным. Он сообщил о том игумену Кириллу, который сам испытал на себе целебную помощь Блаженного Антония, ибо отравленный однажды по ненависти братии, получил исцеление при раке мощей его; с тех пор благоговел ко всему, что только близко было Святому: обновил икону Богоматери на его чудном камне и отыскал в ризнице трости морские, с которыми он приплыл. Но митрополит Новгорода Александр, приявший от игумена радостную весть сию, скоро скончался, а сам Кирилл переведен был настоятелем в лавру Троицкую, место же его заступил архимандрит Трифон. Не остался, однако, спокоен

ревностный Нифонт. Случилось ему быть в лавре и видеть там любовь, которою пользовался бывший их настоятель при Государе. Инок опять напомнил ему свое видение, и Кирилл, в присутствии боярина Годунова, стал умолять Царя и Патриарха Иова об освидетельствовании мощей угодника Божия. Святое дело сие поручено было Патриархом новому митрополиту Новгорода Варлааму, наложены пост и молитва, и братиям несколько раз слышался несвоевременный звон, предвозвещавший торжество церковное. Настоятель приступил к открытию раки, но не смел коснуться мощей, которые лежали глубоко в земле, на большом камне, как бы в память того, на коем совершил Преподобный свое плавание. Ужасом объяло всех зрелище нетленного тела, и многие исцеления потекли от него верующим. Тогда Владыка Новгорода со всем освященным собором, совершив молебное пение, поднял мощи Преподобного с камня, от которого не благоволил он отделиться при первом открытии гроба настоятелем, и положил их в новую кипарисную раку, окованную позлащенною медью. Торжественное событие совершилось в июле 1597 года, и с тех пор велено было крестному ходу, идущему в первый пяток Петрова поста в обитель Хутынскую, заходить в Антониеву для большего торжества, и до сорока чудес, засвидетельствованных в записях монастыря, одно за другим, ознаменовали благую деятельность Преподобного, который как бы снова явился Великому Новгороду.

На самой раке начертаны, вместе с кратким описанием жития и молитвою к Преподобному, две его грамоты, свидетельствующие ревность его к устройству своей обители. С какою простотой говорит о себе Антоний: «Се труды мои, Госпоже моя, Пречистая Богородице, ими же трудихся на месте сем; купих сию

Землю, Пречистыя, и дом, у С... да у..., у Ивановых детей, у Посадничих, а дал есми сто рублей; а обвод оной земли от рек Волхова, Вятковою ручьем вверх и проч. А кто на сю землю наступит, а то управит Мати Божия». Другая грамота уже писана иным слогом: «Се аз Антоний, худший во монасех, изыдох на место се, не приях ни имения от князя, ни от епископа, но токмо

благословение от Никиты епископа, и наша по чужей земле ни вдвое, ни воедино, ни себе покоя не дах, и братии и сиротам, и zde крестьянам досажая, да то все управит Мати Божия, что есмь беды принял о месте сем, и поручаю Богу и Святой Богородице и крестьяном, и даю в свободу и поручаю место се на игуменство и проч.».

Шесть мусийных древних икон, современных Преподобному, висят на стене алтаря у его раки. Три из них изображают распятого Господа, и три сидящего на престоле с символами Евангелистов. Они как будто сняты с окладов напрестольных Евангелий, которых много хранится в ризнице, и собраны воедино около раки; а над нею хранится и та морская ветвь, с которою преплыл он море, и висит еще одно древнее паникадило. Над северными дверьми придельного алтаря во имя Святого привешен шестиконечный крест весьма древний, а все стены сей церкви расписаны чудными подвигами Блаженного Римлянина.

В другом приделе, празднующем Святому Иоанну Богослову, покоятся под спудом в обширной каменной раке пять братьев – посадников новгородских Алфановых: Никита, Кирилл, Никифор, Климент и Исаакий. Они перенесены были сюда в 1775 году, при митрополите Гаврииле, по случаю совершенного истребления пожаром обители Сокольницкой за валом, где до тех пор находились. Предание гласит, что во дни Святителя архиепископа Иоанна, в 1162 году, владеющим новгородцам по своей воле и по своему хотению, при князе Романе Мстиславиче, которого им Бог поручил, Святые мощи внезапно открылись за алтарем девичьего монастыря чудотворца Николая благочестивому старцу строителю близлежавшей Рождественской обители. В продолжении трех дней трижды предавал он их земле, и три раза они опять являлись поверх нее. Старец возвестил о том Владыке Иоанну, который не велел более погребать их, но приказал устроить около них каменную раку. Вскоре явились святые братья в Москве некоему расслабленному боярину и, восставив его с одра болезни, внушили соорудить часовню над их ракою, что с благодарностью исполнил исцеленный, а между тем и в самом

Новгороде многие чудеса ознаменовали прославление сих угодников Божиих, неведомых миру.

Мало древней утвари хранится в ризнице за главным алтарем, по случаю многих разорений обители пожарами и неприятелями; даже довольно долгое время она находилась в совершенном запустении. В 1381 году выжгли ее сами новгородцы в числе прочих монастырей, когда готовились к обороне против Великого князя Дмитрия Донского. В 1570 году, во время казней новгородских, игумен Антониевой обители Геласий с двадцатью иноками погибли под мечом Грозного Иоанна и расхищена была вся ее казна, и драгоценные яшмовые сосуды, которые привез с собой из Рима преподобный Антоний, взяты в Москву и доселе хранятся в ризнице Успенской. В Антониевой, однако, уцелели ризы Святого основателя, бельи шелковые и орарь, шитый золотом. Игумен Кирилл был обновителем запустевшей обители после нашествия Грозного; и она процвела в царствование Феодора Иоанновича, но потом опять подверглась общему разорению шведскому, так что в ней оставались одни только каменные церкви, Соборная и Сретенская. Последняя заложена также преподобным Антонием и совершенно перестроена Владыкою Новгородским Алексием в 1537 году и существует доныне. Все же прочее, ограда и келлии, большею частию деревянные, были совершенно истреблены.

С основанием семинарии в монастыре Антониевом в 1710 году начал он восставать из развалин усердием Архиепископа Новгородского Амвросия, который избрал себе место упокоения в паперти соборной, против самого камня Святого Антония. Духовное училище существовало прежде в палатах архиерейских где учредили свое учение братья греческие Лихудии под покровительством митрополита Иова, и оно процветало во время управлений знаменитого витии церковного, Архиепископа Феофана; но преосвященный Амвросий был собственно основателем семинарии Новгородской, и после кратковременного ее упадка она просияла новым блеском в начале нынешнего столетия.

Замечательна древность икон греческого письма в иконостасе соборном, который был обновлен в царствование Петра Великого. Особенно изящны храмовая Рождества Богоматери, Благовещения и Софии Премудрости Божией, и две на столбах, с ликами и чудесами Чудотворца Николая и Преподобного Антония. Но в самом храме есть еще одна священная память Блаженного Римлянина: это его молитвенная келлия и над нею тесная церковь подобных ему подвижников Онуфрия и Петра Афонского; туда ведет крутая лестница в столпе, пристроенном к собору. Там по примеру древних столпников спасался чудный пришелец Римский и приносил ежедневно бескровную жертву. Привыкший к тесноте своего камня, на коем провел целый год и совершил таинственное плавание, он как бы боялся простора новой своей обители в земле Новгородской и добровольно заточил себя в каменном стане в ожидании еще теснейшего жилища, чрез которое взошел в небесные обители и там ходатайствует всем нам спасение своими молитвами.

Торжество Софийское

Какое торжество готовит древний Великий, ныне же умаленный Новгород, но тем не менее близкий русскому сердцу? Чьи священные кости хочет он поднять из их векового покоя? Какая рака, слитая вся из серебра, стоит под сению Святой Софии, во глубине одного из придельных ее алтарей? Кто сей нетленный усопший, чрез столько веков снова делающийся виновником торжества? Это ты, Святитель Никита, отшельник и выходец Печерский, седьмой из епископов, восседавших на кафедре Софийской, и первый из семи светильников, горящих донныне внутри храма нетлением мощей своих. Открой же нам чудные дела твои и труженическое житие, добрый пастырь, мирно почивающий посреди нас, как бы живой, дабы когда воздвигнутся мощи твои с их священного ложа и ты станешь опять предстательствовать нам в часы литургии с высоты твоего Горнего места, мы бы с умилением и духовною радостью поминали тебя, наставника нашего, который проповедывал нам слово Божие, и, взирая на кончину твоей жизни, подражали бы вере твоей. «Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки» (Евр. 13:7,9), по словам его божественного Апостола, и – какое утешительное ведение! – не только Господь, но и ученик его таков же пред нами днесь, каковым положен во гробе вчера, т. е. за семь столетий прежде. Такова его невечерняя слава!

Жизнь Святителя Никиты сокровенна была со Христом в Боге, по выражению того же Апостола. Он был из числа тех воинов, которые более заслуживают уважение, потому что не в полках исходят на брань, но подвизаются в единоборстве, и хотя Господь позволяет им иногда пасть, как и верховному своему Апостолу Петру, дабы не превозносились над другими, но потом опять их восставляет и творит непобедимыми. При самом начале Печерской обители одним из первых ее постриженников был сей преподобный Никита, и распаляемый чрезмерною ревностью, преждевременно пожелал затвора, вопреки опытному совету великого игумена Никона, преемника

Феодосиева. Испытание, постигшее затворника Исаакия, постигло и юношу Никиту: дух лести, по словам апостольским, принимающий на себя иногда образ Ангела светлого, обольстил неопытного в его затворе. Сперва послышался ему глас тайной молитвы некоего невидимо с ним молящегося, потом же запах благовонного кадила, как бы небесного фимиама. Возрадовался юноша и стал молить невидимого явиться ему разумно. «Не явлюсь тебе ради твоей юности, дабы ты не превознесся», – отвечал таинственный голос, сими хитрыми словами утверждая еще более затворника в его прелести. Когда же дал он обещание исполнять во всем волю искушителя, тогда явился он пред ним в виде Ангела, и поклонился ему обольщенный. «Теперь уже тебе не для чего молиться, ибо я стану за тебя возносить мольбы Богу, – сказал ему враг человеческий, – ты же только читай книги и подавай полезные советы приходящим к тебе». Поверил затворник, превознесшийся гордостью духовною и успокоенный тем, что за него молится Ангел, стал беседовать с приходящими из книг Св. Писания о пользе душевной, иногда и предсказывая будущее, ибо тот же дух лести предварял его о некоторых событиях, дабы укрепить его в своей неволе.

Горький пример того состояния, до которого может довести нас гордость духовная! И однако сколь многие из зараженных ею с улыбкою прочтут сии строки и с надменным состраданием к простоте писавшего. Ничто не льстит столько самолюбию человека, как внутреннее сознание его усовершенствования и духовного общения с миром невидимым, которое превозносит его над неудовлетворенными желаниями здешнего. Не так судили святые Божие человеки, достигавшие поистине откровений небесных. «Я земля в пепел», – говорит Авраам Богу. «Я недостойн нарещись Апостолом и первый из грешников!» – восклицает Апостол Павел, и когда у одного Палестинского аввы спрашивали, почему наиболее смиряются Святые, по мере своего усовершенствования, он отвечал: «Потому что они не смотрят на то, что оставляют позади себя, но на то лишь, что впереди них, и мелкая их правда кажется им ничтожною пред величием открывающейся им правды Божией».

Однажды затворник послал сказать Великому князю Изяславу: «Сегодня убит племянник твой Глеб Святославич в Заволоче; пошли скорее сына твоего Святополка на престол Новгорода», и чрез несколько дней точно пришла весть об убиении князя Глеба; посему и возросла слава затворника и все с большою верою притекали к нему за советами. Но вот что обличило наконец оболыщенного пророка: Никита, зная наизусть все книги ветхозаветные и непрестанно состязаясь о них, не мог ничего привести во свидетельство из книг Нового Завета, Евангельских и Апостольских, в которых то, что было только образом в Ветхом Завете, сделалось самою основою ко спасению нашему. Смутилась братия Печерская о такой злой прелести, и собрались к затворнику все просиявшие тогда в пещерах и на кафедрах святительских: игумен Никон и будущий его преемник Иоанн, довершитель собора лавры; Исая, Николай и Феоктист, бывшие потом епископами Ростова, Тмутаракани и Чернигова; прозорливые Матфей и Онисифор; два Григория – чудотворец и творец канонов; Пимен Постник и Агапит врач, Летописец Нестор и сам испытанный ту же прелесть Затворник Исаакий. Все они, почившие ныне нетленными телесами в пещерах Киевских, тогда же еще живой собор праведников, осиявших своими добродетелями едва возникшую лавру, соединились молитвенно в келлии затворника и отогнали от него темного духа. И что же? Когда вывели его из затвора и стали расспрашивать о Священном Писании, исцеленный ими не умел отвечать ни слова, ибо все его мнимое знание было в нем действием прелести.

Опять страшный и назидательный пример, который, по несчастю, и доныне часто повторяется пред нами! Сколько таких людей, которые, по внешности ведя жизнь неукоризненную и, по внутреннему убеждению, следуя учению отцов своих, приемлют с уважением все книги Св. Писания, Ветхого и Нового Заветов и вместе с тем нерассудительно отвергают предания Святых отцов, сохранивших нам невредимо сие сокровище. Если же вникнуть глубже в мудрования человеческие сего мнимо очищенного верования, то в них откроется явное отступление и от истин, заключающихся в

священных книг обоих Заветов. Не молился ли Никита? не имел ли и он ведения? не предсказывал ли будущее? И все сие не от чрезвычайной ли явности, и даже как будто бы с видимым смирением, ибо он думал предостеречь себя от лести дьявольской и сам говорил назидательные слова приходящим. Одной лишь добродетели не доставало затворнику – послушания; он не послушался своего игумена и впал в сети вражеские. Вот как важно послушание заповедям церковным и как далеко может увлечь нарушение оных! «Послушание паче поста и молитвы», – говорили богодухновенные Отцы, преемники Апостолов, а Господь сказал Апостолам: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас отвергается Меня и Отца,

Меня пославшего». Но прозревший затворник раскаялся и горькими слезами омыл свое заблуждение, как некогда Апостол Петр. Так ли изглаживают оное и те, которые подобно им падают, но не хотят восстать, ибо нет ничего тоньше и увлекательнее прелести духовной.

Очищенный молитвою Никита, сам был предназначен орудием спасения для других и по смерти Германа, епископа Новгородского, избран был на кафедру Софийскую, потому что в то время иноки Печерские, по святости своей жизни, преимущественно поставлялись на все святительские престолы просветившейся христианством Руси, и целый ряд таковых отшельников один за другим со славою правили делами церковными Новгорода. Святитель Никита имел утешение успокоить в своих пределах чудного пришельца Римского Антония, приплывшего к древней славянской столице, и сам прославился чудесами в тринадцатилетнее свое правление, оставив по себе благую память. Его молитвами испрошен был однажды дождь в губительную засуху, и в другой раз молитвенные слезы Пастыря угасили страшный пожар, свирепствовавший в Новгороде. В последний день января 1108 года отошел он от сей временной жизни в вечную, но оставил пастве сокровище мощей своих, которое открылось ей не ранее как чрез 450 лет и, что весьма замечательно, в самую смутную и тяжкую годину для Новгорода, когда после покорения

Иоаннова все ужасы грозного его внука уже висели над народом, обреченным его гневу, и должны были пострадать сами пастыри вместе с народом.

Тогда явился опять, как бы живой, посреди смятений паствы древний ее блюститель в утешение скорбящих, дабы видели они, что не отступает от них благословение Божие. Некто царев муж благочестивый, которому поручено было ведение дел церковных Великого Новгорода, внимая накануне Пасхи чтению Деяний Апостольских в храме Святой Софии, поскорбел духом о небрежении, в каком находилась гробница Святителя Никиты и, по таинственному внушению, поусердствовал сделать на нее богатый покров. Это возбудило в нем и другое ревностное желание – дознать, сохранились ли внутри гроба кости Святителя? Но сколь велико было его утешение, когда, провертев скважину в каменной раке и опустив в нее свечу, он увидел все тело его, ни в одном из членов не подвергшееся тлению. Это случилось в 1551 году, еще во дни правления архиепископа Феодосия, и в таком положении оставалась каменная рака и при его преемнике Серапионе. А между тем православные, движимые тем же усердием, приходили ежедневно смотреть сквозь отверстие на нетленные останки их древнего Пастыря и пламенно желали их открытия.

Наконец, новый архиепископ Новгорода Пимен, подвигнутый усердием граждан, донес о чудном явлении мощей Святителя Никиты Царю Иоанну и митрополиту Макарию, который сам долгое время занимал кафедру Софийскую и, с их разрешения, приступлено было к открытию раки. Пимен приготовил прежде новое полное облачение на нетленное тело своего древнего предместника и, подняв каменную крышу, в присутствии всего собора духовного обрел усопшего совершенно целым. Все черты лица сохранились под воздухом, их покрывавшим; правая рука лежала на персях, и персты ее были сложены для благословенья, а левая была простерта. Сама одежда святительская, фелонь и омофор, не только не истлели, но могли служить чрез столько столетий опять для священнодействий преемников усопшего в Бозе Пастыря. Молитвенно облекли его в новые ризы, чтобы сохранить как

святыню те, в коих был обретен и, подняв священное тело, поставили на одре посреди храма, где во все время всенощного бдения народ притекал к целебным мощам; они же сейчас явили силу свою, ибо до десяти человек, жен и мужей, сухих, слепых и расслабленных, получили здравие от прикосновения к нетленным останкам. Архиепископ поставил их потом с правой стороны главного алтаря Софийского, доколе не расширил придельной церкви Святых Богоотец Иоакима и Анны, где они прежде почивали, и тогда с честью перенес их на прежнее место. Впоследствии подвергся он гневу царскому, посреди страшного разоренья всего Великого Новгорода, и не более счастлив был его преемник Леонид, избранный и сокрушенный тем же Грозным Иоанном. Можно сказать, что в сию бурную эпоху Святитель Никита, как будто бы сам на себя принял радование о своей пастве, когда живые его преемники бедствовали на кафедре Софийской, и только загробное пасение стада было действительно и неприкосновенно.

Какой чудный для Новгорода был этот век, Антониев, Варлаамов и Святителей, подобных Никите, которым он положил начало. Исключая ближайшего его преемника, Иоанна, первого архиепископа, мужа, впрочем, весьма знаменитого и памятного для Церкви, целый ряд прославленных угодников Божиих восседал на кафедре Софийской во все течение двенадцатого столетия. Святитель Нифонт наследовал Иоанну и 26 лет был примирителем князей русских в их междоусобных бранях и защитником прав церковных. Преемник его Аркадий, также святой, был первым из новгородских, а не Печерских иноков, удостоен родной кафедры Софийской. Место его заступил другой Иоанн, величайший из святителей новгородских, который всегда пишется на иконах вместе с Никитою по сторонам Спаса, как ближайшие охранители Новгорода. По его молитве совершилось знамение от иконы Богоматери и спасен был город от осады Суздальской. Чудное житие его более других напечатлелось в сердцах новгородских, а нетленное его тело почивает в соборе Софийском, будучи столь же твердым ему оплотом, как и тело Святителя Никиты. Когда же после двадцатилетнего правления отошел в вечность,

он оставил достойного по себе преемника, брата Григория, причтенного также к лику Святых, который почивает в соборе под мощами своего великого брата Иоанна. Столь яркими чертами просиял весь XII век в церковной летописи Великого Новгорода.

Накануне дня, посвященного памяти обретения мощей святительских (30 апреля) уже началось предпразднство торжественною всенощною в соборе Софийском. Сколько раз ни проезжал я до того времени чрез Новгород, никогда не случалось мне присутствовать на каком-либо богослужении в Святой Софии, и потому с особенным желанием поспешил я в восьмивековой храм сей для праздничной всенощной. Вслед за ходом архиерейским взошел я в Корсунские врата, которые затворились за нами, и с невыразимою радостию увидел себя внезапно посреди величия наших церковных обрядов и древнейшей святыни нашей. Пастырь с жезлом в руках, окруженный своим клиром, идущий от Корсунских врат во глубину алтаря Софийского и потом опять исходящий из него, уже во славе церковной, на литию в паперть Корсунскую, – все это сильно действовало на воображение и располагало к молитве. Утешительно было слышать между именами Апостолов и Вселенских Учителей, призываемых в предстательство Церкви, имена собственно новгородских угодников, почивших в самом соборе или в окрестных обителях: Святителей Никиты, Нифонта, Иоанна, Феоктиста, Моисея, Евфимия, Ионы, Серапиона и Благоверных князей Владимира и матери его Анны, Мстислава, нареченного Георгием, двух братьев – Феодора и Александра Невского – и преподобных отцов: Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Александра Свирского, Михаила Клопского, Саввы Вишерского, Ефрема Перекопского, Арсения Новгородского, Иакова Боровичского и прочих новгородских чудотворцев, которые, казалось, были так близки и доступны призывающим их. Чувство благоговения умножалось пением божественных гимнов при той мысли, что уже восемь столетий оглашают они священные своды сего храма, устоявшего в буре стольких переворотов человеческих. Самое освещение его древних хоросов и паникадил,

возжженных пред местными иконами Спаса, Успения и Святой Софии, возбуждало в сердце неизъяснимое чувствою Кое-где из-за мрачных столбов таинственно мелькала какая-либо одинокая лампада от дальней иконы или от открытой раки мощей, которые, друг против друга, с обеих сторон поражали взоры стоявшего посреди храма. Сквозь широкие скважины Корсунских врат, уже не плотно смыкающихся от ветхости, веял ветер во всю длину собора, колебля огни лампад, и вечерний свет угасающего дня сливался с внутренним освещением векового храма.

Еще умильнее было то время священнодействия, когда епископ со всем своим клиром вышел для величания усопшего Святителя уже не на средину великой церкви, но в малый придел Святых Иоакима и Анны, к самому его гробу, и, окадив кругом все святилище, прочел над его нетленным ликом слова евангельские о Благом Пастыре. Из алтаря Софийского можно было в глубокой тишине наслаждаться сим великолепным зрелищем и слышать каждое слово гимнов и молитв. Когда же пред окончанием всенощной певчие возгласили с высоты хоров «славу в вышних Богу», это ангельское славословие глубоко потрясло душу под сению Святой Софии. А другой победный гимн, Взбранной Воеводе, напомнил времена Оскольда и Дира, отседе исшедших во мрак язычества и возвратившихся на родину уже со светом веры Христовой.

На следующее утро раздался звук не вечевого, но Софийского колокола, и дрогнули сердца новгородские, по выражению нашего славного историографа. Народ устремился с Торговой и Софийской стороны на площадь Кремлевскую и наполнил ее, как бы во дни славы Великого Новгорода. Многочисленное духовенство сорока городских церквей и четырнадцати окрестных обителей, одно уцелевшее от прежнего величия древней столицы славянской, стеклось в Святую Софию, как некогда по зову великих Святителей, Иоаннов и Евфимиев. И действительно, здесь звал его мощным гласом своей святыни старейший из всех Владык новгородских, Святитель Никита, готовый опять восстать посреди своей паствы. Встрепенулся, ожил опять старый Новгород в лице

своего духовного собора, просиял золотом его облачений, прикрывших обычное его убожество. Он, который всегда представляется мимоидущему по его пустырям мертвым полем с рассеянными на нем белыми остовами храмов, вдруг проявил в себе новую жизнь: что казалось остовом – закипело жизнью, как будто сбылось над ним чудное видение Пророка Иезекииля, и глас Господа Адонаи пробудил давно усопших, и собор многих, великий стал на ногах своих, устремился в Святую Софию и исполнил ее прежнюю славою!

О, как трогательна и высока была эта минута, когда пред началом литургии епископ со всем своим клиром, облаченный сам в семисотлетние ризы Святителя Никиты, в которых был он обретен, подошел к его раке и, склонившись к Святым мощам, чтобы поднять их соборно, возгласил в лицо усопшему: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Все прослезилось, и вот, пред глазами всех по сему мощному зову, проникающему гробы, совершилось нечто, напоминавшее восстание Лазаря – «и изыде умерый, обвитый по рукам и по ногам пеленами, и лице его обвязано было платком» (Ин. 11:44). Из глубины раки, руками архимандритов, стал подыматься усопший Святитель, облеченный в священные ризы, с лицом, покрытым пеленою, и так был он положен на верхнюю крышу своей древней раки для хода кругом церкви. Молитвенники, стекшиеся отовсюду для сего зрелища, в священном ужасе пали на колени, когда при пении гимнов и свете светильников в дыме фимиама понесли над их головами из придела Богоотцев чрез весь собор во врата Корсунские нетленно почившего, воздвигшегося опять между ними, чтобы осенить собою паству и свой Великий Новгород!

Много высокого видел я на священных торжествах православной родины, но ничего подобного не видел. Это шествие семисотлетнего усопшего кругом собора и стремление к нему живых было чрезвычайно поразительно. Само поприще благоприятствовало величию зрелища: Святая София и зубчатый Кремль вокруг, со своими обвалившимися башнями. Я вышел южными воротами собора на Софийскую площадь, исполненную народом, при гуле всех колоколов Новгорода, и

вот, из-под арки Архиепископских палат стало показываться шествие. Вслед за хоругвями потянулся бесконечный ряд клириков со свечами в руках, потом диаконы и священники с кадилами и древними иконами собора, наконец, под багряною сению с богатым покровом священное тело Святителя Никиты, высоко поддерживаемое десятью архимандритами, игуменами и строителями обителей новгородских. Во главе шел викарный епископ Новгорода, и убогая его одежда привлекала общее внимание посреди роскоши облачений, ибо сия одежда принадлежала Святителю Никите, 190 лет была с ним под землею и уже 300 лет сохраняется в ризнице Софийской, ничем не поврежденная. Самый покров ее свидетельствовал о ее древности, ибо это не нынешний сакос архиерейский, царская утварь, которая от патриархов цареградских перешла постепенно ко всем епископам, но простая священническая фелонь, коричневого штофа с зелеными окраинами и поверх нее белый омофор – собственно отличие епископского сана – с темными крестами.

Против южных дверей собора остановилось шествие для краткой литии. Толпы народа, пользуясь сим мгновением, устремились к мощам, чтобы по древнему православному обычаю пройти под ними, как бы под благословение самого Святителя. Движение было так сильно, что заколебалась верхняя сень и настоятели обителей, державшие доску раки, на коей лежали св. мощи, с трудом могли удержать свою священную ношу. Хотели остановить стремление народа к святыне, но благочестивый епископ Леонид, хотя сам более других страдал от напора толпы, приказал всех допускать, чтобы никто не лишился утешения духовного. Это был Новгород XIV века во всей своей славе и многолюдстве, а пять его концов как будто сошлись еще раз к своему Софийскому центру. Тронулось шествие и опять остановилось во главе храма, против алтаря, и еще однажды у северных дверей, где прочтено было Евангелие о Благом Пастыре, олицетворенном в лике усопшего, ибо во все время хода совершался молебен Святителю Никите. При чтении Евангелия могла, наконец, подойти под сень мощей сама виновница торжества, графиня

Анна Чесменская, которая устроила для них великолепную раку и доставила всему Новгороду утешение видеть опять Святителя вне гроба и участвовать в торжестве. С уважением расступился народ, чтобы дать ей место, и приятно было видеть такое изъятие благодарности народной.

Корсунскими вратами внесли в собор сокровище мощей и поставили их в алтаре, на Горнем месте, где столько раз председательствовал епископ Никита. Сквозь тройное окно солнце яркими лучами осветило почившего под драгоценными покрывами Святителя. Шесть священников, диаконов и клириков, стали по сторонам его на священной страже. Началось богослужение, и когда священнодействовавший вступил торжественно со всем своим клиром в алтарь и стал для слушания Апостола и Евангелия на Горнем месте подле своего усопшего предместника, умирительно было смотреть на это зрелище и в сию высокую минуту окинуть взором сверху донизу весь алтарь Софийский. В самом верхе Господь Славы, носимый на Херувимах и поклоняемый небесными Силами; несколько пониже Господь Иисус Христос, в образе вечного Архиерея с Пречистою своею Материю и Предтечею по сторонам его и с ликами Праотцев, Пророков, Апостолов и Святителей, ему молящихся. Еще ниже, позади престола, нетленный Святитель Никита на своем Горнем месте и вокруг него освященный собор служителей Церкви, от епископа и архимандритов до дьяконов и клириков, в тех же самых облачениях, в каких написаны были над ними уже прославленные члены торжествующей Церкви. И кто же первенствует между ними, как бы еще сам принадлежащий воинствующей Церкви? Это ты, Святитель Никита, в одно и то же время присутствующий в обеих видимо и соединяющей их нетленными своими мощами! О какая утешительная близость мира горнего к дольнему!

По окончании литургии мощи Святителя подняты были с таким же торжеством с Горнего места и сквозь царские врата отнесены в Артельную церковь Богоотец Иоакима и Анны, где уже на месте прежней убогой раки стояла новая, изваянная искусным художником с ликом усопшего на ее крышке и с

изображением его подвигов по обеим сторонам. В нее опустили нетленное тело, и епископ возгласил особенную молитву угоднику Божию, призывая покровительство его и благословение на всю паству новгородскую, вверенную его заступлению. Так окончилось торжество духовное. Гостеприимная трапеза ожидала всех священнослужителей, высших и низших, все духовенство Новгорода и окрестных обитателей и всех почетных гостей в обширных палатах Архиепископских, где уже давно не бывало такого многолюдного собрания.

На следующее утро другое торжество представилось взорам, в том же соборе Софийском и вокруг древнего Кремля Новгородского по случаю праздника Преполовления. Опять епископ совершил литургию в соборе и вышел крестным ходом на Иордань к Волхову, предшествуемый хоругвями и крестами и всею древнею святынею Новгорода. Подвиглась и чудотворная икона Знамения, неотступная от осеняемого ею народа во всех празднествах церковных. Менее торжествен был ход нежели предыдущий, но так же много говорил сердцу, особенно когда мимо моста, усеянного народом, под навесом разбитых стен Кремля стал спускаться к бурному Волхову, покрытому судами, и все духовенство при веянии хоругвей обступило Иордань. Она была устроена против древних Водяных ворот, которыми обыкновенно выходили на воду, ныне закладенных; над ними еще сохранилась древняя, весьма замечательная икона Происхождение Честных Древ и Всемиловитого Спаса с изображением Евангелия, которое читается обыкновенно при освящении вод. Внизу представлена весьма хорошою византийскою кистию купель Овчая в Иерусалиме с чающими вокруг нее движения воды при явлении Ангела, а над купелью самые Ангелы, высоко воздвизающие Крест для возмущения воды. Какая глубокая и вместе богословская мысль, что таинственною причиною целебности сей купели было то же животворящее знамение Креста, которое долженствовало спасти мир. Святители Новгородские стоят по обеим сторонам Ангела, как имеющие повторять над водами его предобразовательное действие, а поверх их сам Виновник

исцелений, Всемиловитый Спас, окруженный молитвенными ликами своей Пречистой Матери, Предтечи и Святых, содействующих на небесах молитвам, воссылаемым от земли. И эта чудная икона не только совершенно забыта и неизвестна, но даже вскоре сотрется, если не обратят на нее внимания, потому что она писана на стене, которой камни уже осыпаются. Так постепенно исчезают у нас священные памятники древности церковной!

Утешительно было слышать при погружении Честного Креста в воды Волхова и при гуле всех колоколов Софийских праздничный тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое». Еще умильнее был тропарь Преполовления, который так много говорит сердцу: «Преполовившуся празднику жаждущую мою душу благочестия напой водами, яко всем, Спасе, возопил еси: жаждай да грядет ко Мне и да пьет. Источнике жизни нашея, Христе Боже, Слава Тебе».

Воздвизальный Крест, которым осенял епископ, был один из древнейших собора Софийского, с частицами Животворящего Древа и многих мощей; Владыки Новгородские всегда употребляли его во дни своего служения. От Иордани крестный ход потянулся к северу, кругом Кремлевской стены, огибающей собор, и остановился для литии, против часовни Святителя Николая, сооруженной над древними воротами Владимирскими. Далее он взошел в новый сад, насаженный по крепостному валу и рву. Живописно для глаз было видеть его движение между деревьев, по излучистым дорожкам и все пространство сада кругом стены, наполненное толпами усердствующего народа. Нельзя было идти кругом всего Кремля, ибо стены местами угрожают падением и нет вокруг них дороги, но там, где кончился сад около большой дороги, крестный ход взошел опять во врата Кремлевские, противоположные тем, из коих выходят к Волхову, и на площади против собора совершилась опять лития. Народ с усердием бросался под икону Знамения, и Святитель торжественно проводил ее опять до часовни Чудотворного Креста, на Волховской мост, который был искони свидетелем событий церковных и гражданских Великого

Новгорода. Так окончилось для меня торжество Софийское, в течение трех дней потрясавшее душу мою величием воспоминаний.

Киев

Черная туча преследовала меня по густому лесу от селения Броваров до самого Киева; шире и шире расходились ее тяжелые крылья, доколе не охватили весь небосклон; в полночь она разразилась. Глухие раскаты грома и дальних молний сосредоточились наконец в одну страшную грозу, какой давно я не видал на Севере. Несколько минут небо казалось отверстым и стрелами сыпались из него молнии, дико озаряя окрестность. Я вспомнил Последний день Помпеи, и поверил природою дивную кисть вдохновенного художника; он разгадал бурю и одною из ее молний написал свою картину. Далеко впереди блеснула внезапно золотая глава колокольни Печерской, как некое светило этой чудной ночи. От времени до времени зажигался предо мною ее путеводительный фарос, увенчанный спасительным знаменiem креста. Не так ли внезапно воссияет он в день пришествия Сына Человеческого, которое будет, по словам Евангельским, так же, как молния, исходящая от Востока и блистающая до Запада?

На выезде из чащи леса моему взору представилась дивная картина: мгновенно озарилась вся обширная лавра, со своими белыми церквами и оградой, раскинутыми по горам; вдруг запылали все кресты ее седмиглавого собора и других отдельных куполов, и над ними встал из мрака в огненном венце своем белый столп колокольни, как некий царственный призрак, повелевающий стихиям, ибо казалось, с его чела струилась повсюду молния, и от глухого стона его колоколов, вторивших ветрам, истекали страшные раскаты грома по всему небу. Шумел и широкий Днепр, тяжким колебанием отзываясь на знакомый голос Суры. Сердитые волны с ревом набегали на длинный мост его, ходивший, как бесприютный путник во влажной стихии; они грызли его утлое дерево, белую пеною обозначая непрочную стезю сию на темноте вод. Но идущему по ней в промежутке молний, когда все погружалось опять из ослепительного света в столь же ослепительный мрак и ни одной путеводной звезды не блистало на целом небе,— одна

лишь, более отрадная, приветливо сияла от горы Киевской; это была мирная лампада, теплившаяся над самым Днепром, при входе Дальних пещер Феодосиевых, и взор, утомленный блеском молний, искал отдохнуть при тихом мерцании сей лампы, которую молитвенно возжгли святые отшельники в их безмятежной пристани за много веков и еще на много столетий. На правом берегу Днепра южная природа дохнула мне сквозь бурю роскошным запахом своих тополей и лип, разросшихся по оврагам в их дикой свободе. А с горной вершины, как белые волны широкого потока, устремилось мне навстречу огромное стадо тучных питомцев Украины; их конный вожатый с трудом прочищал дорогу длинным своим шестом, и живописна была в глубоком ущелии и в бурную ночь сия дикая картина. Я продвигался медленно по скользким оврагам, и вот зашумел ливень, повсюду заструились воды и буря разыгралась во всей ее силе; едва-едва можно было достигнуть в темноте высокой площади Печерской. Было два часа по полуночи; при шуме непогоды внезапно раздался из лавры тихий утренний благовест, призывающий к молитве обуреваемых.

Утомленный ночью дорогою, не мог я воспользоваться молитвенным зовом, но еще до поздней литургии я стоял уже у гроба Преподобного основателя лавры, и при чтении акафиста спустилась предо мною чудотворная икона Богоматери, дивный дар ее Святым отшельникам Антонию и Феодосию. Благосклонно принял меня наместник лавры в отсутствие Владыки Киевского, который любит посвящать безмолвию пустынному часу, свободные от пастырских забот; но я отложил посещение святыни Печерской до его возвращения и воспользовался сим временем, чтобы устроить себе малый приют в остатках сгоревшего дворца Императрицы Елизаветы, который обращен теперь в заведение искусственных вод. Роскошный сад столетних тополей и лип, раскинутый по глубоким оврагам к Старому Киеву и над крутым берегом Днепра, примыкает к убогому зданию, заменявшему царские палаты дочери Петровой; и в отрадной тени сего сада, посреди очаровательных видов и живописной природы Киева, мало заботился я о недостатках своего помещения.

Поздний вечер и раннее утро одинаково влекли меня на крутой обрыв реки, где устроена легкая сень для утомленных народным гульбищем или для сладкого забвения ищущих уединиться в мыслях о былом. Оттоле во всем великолепии святыни открывался старый Киев на горах своих, и у ног его кипящий жизнью Подол, и все Заднепровье. Вставала ль багровая луна, как древний щит Олега и Святослава, из-за лесистых дебрей, столько раз оглашавшихся звуком их ловлей – я уже был тут и любовался, как огненным столпом отражался месяц в темных водах и как боевой Днепр, будто почуяв зов древних своих витязей, весь облекался серебристою броней, ждал опять ладий варяжских, чтобы нести их к Царьграду; но вместо сих боевых ладий одни только убогие челноки рыбаков мелькали там и здесь по широкому пространству вод. Подымался ли золотой круг солнца, как светлый венец Владимира, снимая с гор Киевских румяную пелену туманов, – опять я тут, в прохладе утра, и взор мой жадно обнимал всю очаровательную окрестность, от могилы Оскольдовой до могилы Олеговой и дальнего села Ольги, доколе ранний благовест всех церквей и обителей Старого Киева и Подола не вызывал меня из созерцания минувшего. Еще мало было жизни в сей безмятежной природе; кое-где только по зеленому обрыву утесов несколько коз и овец щипали росистую траву, и высоко реяли надо мной быстрые птицы в прозрачной синеве неба, а глубоко подо мною, на столь же ясной лазури Днепра, чернелись как птицы легкие челноки рыбаков.

Но жаждущему былого часы вечера отраднее часов утра. Он спит тогда, древний Киев, облеченный месяцем в призрак своего минувшего величия! Ярко сияют кресты на златоверхих главах Михайловских и на обновленной церкви Десятинной. Храм Первозванного высоко стоит на отдельном холме своем, издали как бы светлый образ самого Апостола, благословляющего начало Руси на горах Киевских. Огни горят на дальнем Подоле, расширяя его в полусвете месяца; огни горят и на пустынных островах Днепра, связуя все в одно обширное целое. Так он спит, древний Киев, доколе не разоблачит его утреннее солнце. Но подле него не дремлет

другой старец, давний друг его Днепр. Как некий вещий Баян при дворе великокняжеском напевает он в слух князя Киева упоительную песнь о славных днях его юности: как цвели в теремах его девы красивые, княжны русские; как бились в битвах доблестные сыны его, князя всея Руси; и как молились за них его смиренные иноки в своих дремучих лесах и вертепах! Много волн на Днепре, что ни волна – то струна серебристая; вся река как орган Русской славы! Но вот иная песнь несется по водам. О чем поешь ты, мирный рыбак, на утлом своем челноке? – Про буйные две Готманщины, как резались Ляхи с ватагой казаков и с крымцами билась Сеча, а там по степям гайдамаки ходили! Какие две раздвинутые веками эпохи сливаются здесь в один голос рыбака и реки! Какой хаос событий и воспоминаний под одним серебристым покровом лунной ночи, в виду твоих древних святилищ, о Киев!

Ближние и Дальние пещеры

Как только узнал я о возвращении Владыки Киевского из его любимой пустыни, я поспешил в лавру и застал его там во время всенощной. «Мы увиделись с тобою в час молитвы, – сказал он мне с обычным своим радушием, – Бог да благословит приход твой. Дослушай, однако, конец Божественной службы. Посмотри, у нас есть где помолиться», – и отворив малую дверь в алтарь домово́й церкви, а с другой стороны окно своей молитвенной храмины, он указал мне на Ближние и Дальние пещеры. Я взглянул в окно и уже не мог отвести взор от очаровательной картины, которая раскрылась предо мною: позлащенные главы двух отдельных обителей, над Ближними и Дальними пещерами живописно возникали из густой зелени плодоносных деревьев, разросшихся по глубокой дебри, которая лежит между обеих пещер Антония и Феодосия; а за нею широко расстился синий Днепр со своим зыблющимся мостом и дремучими лесами противоположного берега, ярко освещенный лучами вечеряющего дня. Казалось, митрополит утешался моим восхищением, и когда чрез несколько минут окончилась всенощная, он опять подошел к окну и сказал:

«Сколько бы ты ни смотрел на это чудное зрелище, нельзя довольно насытить им своих глаз, потому что Святые угодники, почивающие под сею горою, в недрах пещерных, невольно влекут к себе око внешнее и духовное. Если же так тебе нравится Киев с его святынею, подумай, каково должно быть Царство Небесное!» И помолчав немного при сей благоговейной мысли, он продолжал: «Я слышал, что ты хочешь сделать описание Киева. Но испросил ли ты на это благословенье Преподобных Печерских? А без него не думай и начинать. Завтра пойдем вместе в пещеры, я сам хочу ввести тебя в жилище сих земных ангелов и небесных человеков. С ними отраднее жить, нежели с нами, бедными людьми. После всякой молитвенной беседы с ликом сих праведников невольно водворяется мир душевный. Меж них, кажется, провел бы всю

жизнь и не заметил бы, как переступил в вечность». Владыка отпустил меня с благословением.

На другой день, рано утром я уже был опять в его келлиях и последовал за ним в Ближние пещеры уединенною стезею, через плодоносные сады лавры. «Какая тишина и вместе какая природа! – говорил мой дорогой Владыка. – Есть ли что-либо подобное на Севере? Здесь я часто хожу в пещеры и никто не ведает моего жительствова в лавре. Меня редко видят на дворе монастырском, разве кто встретится на пути к Преподобным». Когда мы вышли из южных ворот лавры то, минуя обычный крытый ход в пещеры, стали к ним спускаться через другой, нижний сад обители. Преосвященный остановил меня и сказал: «С благоговением ступай на сию священную землю! Ты идешь по тому холму, под которым почивают столько угодников Божиих в основанных ими келлиях. Это молитвенный холм самого преподобного Антония; он там и поныне со своими духовными чадами!» Невольным трепетом проникнуто было сердце при таком напоминании Святителя. У алтарного входа в церковь Воздвижения Честного Креста, устроенную над пещерами, игумен с братиею сих Ближних пещер ожидали Владыку и подали нам возжженные свечи. В благоговейном молчании стали мы спускаться в тесное устье подземелья, так что каждый наш шаг отзывался под его низкими сводами. Путеводная свеча игумена впереди нас озаряла извилистые переходы пещер, и при первом их крутом повороте издали блеснула лампада, отраженная серебряною ризою оковы в гробовой доске. «Это гроб преподобного Антония, место его подвига при жизни и покоя по смерти», – сказал мне Владыка и продолжал идти к сему безбурному пристанищу великого подвижника. С умилением простерся он пред его гробом, и трогательно было видеть во глубине пещеры набожное поклонение, воздаваемое через восемь столетий отцу иночествующих блюстителем ископанной им обители.

В то же мгновение раздалось из прилежащей подземной церкви славословие Пресвятой Троицы, благословение Царства Отца и Сына и Святого Духа, которое проповедывал Антоний даже в недрах земли. Божественная литургия началась в малом

храме, ископанном во имя его подражателями его подвигов: двое из них лежат в открытых раках, по обеим сторонам, как бы на страже подземного святилища: Постник Иоанн и Прохор, прозванный Лебедником от травы, которою единственно питался и прокормил народ в голодную годину. С такими двумя блаженными молитвенниками внутри храма, имея блюстителем самого великого отца их в преддверии, удостоился я слышать сию первую Божественную службу в пещерах Антониевых, и она глубоко впечатлелась в мое сердце. Я переносился мысленно в первые века Христианства, в усыпальницы мучеников, в подземные их приюты, где свечи и ладан были точно необходимостью Богослужения. Под спудом общей матери земли, при нетлении тел Преподобных, исчезало расстояние веков; ибо усопшие казались современниками тех, которые в свою черду воспевали хвалы Господу, как бы недавно взлетавшие здесь из их собственных уст.

Когда окончилась литургия, митрополит при выходе из церкви поклонился опять гробу Преподобного Антония и, указав мне его тесную келлию с каменным ложем, сказал: «Много было великих подвижников в сих пещерах, которые внезапно из вертепа варяжского сделались мысленным небом стольких земных ангелов; но из сонма всех их – вот величайший, ибо от него пролилось благословение Святой горы Афонской по всей России. Долго созревало в ней спасительное семя, посеянное еще апостолом Андреем на горах Киевских, но за то вдруг и процвело. Особенно обильны были плоды его здесь, потому что из сих пещер просияли святители, проповедники и мученики за веру, а наипаче теплые молитвенники; они и доныне здесь лежат, как непоколебимое основание земного отечества нашего и наши вожатые к небесному. Началом же всему послужил сей преподобный Антоний: такая чрезвычайная благодать дана была ему от Господа! Он же, по смирению своему, не хотел даже и священства; в любви своей к безмолвию поревновал он соименному отцу иноков египетских и, подобно ему, уединялся все более и более, избегая всякой молвы. И что же называл он молвою? – Тихое общество первых двенадцати отшельников, собравшихся в его Дальние пещеры! Ради них оставил, однако,

любитель безмолвия первый приют свой, где провел сорок лет на молитве, чтобы не нарушалась беседа его с единым Богом; здесь, в этом холме, ископал он себе новую келлию и довершил в ней чрез двенадцать лет подвиг ангельской жизни. То же неизменное удаление от мира обнаружил преподобный Антоний и после блаженной кончины сокрытием святых мощей своих. Ты увидишь в Ближних и Дальних пещерах почти всех учеников, собравшихся под крыло своего Блаженного учителя. Только его нетленных мощей не видно между столькими угодниками, открыто почившими в ископанных им вертепах, и когда однажды благочестие некоторых ревнителей его памяти хотело коснуться гроба Антониева, внезапно изшедшее от него пламя удержало их от нарушения таинственной воли усопшего. Посмотри, каким небесным спокойствием сияет лик его!»

С благоговением приблизился я ко гробу Преподобного. На серебряной раке изображен был почивающий угодник; над нею стояла его икона, точно с выражением ангельским в кротких чертах; одинокая лампада освещала по сторонам еще две иконы, где уже Антоний, один или со своим блаженным сотрудником Феодосием, молитвенно стоял пред лицом Пречистой Девы, Заступницы их лавры. Темная, тесная келлия Преподобного украшена была такими же иконами над его каменным ложем, которое не отличалось ничем от его гроба, ибо всякую ночь готовился он уснуть на веки последним сном. «Здесь отдых его временный, а здесь вечный!» – сказал Владыка, показывая, сквозь растворенные двери келлии на каменное ложе и на стоявшую пред нами гробницу. Из глубины келлии послышалось церковное пение, как бы неумолкаемая молитва Святых. Я стал прислушиваться к таинственным голосам; Владыка разрешил мое недоумение: «Еще продолжается литургия в другой подземной церкви, преподобного Варлаама, которая примыкает к келлии Святого. Там почивают и мощи сего первого игумена Дальних пещер, постриженного Антонием из именитых бояр Киевских. Много принял он гонений от Великого князя Изяслава, за него и за другого инок Ефрема, скопца княжеского, но все устроилось на пользу душевную обоих. Взятые отселе, один на игуменство

обители Святого Димитрия, а другой на кафедру святительскую в Переяславль, они не хотели однако нигде успокоиться, кроме как в пещерах, где начался их подвиг иночества. Мы поклонимся святым мощам их в двух иных церквах сего подземелья. Теперь пойдем далее».

Митрополит взял опять свечу из рук игумена Ближних пещер, который пошел впереди нас с пучком зажженных свечей, озаряя темные изгибы низких сводов. Он останавливался перед каждою ракою, молитвенно называя почившего в ней угодника, и с благоговением преклонялся Владыка, целуя нетленные останки. При гробе некоторых, более известных, Преосвященный говорил мне несколько назидательных слов об их житии. Идущим от гроба Преподобного Антония первой представляется Иулиания, княжна Ольшанская, уже в позднейшие века обретенная под Великою церковию лавры и поставленная в пещерах на место Святителя Михаила, первого Митрополита Киевского, когда он был перенесен в соборную церковь Успения. Потом два мученика, Василий и Феодор, связанные союзом духовной дружбы во время жизни и навеки соединенные смертию в одном гробе. Корыстолюбие жестокого князя Мстислава, сына Святополкова, было виною их страдальческой кончины. Обольщенный лукавым, который не терпел добродетели Святых, Мстислав стал требовать от них сокровищ варяжских, будто бы открытых ими в пещерах, и даже своеручно поразил стрелою Василия; стрела сия была впоследствии орудием собственной его смерти. Оба мученика скончались в темнице от многих истязаний.

«Читал ли ты Патерик Печерский? – спросил меня Владыка, остановившись у последующей раки. – А если и читал, то советую тебе вновь перечитать, чтобы изучить жития великих угодников, мимо коих проходим скоро, хотя каждый из них мог бы нас многому научить. Вот один из трех писателей назидательного Патерика сего, Поликарп, первый священноархимандрит Печерской лавры, который соревновал преподобному Нестору в столь благословенном труде. Через него знало и позднее потомство великие подвиги смиренно почивающих с ним отшельников. Подле священноархимандрита

покоится пресвитер, Дамиан Целебник, постриженник преподобного Феодосия, которому он был столько предан, что единого только просил от Господа – не разлучаться с ним и в будущей жизни, и в час смертный Ангел в образе Преподобного уверял умирающего, что исполнится его пламенное желание».

Опять послышалось пение; небесные звуки раздавались под землею: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молимти ся, Боже наш...» Страшные Животворящие Тайны Христовы совершались во мраке алтаря пещерного. Мы стояли в устье малого вертепа, иссеченного для церкви Преподобного Варлаама. Она была наполнена народом, так что с трудом мог я проникнуть сквозь толпу к мощам Преподобного. Тускло горели лампы и свечи пред позлащенным иконостасом от спертого дыхания, но усердна была молитва богомольцев от всех краев широкой Руси, сошедшихся в сей подземный приют отшельников, которые просветили ее верою. Хотелось бы дослушать и сию вторую литургию в недрах земли, но надобно было продолжать подземное странствие, чтобы избежать толпы народной.

Мы повернули сперва налево, в тесный переход, чтобы поклониться четверем угодникам: Никодиму просфорнику Печерскому, тридцать лет подвизавшемуся в сем благочестивом труде; затворникам Лаврентию и Афанасию, который воскрес после двухдневной смерти и, научив братию трем вещам: послушанию, покаянию и молитве, сам заключился еще на двенадцать лет; и Еразму, заслужившему себе спасение душевное вольным пожертвованием всего своего имущества храму Божией Матери. Потом мы пошли обратно мимо того же устья церковного ко гробу Луки, эконома Печерского, и снова послышалось нам дальнее пение из церкви.—Уже Тайны Божественные совершились и воспевалась похвальная песнь, ублажавшая Пречистую Матерь закланного на престоле Агнца: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим...» Звуки сии, едва слышимые вдали, следовали за нами в пещерах, как отголосок райской песни, достигавший в слух земли.

Недалеко от церкви, в малом углублении, почивают четыре отшельника: Агапит, врач безмездный, всех исцелявший молитвою, который начал свой христолюбивый подвиг еще при Антонии и восставил, заочным словом со смертного одра самого великого Мономаха; два брата Иоанн и Феофил, из коих первый по гласу святого гробокопателя Марка подвигся уже мертвый на своем могильном одре, чтобы уступить почетное место старшему брату, а тронутый сим послушанием Феофил провел остаток дней своих в неиссякаемых слезах; здесь и священномученик Кукша, просветивший словом Евангельским всю Вятскую страну и там умерщвленный стрелами диких. Кто исчислит имена ваши и деяния, Святые Печерские, открыто или в затворе почившие по сторонам тесного перехода? Здесь Нектарий и Алексей Затворник, Григорий Иконописец, Сергей Послушливый и Савва. И Святой Меркурий, епископ Смоленский, прославленный чудесами на своей родине, пришел упокоиться в мирный вертеп наш; святительская мантия над каменною плитою свидетельствует о месте его погребения.

«Что изображает икона сия над ракою одного из Преподобных?» – спросил я Владыку, и он отвечал мне: «Это ангельское пострижение Пимена Многоболезненного. Больным родился он на свет, больным и вырос, но зато болезнь телесная не дала в нем места душевной. Пламенно желал он иночества, но родители ему долго в том препятствовали, доколе сами не были вынуждены принести его в обитель, дабы там исцелился молитвами; но вместо исцеления, которого не желал сам болящий, Ангелы пришли к нему ночью в виде игумена с братиею и постригли его в иноческий образ. Они нарекли его Пименом и предсказали долгую болезнь, до смертного часа. Игумен, уразумев таинственное пострижение, не смел повторить оно. Пимен, исцеляя других, сам еще двадцать лет пролежал на одре болезни, и только тогда как пришли за душою его постригавшие Ангелы, встал исцеленным и обошел все келлии, чтобы проститься с братиею. Будешь ли теперь помнить, что изображает сия святая икона? Вот, недалеко от Пимена Многоболезненного Преподобный Нестор, которого вы особенно чтите в мире, как именитого летописца; мы же здесь

еще ублажаем его и как великого подвижника нашей лавры, сотрудника Антониева и Феодосиева, ибо он с юного возраста посвятил себя Богу в сих пещерах и сперва сохранил заповеди Христовы на самом деле, а потом соблюл дела святых своих сожителей словом истины. Общество любителей истории оковало серебром его раку».

Рядом с Летописцем мученик Евстратий, не им, однако, описанный. Он взят был в плен половцами при разорении лавры ханом поляком и продан с другими пятьюдесятью иноками Печерскими корсунскому еврею. Евстратий поддержал их всех в истинной вере и сам сподобился крестной смерти в самый день Пасхи за исповедание имени Господа Иисуса Христа, пред своим жестоким мучителем. Образ его страдания поставлен над его ракою. Далее два затворника, закладенные в своих келлиях, которые послужили им и гробом: Элладий и Иеремия Прозорливый, обличавший сокровенные помыслы братии. Еще далее два мученика, вольный и невольный, друг против друга: Моисей, родом Угрин, любимый отрок Святого страсотерпца князя Бориса, избежал мученической смерти господина своего, но, отведенный в плен Королем Болеславом, подвергся там жесточайшим истязаниям от некоей именитой жены польской за любовь свою к целомудрию. Подобно Иосифу, преодолел он все искушения и после пятилетней муки укрылся в пещеры к Преподобному Антонию, где довершил подвиг святой жизни, сохранив по смерти благодатный дар— укреплять в целомудрии притекающих к его нетленным мощам. Против него вкопал себя в землю по самые перси иной ревнитель той же добродетели, Иоанн Многострадальный. Палимый несчастною страстию, услышал он над гробом преподобного Антония тайный голос, что обретет себе избавление при мощах неведомого ему Угрины, и, движимый верою, ископал себе глубокую яму пред его ракою. Там засыпал себя землею, сперва на дни Великого поста, а потом и на всю жизнь, и уже опаляемый не страстию, но страшным призраком дьявольским пребыл тверд в своем ужасном подвиге и даже исцелил от той же страсти притекшего к нему брата костию от Преподобного Моисея. Честная глава его и крестообразно сложенные руки,

повитые пеленами, доселе выходят из-под земля, как некий таинственный столп, во утверждение веры и чистоты.

Владыка с благоговением остановился пред сим изумительным страдальцем, которого подвиг невольно поразит и остановит каждого идущего мимо, путем гробового покоя стольких Святых Божиих. Он снял с главы Иоанна малую шапочку и надел ее на меня, говоря мне с теплым чувством искренней веры: «Скажи мне, видел ли ты где-либо что-либо сему подобное? Вот подвиг, которому чуждо должно быть пытливое «каков? почто?», внушаемое сознанием человеческой немощи пред сим образцом силы Божией. Молись только и прославляй Бога за его угодников!»

Я наклонился в малую пещеру, где стоял Преподобный, чтобы поцеловать многострадальную главу его, и едва поднялся от земли, как опять услышал голос Владыки: «Вот еще два великих подвижника, разные по рождению, соединенные здесь смертью: Марку Пещернику, повиновались мертвые, ибо для них трудился Преподобный всю свою жизнь, искапывая гробы усопшей братии; а Никола Святоша, был сын князя Черниговского и правнук великого Ярослава. Видишь ли, как в каждом состоянии весть Господь избранных своих, ибо всем хочет спастися и в познание истины приити. Князь Никола чуждался своего высокого сана, принимал на себя самые трудные послушания монастырские, был долго вратарем Святой лавры и после тридцатилетних подвигов преселился в вечное царствие в сих пещерах; но и Господь прославил его чудесами».

Подле князя-инока покоился другой инок Печерский, утопленный в Днепре его родственником, князем Ростиславом, за то, что предсказал ему поражение от половцев. Но чудотворец Григорий, так названный по своим знамениям, явил чудо и по смерти, ибо связанное тело его обретено было не под водою, но в собственной его келлии, а пророчество Святого сбылось над убийцею. Мы шли далее по длинному переходу, где только два затворника представились нам на пути, заключенные в своих келлиях: Максим и Матфей Прозорливый, и уже мы почти окончили обширный круг подземелья, когда

опять круто поворотили направо, чтобы поклониться еще нескольким угодникам, почивающим около и в самой трапезе преподобного Антония.

В узком переходе, к ней ведущем, первый отдыхает от многих трудов своих Святой Алипий, иконописец Печерский, прославленный многими исцелениями, которому Ангелы дописывали его иконы. Он научился своему искусству от иконописцев греческих, давно присланных из Царьграда Преподобными Антонием и Феодосием, чрез десять лет после их кончины, для расписания соборной церкви. Рядом с Алипием Спиридон, просфорник Печерский, угасивший мантиею своею пламя в загоревшейся храмине, которому огонь пещный напоминал всегда о вечном огне осужденных. Владыка велел игумену снять перчатку с нетленной руки, и она мне открылась, с православным изображением знамения крестного, коим осенил себя Преподобный в час блаженного своего отшествия к Богу. Игумен засвидетельствовал Владыке, что многие старообрядцы обратились к истине, при столь явном ее извещении. Напротив сих двух Блаженных почивают черноризец Арефа, коему вменено было в милостыню утраченное им имущество, ибо возблагодарил за то Господа, и два затворника, Феофил и Сисой, в своих келлиях. Дальше, опять открыто, Анастасий, известный только по имени, а в самой трапезе, где братия собирались по субботам, есть еще несколько отшельников Печерских: чудотворец Исайя, Авраамий Трудолюбивый, Сильвестр, Пимен Постник, духовным оком прозревший страдальческую кончину священномученика Кукши, и Онуфрий Молчаливый. Нет их жвзнеописания в Патерике Печерском; но память их, местнотимая, совершается в пещерах.

Между ними обрел себе место упокоения и великий труженик Нифонт, епископ Новгородский, прозванный от современников поборником земли Русской, ибо он был примирителем князей и народа и непрестанно странствовал со словом правды или мира по обширному отечеству. Святитель Нифонт сильно воспротивился своевольному избранию митрополита Киевского Климента, без согласия Патриарха

Цареградского, и даже временно претерпел заточение; но ему не удалось встретить нового Святителя Русского, шедшего из Греции, и его святое тело положено было в пещерах, где начались его иноческие подвиги.

Митрополит остановился на минуту посреди трапезной келлии и, обратясь ко мне, сказал: «Вообрази себе, как торжественна долженствовала быть та минута, когда однажды, уже в позднейшие века, близкие к нашему, все сии мертвые во Христе откликнулись на голос одного живого! Некто Дионисий, настоятель сих пещер, движимый любовью к Преподобным, сошел в день Пасхи покадить усопшую братию, дабы и самому иметь общение их духовной радости. Здесь, посреди этой самой трапезы, он сказал им с простою верою, от избытка сердца: «Святые отцы и братие, сегодня великий день – Христос воскрес!» – и внезапно все они громогласно ему ответствовали: «Воистину воскрес!», ибо смиренные кости их возрадовались и по смерти о Бозе живе и явили в себе Его жизнь».

После сего утешительного слова мы возвратились, опять мимо тех же телес преподобных, на прежний путь наш по направлению третьей подземной церкви и достигли сперва гроба Святого епископа Суздальского Симона, взошедшего на кафедру из сих же пещер, который вместе с Нестором Летописцем потрудился в составлении житий Печерских. Почти против него, подле исповедника Онисифора, почивает в серебряной раке Никон, третий игумен Печерский, преемник Блаженного Феодосия, которого он сам постригал, ибо прежде него разделял подвиги иноческие с великим Антонием; временно удалившись в свою Тмутараканскую обитель, он опять был вызван, по гласу братии, в настоятели Лавры. За Преподобным Никоном, ближе к церкви, Феофан Постник, Макарий, Анастасий дьякон и Авраамий Затворник, коих известны только одни имена. Там же, в отдельном покое, почивают и двенадцать братьев каменосечцев, трудившихся над зданием соборной церкви. Предание гласит, что все они, кроме последнего, отошли ко Господу в один день; когда же двенадцатый увидел братию свою уже во блаженном успении и

хотел возлечь вместе с нею на вечный покой, он не нашел себе достаточного места, и одна нога его осталась согбенною под мертвенным покровом.

Мы взошли в преддверие третьей подземной церкви, которая подле Варлаамовой, ибо здесь оканчивается пещерный круг. Она древнее двух первых и восходит к началу Ближних пещер. Там поклонились мы мощам четырех Преподобных: Исаакия, столько испытанного в затворе страшными искушениями демонскими; Никона Сухого, чудно избежавшего половецкого плена во спасение тому, кто его пленил; черноризца Илии, прозванного Муромцем, по месту его рождения, и младенца Иоанна, сына варяга, убиенного идольскими жрецами еще до времен христианства Руси.—Внутри же самой церкви, празднующей Введению во храм Божией Матери, покоятся два угодника из числа иноков Печерских: Ефрем, епископ Переяславский, и Тит пресвитер, дивно исцеленный ради милосердия своего к оскорбившему его брату. Сим назидательным образцом заключается ряд Преподобных в Ближних пещерах великого отца их Антония.

Когда мы взошли в церковь, там служили молебен всем Преподобным Печерским, и особенно младенцу Иоанну. К его ходатайству прибегали скорбные родители, лишившиеся чад своих, умоляя о благословенном чадорождении, ибо такое предание искони сохранилось в пещерах. Утешительно было слышать красноречивые стихиры и каноны Преподобным на самом месте их гробового покоя с призыванием каждого по имени и при воспоминании их подвигов то в частной, то в общей к ним молитве.

«Постницы богомудрые, вас не потаила есть земля, Бог бо изъяви вас во всех концех вселенныя, чудеса изливающих, Тому помолитесь даровати душам нашим мир и велию милость».

«Радуйся, тучнейшая Божия Горо Печерская, усыренная Духом! Радуйся, Раю насаждений бессмертных! В Тебе бо благоволи водворятся всегда Бог наш, обогащающий Тя чудес излиянии, яже источаеши преподобными Его».

«Христолюбивый граде Киев, в Бозе ликуяй веселяся, содержай яко многоценное сокровище граждане твоя в недрах твоих, святые постники же и мученики».

«Пещеру разбойников святилище сотвори Израиль, постницы же разбойников обитания храмы Божия соделаша».

«Криле голубине от Бога приимше, возлегосте в Божия упокоения, Преподобнии, духом».

«Егда снидосте во гробы и самех себе заключисте, тогда страсти умертвивше плотския, спогребостесь Христу, Богоноснии, и диавольския в подземных разрушаете ограды; сего ради Ангели венцы с небес вам подают».

«Молите Бога о нас, Преподобные отцы наши, Антоние и Феодосие, и все Преподобные Печерские, яко мы усердно к вам прибегаем, скорым помощникам и молитвенникам о душах наших».

При выходе из церкви Владыка, зачерпнув Святой воды в медный крест Марка Пещерника, вкусил сам и дал мне ее пить, говоря: «Подивись воздержанию Преподобных: они умеряли себя не только в пище, но и в питии, принося в жертву Господу даже самые невинные свои хотения и до конца сокрушая плоть свою, воистину как земные ангелы и небесные человеки».

Когда мы вышли из спасительных пещер, но не тем устьем, которым в них спустились, прямо из подземелья открылась пред нами верхняя церковь Воздвижения Честного Креста, наполненная народом во время поздней литургии, и первое, что поразило слух наш после безмолвия пещерного, – Херувимская песнь, оглашавшая своды храма сими назидательными словами: «Всякое ныне, ныне житейское, отложим попечение, отложим попечение!» Невозможно было более вовремя внять сему предостережению Церкви после всего, что открылось нам в недрах земли. Народ столпился около своего Архипастыря, но он приложился только к чудотворной иконе Казанской Божией Матери и поспешил из церкви, чтобы не привлечь к себе внимания паствы, которая жадно стремилась за его благословением.

«Мы посетили Ближние пещеры Антониевы, – сказал он мне на паперти храма, – теперь спустимся и в Дальние

Преподобного Феодосия, дабы и там поклониться святым угодникам, нетленно почивающим в сем первоначальном жилище подвижников Печерских, ибо от них возникла вся сия великолепная лавра, которую теперь видишь пред собою».

Пройдя малое пространство на дворе монастырском, взошли мы в длинную крытую галерею, простирающуюся почти на сто сажень между Ближними и Дальними пещерами, которая в виде моста смело перекинута чрез глубокий овраг, их разделяющий. Вся она усеяна была нищею братиею, сею внешнею стражею священного подземелья, которая невольно, хотя и неприятно, напоминала о всех бедствиях, каким может подвергнуться человечество, и чрез то возбуждала к смирению. Некоторые между ними очень докучливы и искушают терпение мимоходящих, но другие поистине назидательны, особенно слепцы. Именем Иисуса Христа, живо напоминают они о том слепце, которого вопли к Сыну Давидову напрасно старалась заглушить толпа, доколе не призвал и не исцелил его Господь. Есть между сими убогими старцы, которые в течение целого дня сидят на пути богомольцев и не просят милостыни, а только читают вслух Псалтырь или акафист, не обращая внимания на мимоходящих, ни на подавание, которое им бросают. Как сильны в устах их сии трогательные слова акафиста Сладчайшему Иисусу: «Иисусе, судия живых и мертвых, Иисусе надежда ненадежных, Иисусе утешение плачущих, Иисусе нищих одеяние, Иисусе всех защищение, Иисусе вдов заступление, Иисусе сирых защитниче, Иисусе труждающихся помощи, Иисусе странных наставниче, Иисусе славо нищих, Иисусе Сыне Божий, помилуй мя». Вся сия длинная вереница нищих и увечных по обеим сторонам деревянной галереи есть как бы одна живая строка Евангелия, начертанная человеческими буквами: «Блаженны милостивые, яко те помилованы будут» (Мф. 5:7), и счастлив тот, кто без ропота и с терпением, проходя мимо, будет вспоминать сии кроткие слова Судии небесного: «Аминь, глаголю вам, понеже единому братий сих моих меньших сотвористе, Мне сотвористе» (Мф. 25:40).

При окончании галереи настоятель Дальних пещер с двумя монашествующими встретили Владыку, чтобы облегчить ему

восход к церкви, стоящей на вершине холма над самыми пещерами. Она устроена уже в позднейшие времена во имя зачатия Святой Анны на том месте, где стояла прежде первая деревянная церковь Успения Богоматери, которую соорудил преподобный Феодосий, с благословения Святого аввы Антония, когда уже подземная не могла вмещать в себя многочисленной братии. Из нее есть крутой сход в пещеры, но он до такой степени тесен и неудобен, что принуждены были сделать иной вход, с восточной стороны; от церкви устроена к нему внешняя галерея, которая многими ступенями спускается с вершины холма в малый покой, служащий преддверием пещеры. Оттоле со свечами в руках, предшествуемые игуменом, спустились мы опять в недра земли, и здесь уже ощутительнее была сырость, по близости Днепровских вод.

После довольно долгого хода в подземельи, ничем не ознаменованного, мы достигли трех затворов: Преподобных Порфирия, Афанасия и Дионисия, жития коих, как и всех прочих угодников Печерских, почивающих в сих Дальних пещерах, не записаны в Патерике, а только имена их соблюдаются Священным преданием. Но сколь велико было мое изумление, когда после сих затворников первый открыто почивающий угодник представился мне Феофил, знаменитый архиепископ Новгородский, заточенный в Чудовом монастыре при покорении Новгорода Иоанном III и которого могилу указывают доньше в Софийском соборе. Мое недоумение вскоре разрешилось, ибо я узнал, что на одной старинной иконе, находившейся при мощах Феофила, записано было следующее предание: «Великий Нифонт, епископ Новгородский, почивающий в Ближних пещерах, явился собрату своему Феофилу во время его болезни и напомнил данный обет: поклониться Преподобным Печерским. Уже он приближался по Днепру к Киеву, когда болезнь усилилась, и Святитель Новгорода имел при последнем издыхании откровение от Господа, что сам он не доплывет живым до желанных пещер, но тело его упокоится там вместе с Преподобными, и так исполнилось над ним сие пророчество».

Четыре преподобных Печерских: Зинов Постник, Григорий Чудотворец, Ипатий Целебник и Священномученик Лукиан –

почивают между ракою последнего архиепископа Великого Новгорода, избранного на Вече, и современным ему князем Феодором Острожским, который не менее своего славного внука, князя Константина, подвизался за православие в тяжкую годину гонений латинских и окончил в схиме подвиг, начатый в мантии княжеской. Несколько далее мощей дьякона Мартирия и схимника Илариона, около затвора Преподобного Лаврентия, закладен вход в древние Варяжские пещеры, ибо опасно проникать глубже в сии неведомые подземелья, простирающиеся, как полагают, даже под самый Днепр и частью обвалившиеся. Поклонившись еще Святым мощам Чудотворца Моисея, Болезненного Иосифа и схимника Сисоя, митрополит остановился пред одною ракою и сказал: «Вот и преподобный Нестор Некнижный, отличенный сим смиренным названием от Летописца. Итак, есть у нас Нестор Книжный, есть и Некнижий, дабы и простые люди утешились тою мыслию, что не многим учением, а многими трудами, верою и любовью, достигнем Небесного Царствия».

Преподобный Нестор почивает у входа в малую подземную церковь Благовещения, которая едва ли не была древнейшею из всех пещерных. Ее ископали еще Святые отцы сих подземелий, ибо к ней направлен крутой спуск из верхней церкви Зачатия, заменившей подземную, и недалеко от нее древние Варяжские пещеры. Да и вокруг оной во множестве стеснились преподобные посмертные жители сих вертепов, от затворника Пафнутия до воина Тита; от его гроба открывается иной переход, в другую часть подземелья. Здесь же, недалеко от церкви Благовещения, положена и Святая игуменья Евфросиния, дочь князя Полоцкого, которая скончалась во время своего странствования в Иерусалиме и перенесена была в Киев братьями, ей сопутствовавшими. Пимен Постник, Святой младенец Леонтий, канонарх Печерский, почивают открыто в обширном преддверии церкви Преподобного Феодосия, которая устроена уже в начале XVII века, по описанию Кальнофойского, и соединяется длинным переходом с церковью Благовещения; галерея сия также освящена телесами Преподобных.

«Посмотри, – сказал мне Владыка, – какие отроки, невинные по самому возрасту, достигали трудными подвигами до Небесного Царствия в нашей святой лавре». Так говоря, он ввел меня в келлию, подобную Антониевой, какую видел я в Ближних пещерах, с каменным ложем в углублении, над коим теплилась лампада. «Это келлия преподобного Феодосия, – сказал с умилением Владыка, простершись пред его ложем. – Это место освящено подвигами его долголетней иноческой жизни. Здесь сердце лавры!» Помолчав немного, от избытка чувств, преисполнивших сердце, он продолжал: «Скажи Преосвященному Московскому, когда его увидишь: что медлит он посетить святыню Печерскую? При освящении храма, что над гробом Преподобного Михея, не он ли жаждал видеть, хотя на минуту, убогую келлию Сергиеву, в том виде, как она была во дни Преподобного, подышать ее воздухом, еще трепетавшим молитвами Святых? Но в лавре Сергиевой уже нет и следов его келлии, указывают одно лишь место ее, великолепно украшенное. А здесь, здесь все еще дышит простотою времен Феодосия. Посмотри, это собственные стены его келлии; нельзя было изменить их, они ископаны им в земле! Это его, его ложе; на этом помосте он молился, здесь он плакал, и этот праг точно истерт ногами Святых. Скажи ему: что же медлит посетить нас? Здесь утолилась бы его благочестивая жажда! Здесь вместе со сладкою памятью уже усопших во Христе преподобных обретет он и искреннюю любовь еще живой своей собратии».

Глубоко тронутый, молча следовал я за Владыкою, из келлии преподобного Феодосия вдоль тесного перехода, идущего кругом его церкви. Несколько праздных углублений, изготовленных для Святых мощей, видны были по сторонам в стенах пещерных. «Места есть еще, но по грехам нашим ныне уже нечем их исполнить, – сказал со вздохом Владыка, проходя мимо. – И этот отрок нас обличает!» Он указал на мощи Геронтия, другого канонарха Печерского. Захария Постник, схимник Силуан, Агафон Чудотворец и Игнатий архимандрит Печерский почивают еще в том же переходе, на конце коего достигли мы бывшего гроба Преподобного Феодосия против входа в церковь Рождества Христова. Гроб сей устроен в

углублении, совершенно по образцу Антониева; лик Преподобного изображен на доске, и богатое паникадило освещает по сторонам три иконы: Богоматери и Святых основателей лавры, в серебряных ризах. В темноте подземелья, в полусвете лампы невольно вспомнил я над гробом Преподобного живой и пространный рассказ Нестора Летописца об открытии Святых мощей Феодосия спустя восемнадцать лет после его блаженной кончины.

«Истинно и верно расскажу вам, – говорит Нестор, – ибо не от других о том слышал, но сам был начальник делу сему. Пришел ко мне игумен (Иоанн) и сказал: «Пойдем, чадо, к преподобному Феодосию», и мы пришли в пещеру тайно от всех. Рассмотрев же место, назнаменовали, где раскопать, и удалились. Тогда игумен сказал мне: «Возьми с собою кого хочешь, чтобы помог тебе, но кроме тех никому не говори, чтобы никто из братии не узнал, доколе не вынесем Святые мощи из пещеры». Я устроил в тот же день орудия для кования. Это был вторник, и в глубокий вечер взял я с собою двух из братьев, мужей чудных в добродетели. Тайно от всех мы пришли в пещеру, где, сотворив молитвы с поклоном и воспев псаломное пение, устремились на дело. Я начал копать и, много потрудившись, вручил лопату другому. Но копая до самой полуночи, мы не могли обрести честных мощей Святого и стали много скорбеть, испуская слезы из очей, ибо помышляли, что Святой не благоволит себя нам явить. И вот пришла нам иная мысль: не копать ли нам с другой стороны? Тогда я опять взял орудие и стал прилежно копать; один из бывших со мною братьев стоял пред пещерою и, услышав било церковное, ударяющее к утрени, возгласил ко мне, что уже ударили в церковное било. Я же прокопал тогда над честными мощами Святого и отвечал, ему: «Прокопал я уже, брате!» Когда же прокопал, внезапно объял меня страх великий и я начал звать: «Преподобного ради Феодосия, Господи, помилуй мя!» Потом послал к игумену сказать: «Прийди, отче, да изнесем честную мощь Преподобного», и пришел игумен с двумя из братьев. Я же прокопал более и, наклонившись, увидел мощи, святолепно лежащие, ибо составы были все целы и непричастны тлению,

лице светло, очи сомкнуты и уста, власы же присохли ко главе. Итак, возложивше на одр честные мощи Святого, мы вынесли их из пещеры».

Церковь Рождества Христова, весьма древняя, ибо она ископана была руками Преподобных Печерских, смежна с церковью святого Феодосия. Но мы не взошли в сию последнюю, потому что она была наполнена народом, который в ней оставался после литургии для слушания панихиды, ибо благочестивые поклонники особенно любят совершать их в пещерах, там, где столько нетленных угодников свидетельствуют о грядущем воскресении. У входа в церковь Владыка помазал меня миром, истекавшим из одной мироточивой главы, пред коей горела свеча в углублении пещеры. Потом в преддверии церкви Рождественской мы поклонились благоговейно части мощей одного из младенцев, убиенных Иродом в Вифлееме, которую Патриарх Иерусалимский Феофан принес в благословение лавре. Наконец приблизились к последней раке Лонгина, вратаря Печерского.

«Вот и вратарь блюдет врата пещерные, – сказал мне Владыка. – Им заключается ряд стольких Преподобных. Ты видел пред собою целый подземный мир христианский и все степени церковные: святителей, пресвитеров, дьяконов, схимников, затворников, мучеников, благочестивых жен, отроков и даже воинов. От князя до последнего вратаря – все здесь обретаются; иногда же князь и вратарь в одном смиренном лице, как преподобный Никола Святоша Черниговский. Всех призывает ко спасению Господь, всем хочет спастися и в разум истины прити, лишь бы только шли на спасательный зов сей. Памятуй виденное тобою и, молитвами Преподобных Печерских, да обретешь и ты спасение». При сих назидательных словах вышли мы из подземной церкви Рождества Христова, как бы из вертепа Вифлеемского, и, поднявшись несколькими ступенями к восточному устью Дальних пещер, вступили опять в малое их преддверие, а оттоле на открытый балкон, висящий над Днепром.

Как выразить все, что поразило взоры, что взволновало душу при столь внезапном переходе из мрака пещерного на Божий свет? Первым чувством была безотчетная радость, первым действием – свободный вздох; расширилась грудь, и жаждала напитаться этим чистым ароматическим воздухом, который стал отогревать ее после сырости подземной. Глубокие внутренние помыслы на минуту уступили впечатлениям внешним, но они были невинные, детские: все утешало в природе, и на ее приветливую улыбку невольно улыбалось сердце; человек делался ребенком. Никогда краше не представлялась мне Божия вселенная! Ярче сияло солнце, и прозрачнее струился синий Днепр; как некое море расстилался он пред глазами, которые только что освободились от тесноты пещерной и весело разбегались вниз и вверх по его привольному простору; беспредельным казалось лесистое Заднепровье под легким полуденным паром яркого небосклона. Это было далеко–далеко, как бы в другом мире, на который я смотрел из своего пещерного устья. А под самым навесом, где я стоял, какая пышная зелень по диким обрывам, бегущим к реке, какие белые хижины живописно раскинуты по утесам! Глубоким Днепром резко отделяется Киевский мир, проникнутый своею святыней, и полуденный край, дышащий своим роскошным воздухом, от противоположной как бы чуждой стороны. Я стоял неподвижно под легким шелестом листьев нависших надо мной тополей; я вглядывался все глубже и глубже в эту очаровательную картину, которая как будто меня оковала, когда услышал за собою голос: «А Царствие Небесное лучше». Невольно вздрогнул я и оглянулся: позади меня стоял Владыка, и с кроткою отеческою улыбкою смотрел, как я любовался внешними красотами природы. «Так ли скоро забыты пещеры? – сказал он. – Все сие оставили отшельники, чтобы заключиться в недрах земли; теперь ты лучше поймешь их подвиг. Но время уже нам возвратиться», и мы медленно пошли по крутому восходу тех же длинных галерей в лавру.

Так совершилось первое мое хождение в подземной обители Преподобных Печерских; следующие два я посвятил осмотру храмов и обителей старого Киева, отложив посещение

самой лавры до того времени, когда переселился сам в ее стены.

Храм Первозванного

Станем на горах Киевских, там, отколе, по выражению Преподобного Нестора, пошла Русская земля, ибо Свет Истины, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, есть и духовное начало всякого царства! Поклонимся тому месту, на коем стояли священные стопы Апостола–просветителя Руси. Воскликнем ему от полноты сердца вместе с Пророком: «Коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая!», ибо действительно «во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их!» О, как драгоценно для каждого русского сердца сие отечественное предание! Первозванный из апостолов идет во мрак Севера, в край, ему неведомый, но ведомый Богу, предызбравшему себе в нем верных служителей, как между прочих языков. В верх пустынной реки Ворисфена идет он, по дикому ее берегу, и по самым волнам, которые стелются влажною стезею пред учеником Того, Кому дана всякая власть на Небеси и на земли. На вершине одного из холмов Киевских водружает Андрей победную хоругвь, крест искупления, с пророческим словом: «На сих горах воссияет благодать Божия, и град великий возникнет, и церкви многие воздвигнет в нем Бог». И вот тысяча лет, которые пред Богом как день вчерашний, уже протекший, или как одна стража ночная, – миновалась, и предки наши увидели сбытие слов апостольских, которому доселе дивимся мы, их позднейшие потомки. Так не упадает тощим на землю ни один глагол Божий, и крест, насажденный Апостолом, разросся спасительным древом, осенившим собою целую Русь!

В Старом Киеве ударили ко всенощной, у Святой Софии и в обители Архангела, по случаю праздника Всемилоственного Спаса, но минуя древние святилища, предпочел я идти в храм Первозванного, чтобы там присутствовать при торжественном изнесении Честного Креста, которое совершается на сей всенощной. Я хотел поклониться кресту на том месте, где впервые водрузил его Апостол в отечестве нашем. Хотя великолепна самая церковь по чрезвычайной красоте и

смелости своего зодчества, но убогое священнослужение, по бедности причта, не могло бы, казалось, произвести того впечатления, какое невольно проникает душу при внешнем благолепии, ибо и оно необходимо для возвышенных обрядов православной Церкви. Когда же, однако, при тихом пении «Святый Боже» священник поднял с престола Крест, увенчанный цветами, и вынес его из алтаря на средину церкви; когда потом простерся он пред сим залогом нашего спасения, приглашая к тому же всю церковь: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое воскресение Твое славим!» – невольное умиление проникло в сердце. Все отечества языков призывались к поклонению спасительному древу, на коем распят был за нас Царь Славы, и наше Славянское племя, и после – прочих языков. Здесь же, на горах Киевских, было первое ему поклонение обновленных верою предков наших. Не этот ли холм Русская Голгофа? Не из рассеянных ли этих гор воскресли мертвые читатели Перуна, чтобы радостно поклониться живому Богу, когда раздралась и для них завеса мрака языческого и благодать Божия воссияла на сих горах, по слову Апостола?

Отрадно слышать и родственные имена Святых угодников, к заступлению коих притекает Церковь в своих молитвах, на самом том месте, где они подвизались при жизни или упокоились после блаженной кончины. Невольно вздохнешь при имени равноапостольных Владимира и Ольги, которые почивают за несколько шагов, под сводами Десятинной церкви, и двух первых страстотерпцев из числа князей Русских, здесь же воспитанных в тереме отца их Владимира, и Святого князя Игоря, который наследовал ту же участь и тот же венец. Не в соседней ли обители Михайловской девственные мощи Великомученицы Варвары? Не у Святой ли Софии священномученик Макарий, митрополит Киевский? А первый Святитель всея Руси Михаил и великие труженики Антоний и Феодосий с ликом всех преподобных Печерских не охраняют ли доселе своими молитвами и священную лавру, и богоспасаемый град? Все здесь так близко, что готовы, кажется, откликнуться на первый молитвенный зов, ибо сии небесные граждане и в

гробах своих еще остались гражданами земной своей отчизны. Они были первыми поселенцами Киева, они – и последними; к ним, а не к современникам стекаются доныне усердные поклонники.

По окончании всенощной, священник пригласил меня в алтарь, чтобы посмотреть на горнем месте прекрасную икону Вечери Тайной, которую, как говорят, писал знаменитый Леонардо да Винчи, а пожертвовала храму Первозванного Императрица Екатерина. Время и сырость уже много испортили сей знаменательный образ. Я спросил о времени построения самой церкви, вполне достойной зодческого гения графа Растрелли и благочестия Императрицы Елисаветы.

«На будущий год должны праздновать юбилей сего храма, – отвечал мне отец Иаков, – если только считать от его заложения, потому что это здание совершилось не менее как в двадцать три года, от чрезвычайной глубины фундамента, превосходящей высоту церкви. Императрица Елисавета Петровна присутствовала сама при заложении храма, которое совершал знаменитый митрополит Киева Рафаил». Мне любопытно было узнать также, что стояло прежде 1744 года на этом священном холме, отколе пролилось христианство на Русь, и он сказал: «Сперва деревянная церковь во имя Воздвижения Честного Креста, сооружена была неподалеку от нынешней, если не ошибаюсь, в начале XIII века князем Мстиславом Романовичем, а в XVI веке ее заменила каменная. Впрочем, я сам здесь недавно, – скромно прибавил мой собеседник, – и не могу всего объяснить вам с тою подробностью, какой бы вы желали».

Однако я просил его выйти вместе со мною на широкую паперть, окружающую церковь, чтобы с этой возвышенной кафедры разъяснить мне сию окрестность, ибо живописная паперть, поднятая на пятьдесят ступеней от вершины старого Киева, господствует над всеми окрестными холмами и действительно подобна горней кафедре, отколе Апостол, как бы и поныне, проповедует Руси Евангелие Царствия. Несколько овец и ягнят, пробравшись сквозь разломанные перила с прилежащего сада, спокойно щипали траву, проросшую из-под

каменной помоста. Церковные служители хотели согнать их, но я просил оставить. Пусть эти мирные животные пасутся на своем горнем пастбище; они даже приличны тому месту, где Первозванный Апостол проповедал Агнца Божия, вземлющего грехи мира.

– Начнем со Старого Киева, который открывается нам прямо против дверей церкви, – сказал я, – и потом мы пойдем, по чину церковному, против солнца, кругом всего собора; здесь каждый шаг как бы отрывок летописи, по священным воспоминаниям древности.

Здание Десятинной церкви заслонило от нас великолепную громаду Святой Софии, которая так украшает весь Старый Киев. Но радуясь благолепию нового храма, я вспоминал, однако, с любовью о бывшей здесь убогой церкви над гробом равноапостольного Князя.

– Скажите мне, какие церкви видны вдали, направо от Десятинной?

– Одна Сретенская, где к чудотворной иконе Богородицы, Радости всех скорбящих, собираются каждую субботу благочестивые жители Киева для слушания акафиста. А другая, во имя Вознесения Господня, стоит в предместьи Киева. Обе недалеко от древних Львовских ворот, которые уже теперь не существуют.

Мне пришло на мысль, что память их весьма соответствует титулу Галицкого, которое сохранили и доныне митрополиты Киевские; оно свидетельствует, что в их кафедральном городе еще не забыта их древняя церковная область, некогда православный Львов!

– Может быть, вам неизвестно предание наше, – продолжал отец Иаков, – что палаты Равноапостольного князя Владимира стояли на том месте, где теперь дом обновителя Десятинной церкви. Вот пред самую ограду Михайловской обители, и первая церковь, основанная просветителем Руси во имя Ангела своего Великого Василия, на том холме, где стоял Перун. Здесь был и прежний спуск на Подол, известный под именем Боричева взвоза, по летописи Несторовой. Церковь сия после разорения Татарского была также обновлена митрополитом

Петром Могилою, который оставил по себе благую память во всех священных зданиях Киева.

Я стоял и смотрел и безмолвствовал: вокруг меня носились призраки минувшего, и Старый Киев восставал предо мною в полном смысле сего громкого имени. В понятиях моих смешалось различие дней и веков, и давнее было мне ближе недавнего, но языческий Киев Олега и Святослава невольно уступал в моем воображении благодатному Киеву Ольги и Владимира. Терем, где еще отроком внимал он учению мудрой бабки и где в зрелом возрасте избрал себе ее веру; требище идольское, некогда обогренное кровию мучеников и сокрушенное им вместе с кумиром; первый храм, воздвигнутый Князем уже не богу языческих отцов, но Богу христианского своего потомства; самая гробница просветителя Руси, двинувшего ее на стезю вечности, – все это под рукою, все можно почти осязать, с того холма где я стоял и где впервые водружен был крест Апостолом. Вот и величественный образ Ярослава подымается вдаль, над многоглавым собором, знаменуя место своего покоя и попроще славных подвигов долголетнего княжения. Святая София, светлый венец Ярослава, уцелевший при распадении его столицы, она же и каменный щит, осенивший прах его. И первый митрополит Михаил, основатель златоверхой обители Архангельской, и великий ее довершитель Мономах, отделяясь от прочего сонма Святителей и Князей, как бы видимо стоят здесь на страже своих деяний в недоступном для нас величии. Так ожила внезапно древняя их столица.

– Обратимся к востоку, – сказал я наконец стоявшему подле меня священнику, – но прежде скажите мне: между малыми усадьбами старого Киева, окружающими Андреевскую гору, есть ли еще какое-либо праздное место?

– О, я бы нашел место, если только угадал вашу мысль, – радушно отвечал он. – Вот направо свободный участок, несколько пониже вала; есть и еще такой же по ту сторону церкви, на самом спуске, и еще ниже, в полугоре, где находится и вода, потому что родники, бывшие на вершине холма, проведены для безопасности здания в ископанный нарочно

водоем. Он и доныне слывет Андреевским, по местному преданию, которое говорит, что ключ живой воды заструился впервые из-под Животворящего Креста, водруженного Апостолом. Вы его теперь видите под деревянным навесом, а над ним склонились густые ракиты. Но все эти места слишком открыты для зимней непогоды. Древняя усадьба Св. Владимира в Старом Киеве, против крыльца церковного, более бы удовлетворила вашему желанию.

– Не хочу таить, что мирное пристанище под сению моего Ангела, посреди воспоминаний отечественных и церковных, было часто мечтою юношеского воображения. Так люблю я мечтать и теперь в виду древних святилищ – но мы опять отклонились от нашей цели. Как величествен этот широкий Днепр со своими пустынными островами, и как живописен этот дольний город, кипящий жизнью у ног наших!

В самом деле, трудно вообразить себе картину более очаровательную той, какая открывается во все стороны, и особенно к востоку, с паперти Андреевской церкви. Зеленый обрывистый скат горы усеян белыми хижинами и огородами, между коих пасутся на свободе легкие козы. У подошвы горы красивый город Подол, наполненный обителями и церквами, широким мысом вдается в мимотекущий Днепр. С высоты паперти можно видеть, как на развернутом плане, направление всех его улиц, и даже следовать за идущими по их изгибам. Вправо, по ту сторону величественной реки, необъятная лесистая дебрь теряется за дальним небосклоном; влево, по сю сторону вод, цветущая долина тянется вдоль берега у подножия лесистых холмов, расположенных амфитеатром и разрезанных глубокими оврагами. Пригородные слободы Киева и веселые дачи с колоннадами итальянских тополей оживляют сию роскошную долину, по которой струится малая речка. Гора Щекавица, место погребения Олегова, увенчанная церковью Всех Святых, и несколько далее белая обитель Кирилловская, вся в рощах, образуют ближний край долины. А на дальнем конце ее подымается из-за лесов, над самым Днепром, другая летописная гора – Хоревица, с Вышгородом, бывшим некогда селом Ольги. Заходящее солнце довершало очарование,

последними лучами позлащая бесчисленные купола и кресты и своенравными красками расписывая беспокойные воды Днепра. Но уже легкая пелена туманов выпарялась из глубоких оврагов, как розовая завеса, готовая задернуться над дивною картиной природы.

— Эта речка, которая так извивается по долине, есть знаменитая Почайна, или, лучше сказать, только ее вершина, — сказал мне священник. — Во времена Благоверного Князя Владимира она текла под самую горою и впадала в Днепр около того места, где теперь воздвигнут памятник Крещатика. Узкая коса отделяла ее от реки, но место это, затопляемое в полную воду, мало-помалу смывалось. Не бодем, однако, ста лет, как прокопали канал из Днепра прямо в Почайну на вершине косы, и нахлынувшая вода совершенно уничтожила бывшее между ними расстояние. Самый Днепр часто меняет глубокое русло свое, и даже на моей памяти еще главный проток его шел гораздо далее, за этими островами. Видите ли вдали малое озеро, или, лучше сказать, пруд в долине? Он называется Иорданским, по имени обители, уже не существующей. А монастырь так назван был оттого, что в древние времена сосуд, брошенный одним поклонником в Иордане Палестинском, чудным образом обрелся в монастырском кладезе.

Я попросил радушного моего собеседника назвать мне самые замечательные обители и церкви Подола, чтобы по крайней мере иметь общее о них понятие. Мне хотелось одушевить в моем воображении эту каменную массу безымянных зданий воспоминаниями летописными или присными именами Святых

— Первое и лучшее здание, возвышающееся на середине Подола, — сказал он, — есть Академия духовная, или монастырь Братский, устроенный, как вам известно, с благословения Патриарха Цареградского Иеремии для просвещения южной Руси и охранения ее от латинства. Вот и старая бурса, сооруженная благодетелем обители, митрополитом Петром Могилою, ближе к Днепру, между двух церквей — Набережного Николая и Илии Пророка. Предполагают, что сия последняя

стоит на месте древней, о коей упоминает Нестор в своей летописи, над ручьем, где присягала Христианская Русь во времена Игоря. После Братского монастыря замечателен Петропавловск, переходивший из рук в руки. Он был выстроен латинскими монахами и отдан православным, когда Малороссия присоединилась при царе Алексее Михайловиче; потом некоторое время принадлежал братии горы Синайской и наконец обращен в Семинарию. Вы его видите слева от Академии, и подле него примыкает к самой горе своими позлащенными куполами женская Флоровская обитель, которая была переведена сюда из крепости Печерской. Вся гора Киселевка, достояние обители, обращена в плодоносный сад, куда отшельницы приходят подышать чистым воздухом из душного города и полюбоваться с вершины горной прекрасными видами Днепра. Между обоими монастырями стоит довольно обширная церковь, которая пользуется особенным уважением – Николы Притиска, она так названа потому, что однажды вор, хотевший ее ограбить, был притиснут сводом упавшего окна. Есть и еще одна церковь на Подоле, во имя Святителя Николая под названием Доброго, ибо к сему великому угоднику, как к доброму Пастырю, притекают молитвенно граждане Киевские, и его святая память преимущественно чтится в нашем благочестивом городе. Вот она совершенно под нами, рядом с другою церковью, довольно нарядного зодчества, во имя Покрова Божией Матери, на основании древней Армянской церкви; а позади них малое подворье Екатерининское, принадлежащее ныне горе Синайской. Взгляните на городскую площадь, окруженную многочисленными лавками. Там стоит кафедральный собор Успения, судя по клади его камней, едва ли не самый древний из храмов Подола, и близ него колодезь, на который совершаются крестные ходы; а несколько далее церкви: Воскресения, Князей Бориса и Глеба и Введения Богоматери, бывшая Святого Власия, на месте капища Велесова. Посмотрите теперь на обе оконечности Подола, Крещатик и Оболонь, которая тянется вдоль горы Щекавицы. Они обозначены также церквами: Рождества Христова и Равноапостольных Царей Константина и Елены. По соседству

первой к месту крещения Руси, всякий год в день памяти ее Просветителя совершается из сей церкви крестный ход на Крещатик. Теперь я назвал вам все храмы Подола, который, как вы сами можете видеть, не уступает в благочестии старому Киеву по множеству своих святылец. Нужно ли еще называть вам дальние в предместьях: едва заметную церковь Иорданскую, некогда обитель, и отдаленный монастырь Кирилловский, теперь обращенный в Богоугодное заведение? Мы уже обошли с вами паперть; посмотрите, до какой степени крут самый спуск горы Андреевской к Подолу, и как живописно раскинута слобода Кожемяки по расселинам утесов на дне глубоких ущелий. Вот и любимое кладбище жителей Киева на вершине горы Олеговой, у церкви их Святых, которая господствует над всею местностью.

Я взглянул к западу: солнце, совсем багровое, лишенное всех своих лучей, закатывалось, как не кий щит, за горный горизонт и обливало своим румянцем белую церковь на вершине Олеговой могилы. Не такой же ли светлый щит повесил некогда Князь Русский на золотых воротах Царьграда?

Святая София

Вечернее солнце, искавшее себе ночного покоя над могилою Олега, ярко озарило на следующее утро картину времен Владимировых: торжественное освящение вод Днепровских, как бы во дни первого Крещения Руси. Митрополит со всем духовенством совершил торжество сие, отслужив прежде литургию в обители Братской. При веянии хоругвей, под сению древних священных икон, на Иордани Днепровской, окруженной множеством лодок и толпами народа, отрадно было слышать церковные гимны, когда погружалось в воды знамение нашего спасения. Отрадно было молиться и думать, что над Киевом и всею Русью сбылась, в прорицание Первозванного Апостола, и сия молитва Равноапостольного Князя: «Боже Великий, сотворивший небо и землю, призри на новых своих людей; дай им, Господи, увидеть тебя, истинного Бога, как увидели страны Христианские, и утверди в них веру правую и несовратимую».

После гостеприимного обеда, который граждане Киевские давали от себя духовенству и властям в зале собраний, Владыка пригласил меня с собою в Софийский дом свой в Старом Киеве. Здесь мне представилось трогательное свидетельство любви народной к Пастырю. Едва только услышали колокол Софийский, возвещавший о его приближении, как толпа богомольцев, всякого звания и возраста, устремилась в ограду; старики и старухи, задыхаясь, бежали вслед за каретою, чтобы только принять его благословенье. «Откуда вы? – спросил их с отеческою улыбкою Преосвященный, и в ответ ему раздались дальние и разномастные имена необъятной России. Целуя руку святительскую, они крестились с радостью, что удостоились принять его благословенье. «Батюшка, вели нам отпереть собор, еще до вечерни долго ждать», – сказала одна старушка, и радушно отвечал Владыка: «Велю открыть для вас, дети мои». Он послал немедленно за ключарем, а между тем взошел со мною в прекрасный сад, прилегавший к дому.

«Утешительно видеть такое усердие в нашем народе, – говорил мне Владыка. – Можно ли отказать в чем-либо людям, которые именем Христовым, прошли такие пространства, чтобы только удовлетворить своей благочестивой жажде и поклониться святыне Киевской! Дай Бог, чтобы никогда не оскудела вера сия!» Из сада взошли мы в архиерейские палаты, недавно обновленные после долгого запустения. Тогда явился ключарь, и Преосвященный поручил ему показать мне все достойное внимания в соборе Софийском, потому что сам он утомился долгим служением.

Прямо против дверей митрополии медные врата Святой Софии. Древнее здание Ярославово, расширенное с обеих сторон двухъярусными притворами средних времен, величественно восстает в пятнадцатиглавом венце своем, как царственная мать всех святилищ Российских. Над нею и мимо нее протекли все бури, опустошившие ее родную землю. Внешняя своенравная масса ее зодчества свидетельствует о сонме веков, против натиска коих она устояла, как неодолимый утес посреди морских волн! Но из ее таинственной глубины, из-под трепетного мрака ее уцелевших сводов доселе дышит святая, родная старина времен Ярославовых! Переступи порог идохнешь иною жизнью. Пусть замкнутся за тобою медные врата западные а за ними мир. Иди все к востоку, к той Нерушимой Стене, которая осенила собою Церковь и Русь от их начального востока и до нынешнего яркого полудня. И когда в алтаре соборном на сводах Горнего места встретит тебя с воздетыми к небу руками Молитвенница земли Русской, которой еще молился великий Ярослав, тогда пади пред нею в безмолвном восторге и выскажи ей свое сердце, если есть еще слова в такие минуты.

Рост Ее исполинский, как и все дела Ее на святой Руси. Она стоит на золотом камне – в незыблемое основание всех притекающих к Ее защите; небесного цвета Ее хитон, черненный пояс, и на нем висит лентион, которым отирает Она столько слез; лазуревые поручи на воздетых к небу руках; золотое покрывало спускается с Ее главы и перевешено в виде омофора на левое плечо, как знамение Ее Покрова, ширшего

облак, по гласу церковных пений; светлая звезда горит на челе Богоматери и две звезды на раменах, ибо Она сама, Матерь Незаходимого Света, была для нас Зарею Таинственного Дня. Нерушимую Стеною слывет дивная сия икона в устах народа, ибо в течение восьми веков невреждено прошла она сквозь все бурные эпохи Киева. С нею вместе сохранилась и вся драгоценная мусия восточной стены алтаря Софийского, от сводов и до Горнего места. И доселе притекают верные к сему священному залогу первых времен спасения нашего «яко к нерушимой стене и предстательству».

Белая полоса арабесков отделяет верхнее изображение Богоматери от среднего, Вечери Тайной, также из мусии и столько же уцелевшего. Под белою сению на трех столиках стоит Божественная Трапеза, покрытая багряною пеленою с золотыми по ней цветами; на середине Ее четвероконечный крест между золотым диском с раздробленным на нем Агнцем и серебристой звездой с копием; с обеих сторон Трапезы два Ангела в белых одеждах осеняют Ее золотыми рапидами. Художник, желая изобразить Святое причащение под обоими видами по чину Восточной Церкви представил на двух углах трапезы не один, но два лика Спасителя, совершенно сходные, в золотом хитоне и голубой хламиде, подающие, с одной стороны, части Божественного Хлеба, а с другой – Божественную Чашу двенадцати апостолам; они подходят один за другим, по шести с каждой стороны, преклонив благоговейно главы и простирая руки для принятия Таинственной Пищи. Над ними начертаны черною мозаикою по-гречески слова Евхаристии: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», и: «Пийте от Нея вси, Сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многие изливаемая во оставление грехов». Так в одно время и взоры в сердце наслаждаются таинственным созерцанием Божественной Вечери, и, по словам Писания, «не может око насытиться зрением, ни ухо слышанием».

Третий, нижний, ярус мозаических икон отделен также широкою полосою арабесков от среднего. Здесь уже представлены по сторонам древнего Горнего места, как бы в

помощь и сослужение восседающих на нем Святителей, ближайшие преемники апостолов, служители и страстотерпцы проповеданного ими слова Божия. С правой стороны архидьякон и первомученик Стефан – в облачении своего сана, держит правой рукой кадило, а левою прижимает к сердцу камень, его соединивший со Христом; подле него ряд Святителей: чудотворец Николай, Григорий Богослов, Климент Папа Римский, глава коего принесена была из Корсуни Просветителем России, и обличитель ересей Епифаний. По левую же сторону архидьякон Римский Лаврентий, принесший себя во всесожжение Господу, с кадильницею в руках и рядом с ним великие учителя Церкви: Василий, Златоуст, Григорий Нисский и соименный ему чудотворец Кесарийский, от коего сохранился нам первый Символ веры. Имена их начертаны погречески отвесно подле каждого лика; все Святители в облачениях епископских, держат в руках Евангелия различного вида. Нижняя часть мозаиков уже отпала, и они дописаны красками по стене, но несколько ниже еще сохранился мраморный карниз, под коим набраны более грубою мусиею разноцветные кресты в пестрых дугах. Своды алтаря расписаны новыми изображениями блаженств и добродетелей евангельских, ветхозаветных Царей и Пророков и ликами Архангелов.

Сладостное чувство наполняет душу внутри алтаря Софийского: и благоговение к святыне, и любовь к родине. Самая близость минувшего, которое вместе так свежо и так старо, производит утешительное впечатление на сердце, ибо век Ярослава пред очами, как бы современный, и слава древней Византии, завещавшей нам залог веры, отразилась в нашей Святой Софии. Не напрасно послы Владимировы говорили Князю: «Когда привели нас греки в то место, где служат они Богу своему, мы не знали где мы: на небе или на земле, ибо поистине нет на земле ничего подобного, и мы не можем забыть виденной нами красоты. Всякий человек, вкусив однажды сладкое, уже не приемлет более горького». Слова сии, конечно, запали в душу отрока Ярослава; тогда пожелал перевести в землю Русскую это Софийское небо, и, вступив на

престол отеческий, соорудил он на поприще своей победы над печенегами подобие величественного святилища Цареградского.

Самый престол алтаря Софийского устроен из кипариса по размеру гроба Господня и обложен позлащенными досками. Сохранились еще остатки мусия на арке, ближайшей к иконостасу, с наружной ее стороны. Обычная икона, Деисус, изображающая Господа, посреди Своей Божественной Матери и Предтечи, с греческою надписью вокруг: «Бог посреди нее и не подвижется, поможет ей утро и завтра», а на столпах, поддерживающих сию арку, образ Божией Матери с веретеном в руках и благовествующий Архангел со скипетром. Но во время обновлений храма Софийского, в новейшие века, мало заботились о его драгоценной мусии, ибо высокий раззолоченный иконостас, устроенный митрополитом Рафаилом, совершенно закрывает Деисус и боковые иконы, и даже то дивное изображение Пречистой Девы над Горним местом, которое доселе составляет лучшее украшение всего собора. Должно предполагать, что во времена Ярославовы иконостас был гораздо ниже и не препятствовал стоявшим внутри храма наслаждаться зрелищем не только сей иконы, но и Вечери Тайной, написанной мусиею на восточной стене алтаря. Выше иконостаса еще виден, однако, в дуге на золотом поле мозаический древний лик Спасителя и под куполом уцелели также образа Евангелиста Марка и до половины Евангелиста Иоанна и пятнадцать ликов мученических из числа сорока пострадавших в Севастии, которые все были изображены мусиею на боковых арках, поддерживающих купол. До сего лишь места доходило истребление, и далее не коснулась рука времени и врагов, ибо татары при разорении Киева в 1240 году сломив до основания церковь Десятинную и соборную церковь лавры Печерской по самые окна, повредили только купол Святой Софии; здание сохранилось, но пострадало от действия непогоды и долгого запустения.

Соборный алтарь еще сохранил отдельный жертвенник, по древнему обычаю Церкви православной необходимый для порядка Богослужения; но другое соответствующее отделение

алтаря, называемое дьяконикон, обращено было в позднейшие времена в особый придел Святых Богоотец Иоакима и Анны, где невозможно почти служить литургию по тесноте. Рядом с ним, с южной стороны, еще три придела: в память чуда Архангела Михаила, Преподобных Печерских и Успения Богоматери. Недавно открыты на внутренних стенах боковых приделов и на западной стене соборной фрески II века, хорошо сохранившиеся под пятью слоями клеевой краски. Они изображают девять ликов Святительских и Мученических во весь рост и одиннадцать поясных икон, совершенно сходных по одежде с теми мозаиками, какие доселе видны в соборном алтаре. Это драгоценное открытие есть единственный остаток священной живописи первых времен Христианства в нашем отечестве. По левую сторону алтаря Софийского также три новейших придела в ряд один подле другого: трех Святителей Московских, бывших прежде во имя Григория Богослова, Равноапостольного Князя Вдадимира и Благовещения. Оба крайних придела как с северной, так и с южной стороны устроены не ранее XVII века митрополитом Петром Могилою, который поставил верхние галереи на двух нижних боковых пристенках, чтобы предохранять внешние стены храма.

В одном из приделов северного притвора, посвященном памяти Равноапостольного Князя, почивает под сению отеческою благоверный сын его, храмоздатель. Древняя византийская гробница прислонена к стене алтарной; на мраморных плитах ее изображены пальмы и кресты, то отдельно друг от друга, то переплетенные вместе или смешанные с листьями дуба и винограда. В одном из пяти квадратов, на которые разбита лицевая доска памятника, две рыбы изваяны в верхних углах креста; вероятно, все сии надгробные украшения имеют какое-либо символическое значение, ныне утраченное. На остроконечном фронте изваян лабарум, чудотворное знамя великого Константина, с которым победил он языческий мир. Греческие буквы «ΙC.XC. Ника» отпечатаны вокруг каждого из крестов в знамение новой победы, одержанной именем Господа Иисуса в языческой дотоле Руси, которой уже второй Самодержец отходил к

вечному покою под сению спасительного Креста и сооруженного им святилища.

Таков могильный памятник великого Ярослава, уцелевший чрез столько разорений его храма и столицы. Самое время несмело его коснуться, как бы уважая память славного мужа, упрочившего Церковь и царство. Огромно лицо его в летописях наших; оно одно может стоять рядом со святым его родителем, из всего потомства княжеского в Киеве, не исключая, быть может, и Мономаха. Если Церковь приняла в лик своих заступников Равноапостольного отца, то она местно чтит в Киеве память Благоверного сына, который оказал ей столько услуг, ибо он распространил просвещение духовное до дальних пределов расширенной им державы, воздвигая повсюду храмы, украшал их не только драгоценною утварью, но и переводами божественных книг и вместе с Русскою правдою заботился о Соборных правилах для управления церковного. Твердые начала, положенные великим Ярославом, устояли против бури средних веков, даже когда временно распалась держава, собранная им воедино, и из-под величественной сени Святой Софии, светлое лицо ее доселе радуется исполнению ее благочестивых предприятий.

Но где же прочие князья Киевские, о коих упоминает летопись, как о погребенных друг подле друга в мраморных раках у Святой Софии, где сыны и внуки великого Ярослава? Всеволод, более всех им любимый, которому часто говорил отец: «Сын мой, благо тебе будет, ибо слышу о твоей кротости и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если даст тебе Бог воспрять престол мой с правдою, после братьев твоих, а не насилием, то когда отведет тебя Бог от жития сего, ты ляжешь, где и я лягу, у гроба моего, ибо я люблю тебя более братьев твоих». Сбылось завещание отеческое, и Всеволод возлег подле славного родителя в один год со своим несчастным сыном Ростиславом, который бедственно утонул в реке Стугне в час кровавой битвы с половцами пред глазами нежно его любившего брата Мономаха. Но где она? Где сам великий Мономах с добрым, но слабым сыном Вячеславом, именем коего прокрывались только честолюбивые племянники, чтобы

достигнуть Великого княжения? Все они должны быть тут, в основаниях храма, но место гробов их неизвестно, хотя можно с большой вероятностью предполагать оное по соседству Ярослава, в северном пристенке, обращенном теперь в алтарь равноапостольного их предка, или под ближайшим приделом Трехсвятительским. О, сколь драгоценным сокровищем для Киева и всей Руси был бы гроб великого Мономаха, умиротворителя князей, собирателя царства, который сокрушил орды половецкие и едва ли не превзошел христианскими добродетелями царственные свои доблести! Кто не прослезится, читая его духовное завещание, которым он научал детей своих, как жить и царствовать, и которое они так дурно соблюли? С миром отошел к покою Мономах, и с ним закатилось солнце отечества, ибо после него Киев был только яблоком раздора и поприщем междоусобий до нашествия монголов. Сама Святая София, место упокоения Мономахова, была не раз ограблена собственными князьями, Ольговичами, оспаривавшими наследие у его потомства.

И еще многих гробов недостает у Святой Софии, но уже не княжеских, а святительских, ибо в течение ста тридцати лет служила она усыпальницею митрополитов всея Руси от четвертого из них Феопемпта, который освятил храм при великом Ярославе, и до двадцать третьего, Кирилла, собравшего Церковь Русскую после ее разорения монголами. Бдительный пастырь в продолжение тридцатилетнего святительства странствовал из города в город по всей Руси, как голубица Ноева ковчега с масличною ветвью, не обретшая места стояния ногам своим. Но умирая в дальнем Переяславле Залесском, завещал он погребсти себя под родственною сению Святой Софии, и свято была исполнена его воля. Последний из митрополитов всея Руси, положился он в древней их митрополии; преемник его Максим уже погребен во Владимире на Клязьме, а предшественник Иосиф без вести исчез в разорении монгольском. Предание местное не указывает гробов их, разве только они положены были все в том же юго-западном углу собора, где полагаются теперь митрополиты Киева.

Один, однако, из Первосвятителей, уже не всяя Руси, а только западной ее половины, заменяет собою стольких отсутствующих, ибо его нетленные мощи открыто почивают посреди храма, напротив придельного алтаря Архистратига Михаила. Это священномученик Макарий, возведенный из архимандритов Виленских в сан митрополита, уже после разделения Российской митрополии на Московскую и Литовскую. Два года продолжалось его святительство в Вильне, и когда, движимый благочестивою ревностью, предпринял трудное в те дни странствование по своей обширной епархии, он был мученически убит татарами на пути к первопрестольному городу, при реке Припяти. Святые мощи его перенесли в собор Софийский, который жаждала посетить душа его, и с тех пор всякое первое число мая, в день его страдальческой кончины, при совершении крестного хода обносят их кругом всего храма, доныне им ограждаемого. На противоположной стороне собора, против придела трех Святителей, кипарисная рака заключает в себе части Святых мощей христиан первых веков и угодников Русской земли, наипаче преподобных Печерских.

Но кому же празднует главный алтарь Святой Софии, имя коей, присное Царьграду, сделалось присным и у нас, в Киеве и Новгороде, в древнем Полоцке, Вологде и даже в дальнем Тобольске, как бы освящая собою края необъятной империи? По сказанию летописи византийской, первое наименование Святой Софии внушено было Ангелом Императору Иустиниану, когда он строил великолепный храм свой, и сие таинственное имя знаменует Слово и Премудрость Божию, самого едиnorodного Сына Божия! Но другие объясняют оное, изречением Соломоновых притчей: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь», относя слова притчи к Церкви Христовой, утвержденной на семи таинствах, и к Божественной Матери воплощенного Слова, Которому Она послужила домом. Посему и празднуется у нас Святая София во дни, посвященные памяти Пречистой Девы, с тою только разницею, что в Киеве избран день Рождества Богоматери, когда устраился на земле дивный Дом Премудрости Божией, а в Новгороде и в прочих городах –

день Успения, когда взят был на небо таинственный Кивот, вместивший в Себя Невместимого небесами. Различны и храмовые иконы Киева и Новгорода: в последнем Премудрость изображена в виде огнезračного Ангела Великого Совета на престоле с ликом Спасителя, знаменуемого сим Ангелом, поверх Него, имея по сторонам Богоматерь и Предтечу, а на облаках книгу Евангелия, посреди ангельских ликов. В Киеве же икона Святой Софии представляет Божию Матерь, стоящую на облаке и луне, под сению, которая утверждена на семи столпах и ступенях. На персях Пречистой Девы Божественный Ее Младенец с державою, благословляющий; сверху Бог Отец в сонме Ангелов и Дух Святой, от него исходящий и осеняющий Пречистую Деву; а на вершине сени надпись Соломоновых притчей: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов семь». Пред Материю Божию стоят на ступенях Праотцы и Пророки: по правую сторону Моисей, указуя перстом на скрижали, где начертано: «Радуйся, Скрижаль Божия, в Ней же перстом Отчим написася Слово Божие»; ниже него Аарон в ризе святительской, с прозябшим жезлом своим, знаменовавшим Деву; еще ниже Царь Давид в порфире, с кивотом Завета в руках, который был образом нового таинственного Кивота воплощенного Бога. На левой стороне Исайя Пророк с хартиєю своих пророчеств, указуя на слова: «Се Дева примет во чреве и родит Сына и нарекут имя Ему Еммануил»; ниже него еще три Пророка: Иеремия со свитком и Иезекииль с затворенными дверями храма в руках, ибо он пророчествовал, что пройдет ими Господь и они останутся затворенными, в знамение таинственного девства и Рождества; и Даниил с камнем, который, по словам его, сам собою отсекался от горы и возрос в гору великую, исполнившую всю землю. Облако и ступени знаменуют добродетели евангельские, имена коих на них написаны, а на столпах названия семи различных дарований Духа Святого. Такова сия символическая икона Святой Софии в древнейшем ее соборе Кевском, хотя едва ли не с большею вероятностью предполагать должно, что утраченный подлинник ее был писан по образцу Новгородского.

Есть и еще несколько приделов в храме Софийском, как в нижнем, так и в верхнем ярусе, которые все устроены в позднейшие времена, потому что при Ярославе был один только главный алтарь соборный, по обычаю первенствующей Церкви. В юго-западном углу нижнего яруса находится придел во имя дванадцати Апостол, а в северо-западном – тот, что был устроен митрополитом Гедеоном в 1689 году в честь Иоанна Предтечи, обращен теперь в теплую церковь Рождества Христова. В верхнем ярусе Софийских галерей есть восемь престолов, по четыре на каждой стороне: с южной – во имя Страстей, Воскресения и Вознесения Христовых и первого их проповедника в России, Апостола Андрея; с северной же – Богоявления и Преображения Господних, Иоанна Богослова и чудотворца Николая. Стены сего последнего исписаны ликами храмоздателей Киевских: равноапостольного Владимира и великого Ярослава; Святослава сына его, строителя церкви Печерской; внука Всеволода, устроившего обитель Кирилловскую; и другого внука, Святополка, соорудившего златоверхую; и еще двух князей, первых стратотерпцев Русских. На стенах же главной церкви Софийской изображены, по древнему церковному обычаю, семь вселенских Соборов.

Нельзя, однако, по нынешнему состоянию собора Софийского судить о древней его славе времен Ярославовых, когда стены были великолепно украшены мусиею и фресками, а пол устлан мрамором, остатки коего еще кое-где видны на порогах. По двум мраморным столпам, которые стоят в западном притворе, и столбикам из порфира на хорах, равно как по их перилам с лилиями и орлами, можно предполагать, что благочестивый храмоздатель ничего не щадил, дабы сделать подобие Киевское достойным образца Цареградского, хотя и не воскликнул, как Император Иустиниан: «Я победил тебя, Соломон!» В малом виде старался он подражать Византийской Софии, а его церковь была крестообразною внутри, с двойными галереями по сторонам и одною со входа, так что можно было торжественно совершать крестные ходы из алтаря вокруг всего храма, не выходя из-под его крова. Но не даром место основания собора было некогда полем битвы, ибо

Киевская Святая София пострадала более Цареградской. Если же одолела все свои опустошения, как и Ярослав одолел печенегов там, где заложил храм свой, однако много терпела в течение стольких бурных веков и мало сохранила от прежнего своего великолепия. Не только внешние враги, но и единокровные, дерзали подымать на нее руку.

Спустя сто тридцать лет после сооружения Святой Софии, в 1169 году, Мстислав, сын Андрея Боголюбского, княжившего во Владимире, подступил с дружинами отца к Киеву и не пощадил святыни первопрестольного города: он ограбил сокровища собора и прочих церквей. Тридцать лет спустя страшный пожар опустошил митрополию. Протекло не более двадцати четырех лет, и явился новый разоритель. Великий князь Рюрик Ростиславич с одиннадцатю Ольговичами, которые поставили его на престол отеческий, расхитили за то церковные сокровища выданной им столицы. Не успел еще Киев отдохнуть от сего бедствия, как нахлынули орды монгольские в 1240 году и обратили его в пустыню. Варвары искали сокровищ не только в кладовых, но и в стенах церкви и во гробах. Софийский собор получил длинную трещину в своде алтарном. Митрополиты Киевские уже не находили при нем себе пристанища. Кирилл завещал ему только прах свой; Киприан стал опять восстанавливать древнее здание, более чем через полтора века после разорения, во время владычества Литовского, когда провел несколько лет на кафедре Киевской, в ожидании Московской. Следующие митрополиты, поставленные Витовтом в отдельности от Москвы, обитали в Вильне при Великих князьях Литовских и не заботились о древней столице. В 1482 году Менгли-Гирей, хан Крымский, разорив Киев, нашел опять добычу в Святой Софии и послал золотые сосуды ее в дар союзнику своему, Иоанну III. Униаты, овладевшие собором в последние годы XVI века, привели его в совершенный упадок, в течение тридцатисемилетнего обладания, ибо они заботились только о приписанных к нему вотчинах. Сын Господаря Молдавского, ревностный Митрополит Петр Могила, исхитил собор из рук униатских и должен был много издержать на его обновление, ибо он угрожал падением. Тогда надстроен был

верхний ярус на древних широких папертях и еще две двухъярусные галереи и подведены каменные наружные опоры, обезобразившие здание; тогда же расширены окна и сделаны щиты и купоны, совершенно изменившие древний вид Ярославова храма.

Вся летопись главных эпох Софийского собора заключается в надписи, которая сохранилась доселе под его куполом вокруг сводов: «Изволением Божиим начат здатися сей Премудрости Божия храм в лето 1037 благочестивым Князем и Самодержцем всея Руси Ярославом Владимировичем, совершися же в лето 1039 и освящен Феопемптом Митрополитом Киевским и даже до лета 1596 православными Митрополитами от Востока содержим бысть. В лето же то отступником Михаилом Рагозою в запустение и разорение преиде и даже до лета 1631 в том пребысть. Благодатию же Божиею, егда царствовати начат Владислав IV, великий Король Польский, благочестивым Церкви Восточныя сынам возврати и отдаде. В лето же 1634 тщанием и иждивением преосвященного Архиепископа, Митрополита Киевского, Галицкого и всея России, Экзарха трону Константинопольского, Архимандрита Печерского Петра Могилы обновлятися начат во славу Бога, в Троице славимого. Аминь».

Со времен Петра Могилы собор обращен был в монастырь кафедральный, но братия его, хотя и довольно многочисленная, убого вокруг него помещалась: в развалинах древних каменных зданий и в деревянных, часто страдавших от пожара. Новое устройство монастыря Софийского началось уже в исходе XVII века, при Князе Гедоне Четвертинском, избранном в митрополиты Киеву после многих смутных переворотов южного края, когда древняя сия кафедра, с согласия Патриархов Вселенских, подчинилась навсегда Патриархии Московской. С помощью самодержцев Российских, Иоанна в Петра, ревностный Гедон совершенно обновил собор Софийский и все прилегавшее к нему здание; он же перенес из Любеча две чудотворные иконы, Спасителя и Божией Матери, которым и теперь поклоняются благочестивые посетители на двух столпах южного притвора. Преемники его постепенно распространили и украсили окрестные здания монастырские. Варлаам основал

новый дом митрополии против западных дверей Софийских, который окончил Рафаил и, соорудив колокольню, обнес оградой весь монастырь. Рафаил устроил также и богатый иконостас Софийский в нынешнем его виде, а Митрополит Тимофей, переведенный впоследствии на кафедру Московскую, довершил внутреннее украшение Святой Софии.

Давно уже митрополиты Киевские не погребались под сводами Святой Софии. Гедеон, первый после Кирилла на расстоянии трех столетий, завещал положить себя в своей кафедральной церкви, и даже в том приделе, где покоился предок его, великий Ярослав, ибо от племени храмоздателя происходит древний род князей Святополков Четвертинских. Замечательно, что оба обновителя собора Софийского, Петр Могила и Гедеон Четвертинский, происходили от рода княжеского и, казалось, были возбуждены чувством своего достоинства к поддержанию славного творения одного из величайших властителей Русских, но Петр Могила, как потомок чуждой династии Господарей Молдавских, не желал покоиться подле родоначальника Русских князей и завещал прах свой любимой им лавре Печерской; Гедеон же предпочел соседство славного предка.

Ближайшие преемники Гедеона, два Варлаама и Иоасаф, не нашли себе упокоения под сению собора Софийского, но со времен знаменитого Рафаила митрополиты Киевские стали опять постоянно погребаться при своей кафедре. Под ризничной палатой, в юго-западном углу собора, находится усыпальница, где почивают благочестивые иерархи, коими особенно прославился Киев в исходе минувшего столетия: имена Арсения, Гавриила и Самуила навсегда останутся памятны Церкви Киевской. Подле них отдыхают и Святители нынешнего столетия, Иерофей и Серапион, а последний, Евгений, неутомимый по своим трудам, который сохранил нам подвиги своих предшественников и древности своей многовековой епархии, завещал погребсти и себя в обновленном им приделе Сретения. Под левым крылом того же собора покоится и знаменитый проповедник, протоиерей Иоанн Леванда, тридцать лет оглашавший своды храма красноречивым словом своим,

которое доселе еще памятно благочестивым жителям первопрестольного Киева.

Я поднялся на хоры, чтобы там поклониться двум чудотворным иконам, к коим искони обращено благоговение православных. Одна, в северной галерее, Святителя Николая, именуемого Мокрым, прославлена спасением из воды утопавшего младенца; другая, в южной галерее, Купятинской Божией Матери, не менее знаменита своими чудесами и перенесена была в собор Софийский, православными иноками, из Пинского монастыря, когда им овладели униаты в XVII веке. Прикладываясь к сей иконе, с удивлением услышал я из-за нее молитвенные вздохи и увидел на самом краю хор благочестивую поклонницу. Она прилепила свечу свою к порфировым перилам и на коленях усердно молилась чудному изображению Богоматери, что в алтаре, которое представляется издали во всем своем великолепии с этой части хор. Пречистая Дева точно парит на золотом своем подножии как бы во глубине неба; Ее поднятые к небу руки и молят вместе, и осеняют; ярко горят три звезды на челе и раменах, а выражение молитвы в отрадных чертах Ее достойно величия Честнейшей Херувим. Ублажаемая всеми родами, Она как бы идет из глубокого неба навстречу Ее призывающим и все кажется ближе и ближе, чем более на Нее смотришь вовнутрь алтаря; невольно исторгается из уст сия утренняя песнь: «Во храме стояще славы Твоя на небеси стояти мним. Богородице, Дверь Небесная, отверзи нам двери милости Твоя».

При выходе из собора Софийского благосклонно предложил мне отец ключарь осмотреть еще по соседству ограды место древних обителей Ярославовых, Святого Георгия и Ирины, которые устроил он в честь своего Ангела и Ангела своей супруги, а несколько далее Златые врата. Небольшая церковь Великомученика, сооруженная Императрицею Елисаветой, указывает только место того знаменитого храма Святого Георгия, где, по словам летописи Несторовой, столовались, т. е. возводимы были на кафедру, все епископы Русские; Ярослав установил праздновать освящение его во всей Российской Церкви, в память своего христианского имени. Место сие

должно быть священо для каждого воина русского, ибо доселе кавалерственный праздник Победоносца, одушевляющего дружины к подвигам ратным, совершается в день, избранный великим Ярославом; рукою Великомученика он указал победные пути сынам своим во все концы вселенной. В обители Георгиевой был пострижен и погребен несчастный сын Святого Владимира Судислав, который провел в темнице все долголетнее царствование Ярослава и освобожден был племянниками только для того, чтобы свободно вздохнуть пред смертью. Теперь же мраморный памятник Господаря Молдавского Иосилантия, бедственно скончавшего свое княжение, составляет украшение церкви, где некогда покоился прах развенчанного князя. Еще недавно, несколько развесистых лип живописно осеняли сей новый памятник благочестия Елисаветы, но срублены столетние стражи урочища Ярослава, и обнаженная церковь лишена их прохладной тени.

Против южных ворот Софийской ограды открыты были в 1882 году усердием одного из антиквариюв Киевских остатки древней обители Святой Ирины, засыпанной вместе с Золотыми воротами Ярослава земляным валом в исходе XVI века, когда еще Старый Киев едва был исторгнут из-под владычества Польши. Открыта одна алтарная часть, с полукружием Горнего места и каменными палатками по обеим сторонам, где еще видны места древних гробов; остальное здание доселе под крепостным валом; но несколько древних крестов и окладов, найденных в развалинах церкви, и остаток стеной живописи, изображавший Святителя на коленях, с благословляющею рукою, свидетельствуют о благолепии древнего храма. Ярослав, подражая во всем образцам Византийским, соорудив у себя Святую Софию, конечно пожелал иметь и церковь Святой Ирины, бывшую близ Софийской. Она доселе существует в Царьграде, но обращена в хранилище оружия, вопреки своему мирному назначению, ибо самое имя Ирина означает по-гречески «мир».

И Златые врата были устроены великим Ярославом в память тех златых врат Цареградских, к которым пригвоздил ратный щит свой предок его Олег. Через них совершались

торжественные въезды князей наших, когда возвращались они с поля битв, часто междоусобных, или вступали при кликах народных в престольный град свой, чтобы воссесть на престоле отеческом. О них ударился некогда победный меч храброго короля Болеслава, и даже навсегда сохранил следы сего удара. Хан половецкий Боняк дерзнул сорвать с них позлащенную медь в память своих приступов к столице русской, и много мечей, русских и польских, и копий половецких, разразились о медные запоры сих знаменитых врат, доколе не сокрушили их Орды монгольские. Вместе со славою Киева прошла и их слава. От золотых украшений, давших им громкое имя, от громадного зодчества, следы коего еще доселе видны в камнях обрушенного свода, ныне уцелели только две боковые стены – памятник достойный сохранения! С обеих сторон подымается высокая насыпь вала, в котором зарыты были летописные врата сии, вместе с церковью Святой Ирины, и где были обретены тем же ревнителем священной древности. Образ Казанской Божьей Матери, стоявший на остатках врат до 1695 года, перенесен в убогую Троицкую церковь, которая и доныне существует в старом Киеве. Икона сия Пречистой Девы была единственным воспоминанием церкви Благовещения, которую соорудил великий Ярослав на вершине Златых врат своих; он хотел, чтобы забрала Киевские тверды были заступлением той, чей образ начертан мусиею на нерушимой стене Софийской.

Одинокими теперь стоят, в пустоте Старого Киева Златые врата сии, возвышавшиеся некогда на самой торжественной из стогн столицы! Кто взглянет чрез них к северу, на Старый Киев, увидит часть храма Георгиева и высокую колокольню Софийскую; кто взглянет к югу, увидит обширное поле, разрытый вал и овраги, где разоряется новый город, а вдали великолепное здание – рассадник просвещения, украшенный именем равноапостольного Просветителя Руси и вполне достойный того Царственного мановения, по коему внезапно исторгся из окрестной пустыни. Златые врата, бывшие некогда гранию древней столицы, теперь станут на распутии тарого и нового Киева, между святилищем наук и сокровищницею просвещения духовного, между Святой Софиєю, которая есть

Слово и Премудрость Божия, и Софию земной, освящаемую свыше лучами небесной. Господь да благословит опять входы и выходы Златых врат, которых самые остатки, уваженные посреди обновлений Киева, будут свидетельствовать потомству, что новый путь гражданского просвещения Руси под сению Святого Владимира пролегает по древней стезе духовного, указанного еще рукою великого Ярослава, из глубины Святой Софии.

Михайловский монастырь

День спустя, во вторник, определенный еженедельно, со времен Митрополита Киевского Иоасафа, для чтения сложенного им акафиста над мощами Великомученицы Варвары, посетил я златоверхую обитель Михайловскую. Толпа народа уже заполнила преддверие придельной церкви, где почивает нетленно святая дева Илиопольская, и с трудом мог я проникнуть на хоры; с их вершины отрылось мне трогательное и величественное зрелище. Посреди церкви, исполненной усердными богомольцами, возвышался, как бы некий благодатный остров из шумного моря человеческих волн, среброизваянный столп под раззолоченною сению, и на нем в драгоценной раке сокровище мощей Великомученицы. Открыта была рака; в ней под богатейшим покровом покоилось нетленное тело, но вместо девственной главы, отсеченной жестоким родителем, приставлена была к изголовью великолепная икона, вся в алмазах, обыкновенно висящая над царскими дверьми сего придела, на коей изображен небесный лик пострадавшей. Взирая на сию прекрасную икону, думаешь видеть Великомученицу, которая как будто приподняла из раки ангельскую главу свою и, сквозь смертный сон, улыбается ликам, воспевающим на земле ее страдания, воспетые Ангелами на небесах.

Святитель в облачении стоял окруженный своим клиром на ступенях пред ракою, и в руках дьяконов горели светильники, коими от времени до времени осенял он народ. Облака фимиама подымались из кадильниц и вились около столпов великолепной сени, как бы готовые унести на небо все сие духовное зрелище; а между тем внятно оглашалось из уст Святителя все житие Великомученицы в словах и песнях ее акафиста, и на каждое земное ее страдание откликались лики, как бы из глубины неба: «Радуйся Варвара, невеста Христова прекрасная!»

Трогательна повесть краткого жития и долгих мучений сей юной, но доблестной невесты небесного Жениха, и не напрасно

Церковь влагает ей в уста пламенные слова ее божественной любви: «Агница Твоя, Христе, Варвара зовет велиим гласом: Тебе, Женише мой, люблю и, Тебя ищущи, страдальчествовую, и сраспинаюся, и спогребаюся крещению Твоему, и стражду Тебе ради, яко да царствую в Тебе и умираю за Тя, да и живу с Тобою; но, яко жертву непорочную, приими мя, с любовию спожершуюся Тебе».

Единственная дочь именитого язычника Диоскора, рожденная во граде солнца и наученная поклоняться светилам, она, как некогда волхвы, звездою научилась поклоняться Солнцу Правды, и над нею сбылись слова Апостола Павла: «Невидимая Божия, Его присносушная сила и Божество, видимы нам бывают чрез рассматривание тварей» (Рим.1:20). Заключение отцом своим на высокий столп, дабы никто не взирал на ее земную красоту, она возвела очи на красоту небесной тверди и, расспрашивая окружавших ее, кто столь дивно устроил весь чин вселенной, не могла поверить, чтобы бездушные идола были ее творцами. Тогда коснулась чистого сердца ее благодать Божия, ибо созерцание Бога есть одно из блаженств, обещанных чистым сердцем. С тех пор уже мысль о Боге ее не оставляла, доколе небесный учитель, Дух Святой, не дал ей земного наставника в христианском пресвитере, который открыл ей все таинства нашего спасения и «тайне возродил водою крещения». Это случилось во время отсутствия ее отца. Напрасно предлагая дочери, уже достигшей полного возраста, самых именитых женихов, он предоставил ей, наконец, полную свободу в образе жизни, но не мог предполагать, какого жениха изберет себе Святая Варвара.

Безумною яростию разгорелось сердце Диоскора, когда узнал он о нечаянном обращении своей дочери от тьмы язычества к свету Христову. Умножение света в устрояемой им купальне обличало ему духовное просвещение девы, ибо она, исполненная благоговения к таинству Пресвятой Троицы, велела сооружавшим здание устроить три окна вместо двух назначенных отцом, и сама изобразила перстом своим крест на мраморном водоеме. Спрошенная Диоскором о тройственном свете, святая Варвара исповедала пред ним Троицу

Единосушную, Отца, Сына и Святого Духа, и осудила немощь его идолов, которых сокрушал крест распятого Господа Славы. Раздраженный, он в бешенстве схватил меч и устремился за дочерью, но она укрылась от него в расселинах камней. Господь хотел спасти многих зрелищем ее страданий и потому допустил жестокому отцу обрести ее в пещере. Истомив дочь свою биением, голодом и жаждою в душной темнице, он предал, ее наконец в руки столь же суровых судей и требовал, чтобы и ее судили как отступницу веры отеческой. Игемон думал совратить ее сперва кроткими советами, потом угрозами, но, видя непреклонность исповедницы Христовой, велел терзать ее воловьими жилами, доколе вся земля вокруг не упилась ее невинною кровию. Тем мужеством становилась дева, чем более умножались ее муки. Брошенная в темницу вся в ранах, она вышла из нее исцеленною на другое утро, как бы из брачного чертога, для новых ран. Ожесточенные мучители требовали от нее опять жертвоприношения своим идолам и опять услышали доблестное исповедание того же великого имени Христова, пред коим преклоняется всякое колено небесных, земных и преисподних, ибо нет другого имени под небесами, чрез которое бы можно было спастись. Разъяренный игемон велел повесить на древе обнаженную мученицу, строгать тело ее железными когтями, опалать истерзанные ребра горящими свечами, и бить в нежную главу молотом. Все одолела укрепляемая свыше Варвара, и даже некая робкая жена, именем Иулиания, одушеваясь тем же мужеством при зрелище ее страданий, дерзнула в лицо укорить жестокого игемона и разделила участь Великомученицы. Обоих, для большего поругания, послал он обнаженными по стогнам города, но Господь, покрывающий облаками небо, осенил и их невидимым покровом от наглых взоров. Наконец, когда нечестивый судья осудил их на смертную казнь, сам неистовый отец вызвался быть исполнителем приговора и не пощадил собственного рождения. Она же, великодушная дочь, преклонив колена, молила Небесного Жениха своего, сияющего солнцем Своим на злых и на добрых, сотворить милость каждому человеку, который с верою воспомянет ее страдания, да не

приблизится к нему лютая болезнь и не восхитит его внезапная смерть, и под мечем отвергающего ее родителя предала дух свой восприявшему ее Небесному Отцу.

Странная судьба священных мощей Великомученицы! Из родственного Илиополиса, от подошвы гор Ливанских, приплыла она в Царьград и оттоле последовала за соименною ей Царицею греческою, супругою Великого князя Святополка, в новопросвещенный верою Киев, где устроилась для нее златоверхая обитель. Настала гроза монгольская, и скрыты были мощи под ступенями столпа церковного; миновалась гроза – и вот они опять воссияли из-под спуда и проливают благодать исцелений на притекающих к ним с верою и любовью. По окончании акафиста Варлаам, викарий митрополии Киевской, совершил Божественную литургию и говорил назидательное слово. Народ устремился к святым мощам, и я также обменял золотое кольцо с нетленного перста сей небесной невесты, обручавшейся на вечное царство с Божественным своим Женихом. Потом посетил я Преосвященного в его келлиях и после приятной беседы испросил у него дозволений осмотреть древнюю его обитель, которая служила одно время и кафедрою митрополитам Киевским, когда униаты похитили у них собор Софийский; теперь же назначена она местопребыванием их викариев, епископов Чигиринских.

Еще первый митрополит Киевский Михаил в исходе X века поселил иноков на горе, дотоле называвшейся Чертовым Беремищем, по соседству идола Перунова и по тем языческим требищам, какие на ней совершались. Он построил там деревянную церковь во имя своего Ангела, ибо Архистратиг Небесных Сил представляется сокрушителем преисподних; престол во имя его свидетельствовал о победе, одержанной над царством тьмы, на самом месте ее владычества. Внук великого Ярослава, Святополк Изяславич, названный во Святом крещении Михаилом, воздвиг во имя своего Ангела великолепную каменную церковь на место деревянной, и она прозвана, равно как и вся обитель, Златоверхою – от пятнадцати златокованных глав своих. Подражая славному деду в устройстве внутреннем нового храма, Святополк украсил

мусиею стены алтаря, и остатки Тайной Вечери, совершенно сходной с Софийскою, с такими же греческими надписями над Горним местом свидетельствуют о древнем великолепии храма; но это одно лишь уцелело от священной старины, ибо обитель Михайловская много пострадала при разорении монгольском.

По обе стороны переднего притвора главной церкви еще видны в стенах признаки гробниц, и полагают, что здесь погребены храмоздатель Великий князь Святополк, а напротив его супруга, греческая царевна Варвара, дочь Комнинов, принесшая с собою сокровище мощей Великомученицы в новое свое отечество. Три боковых придела: с северной стороны во имя Святой Варвары, где почивают ее мощи, и два с южной, празднующие Введению во храм Божией Матери и Великомученице Екатерине, устроены не ранее XVII века. И в этом приделе есть частицы Святых мощей: мучеников Пантелеймона и Харалампия и епископа Тримифунтского Спиридония. В соборной церкви, за правым клиросом, благоговейно притекают граждане Киевские к чудотворной иконе Божией Матери, именуемой Новодворскою. Богато раззолочен иконостас главного алтаря, но лучшее его украшение есть храмовая икона Архистратига Михаила, великолепно украшенная драгоценными камнями; ею ознаменовалось благочестие Императора Александра в залог благодарности к Господу, спасшему его державу от нашествия иноплеменных. Возвратясь победителем из умирной им Европы, он принес в колыбель веры отеческой, в древнюю обитель Архистратига Небесных Сил, сию драгоценную икону того невидимого вождя, который руководил путем побед полки русские, от зарева родной столицы до пощаженной им столицы врагов.

По правую сторону Михайловского собора находится, на монастырском дворе, каменная трапезная церковь Иоанна Богослова, заменившая женскую обитель того же имени. Она основана была в 1621 году митрополитом Иовом Порецким, которого, после долгого запустения митрополии Киевской, посвятил Патриарх Иерусалимский Феофан. В Златоверхой обители на время основалась тогда кафедра Киевская, по гонениям Униатским. Престарелая супруга Иова была первую

игумению девичьего монастыря, существовавшего целое столетие в такой смежности со Златоверхим, по древнему обычаю, когда мужские и женские обители находились под одним настоятельством. Недавно при строении ограды Михайловской, открыто было на возвышенном месте, к юго-востоку, каменное основание нескольких церквей; полагают, что это остатки мужского Дмитриевского монастыря, от которого и самая дорога с Крещатика на Подол называлась Дмитриевским взвозом. Смежность сих развалин со Златоверхою обителию доказывает еще, в какой тесноте воздвигались в древности священные здания, одно близ другого. Сын великого Ярослава Изяслав, в Святом крещении Дмитрий, столь мало достойный знаменитого отца своего, соорудил в 1081 году обитель Дмитриевскую, надеясь богатствами ее привлечь многих иноков из лавры Печерской, от гонимого им Антония. Но, как говорит Преподобный Нестор, «многие монастыри от князей и бояр и богатства поставлены, но не таковы они, как те, которые поставлены слезами и пощением, молитвою и бдением». Сын Изяслава, Ярополк, убитый изменнически одним из своих оруженосцев после междоусобной брани с дядею Всеволодом, погребен был в обители, созданной его отцом. Митрополит Иоанн и Великий князь с сыном своим Мономахом, встретили с плачем тело убиенного и положили при церкви Верховных Апостолов, которую сам он начал сооружать, но не успел окончить.

Крайний холм горы по соседству Дмитриева монастыря, на котором, вероятно, в древности стоял также кумир, назывался Крещатицким Беремищем и впоследствии Кучинскою горою, от имени владельца; место сие слыло околдованным в народе. Страшные рассказы о ночных явлениях злых духов сохранялись в преданиях народных, которые свидетельствуют истину событий летописных, о низвержении идола, здесь некогда стоявшего, ибо, по словам летописи, не даром плакал Перун, когда влекли его с Чертова Беремища в глубокий Днепр.

Осмотрев таким образом все, что доселе существует примечательного в Старом Киеве, искал я и следы давно мивувшего, еще взывающего из недр земли гласом своих

развалин или уже только сохраненного одною памятью славных событий. Судное слово «земля еси и в землю отыдеши» (Быт. III) глубоко сбылось над поколениями и зданиями Старого Киева. Слой камней и костей обозначены в недрах земных лета их и мимопротекшие над ними века. Где бы ни коснулся заступ—езде могилы, каких бы новых оснований ни хотели ископать в летописях земли сей: дома ли молитвы или частного жилища, или охранной бойницы – везде проглянут остатки бывших, давно уже стертых с лица земли; поглотившая их смерть оскалит свои каменные зубы, как бы в горькую насмешку новому поколению, ищущему себе основы в такой бездне минувшего. Осыпется ли вал, которым столько раз обносили старый Киев, и вот выглянут из-под него Златые врата Ярослав – памятник его могущества и величия Киева, или врата Батыевы – горькая память разорения монгольского. То мирный храм Ирины со своими усыпальницами, обретенными чрез столько лет забвения, начинает опять отогревать на родном солнце Киева прах своих усопших; то древняя Десятинная церковь на время раскроет тайны своих подземных сводов, чтобы опять укрыться под щит нового храма, хотя не достигшего ее широких размеров, однако осенившего благоговейно ее священные останки; или из-под горы Перуновой вымываются живыми ключами украшения мертвых кумиров, которые еще блюдет Киев, как в тайнике, вместе с костями их сокрушителей, в материнской утробе своих гор. Киев, колыбель нашей веры, новый Сион наш, подобно древнему, есть град Великого Царя, и к нему может также относиться псаломный стих сей: «Горы окрест него и Господь окрест людей своих» (Пс. 124:2).

На четыре неравные части разделен Старый Киев со своими отдельными холмами и зданиями. Вся обрывистая гора, на которой стоит он, возвышается, как крутобережный остров, из глубины окружающих его долин, неприступный только со стороны Днепра, более открытый с других сторон. На самой вершине его теснились в малом городке древние князья, там, где ныне церковь Первозванного; это есть первое отделение Старого Киева, искони обнесенное валом, и к нему принадлежала также верхняя часть Михайловского, а нижняя

его половина укреплена только в позднейшие времена. Ярослав много распространил к западу столицу свою, соорудил митрополию и две обители на поле битвы с печенегами, но еще долго находилась вне огады Старого Киева, глубокая долина, живописно врезавшаяся в недра горы Киевской; она слыла в древности Перевесищем, потому что лежит на скате Старого Киева. Из огады Михайловской вступил я опять на летописную почву древнейшего населения Старого Киева.

Здесь, между монастырем и церковью трех Святителей, еще сохранялась отлогость бывшего Боричева взвоза, где основался Кий, князь Полянский, давший свое истинное или баснословное имя, вместе с братьями и сестрою, месту их жительства и окрестным урочищам. Здесь начало Киева и современных ему названий: Щекавицы, горы Олеговой, и Хоревицы, горы Ольгиной, и реки Лыбеди, – доселе сохранивших те имена, какими искони огласила их Русь. Еще тогда речка Почайна, ныне поглощенная Днепром, протекала у подошвы горы Киевской, и в устье ее, где теперь Крещатик, были пристань и перевоз чрез Днепр. Вверх сего Боричева взвоза киевляне несли в ладьях надменных послов Древлянских, приходивших сватать за своего князя языческую Ольгу после убиения ее супруга, и вниз по той же дороге влачим был, по слову Владимирову, кумир Перунов, гордо возвышавшийся на соседнем холме. Вот и церковь Трехсвятительская, сооруженная Святым князем в честь Ангела своего, Великого Василия, на том месте, где некогда князь тьмы в лице Перуна требовал от него идольских жертв и даже крови мученической.

Божественная Кровь приносилась в ней, за спасение уверовавших в Бога Владимирова, когда в первый раз удостоился я взойти в ее священную внутренность. Царские врата были отверсты и с ними Небо; священник стоял во вратах с Чашею в руках и возглашал: «Со страхом Божиим и верою приступите». Немного молитвенников было в храме, все они поверглись ниц у дверей царских, и с ними я, пораженный зрелищем святости. Служитель алтаря, благословив паству, по древнему благочестивому обычаю Малоросии, прикоснулся

священною Чашею ко главам нашим, когда опять возгласил: «Всегда, ныне и присно и во веки веков». Такая необъятная вечность, такая дивная Пасха, которой будем еще искреннее приобщаться в невечернем дне Царствия Христова, сретила меня на том месте, где совершал свою первую Пасху равноапостольный Князь, очищенный от грехов язычества, и сердце мое исполнилось радостным чувством благодарности к сему великому Просветителю нашего отечества.

Первобытная церковь Владимирова была, вероятно, деревянная, по скорости устройства, но впоследствии ее заменили каменной благочестивые князья Киева, ибо после разорения Батыева остались каменные ее развалины. В бедственном запустении оставалась она до XVII века, когда восстановил ее митрополит Петр Могила, движимый ревностию к святости места и памяти основателя. В последний раз еще обновлена она в исходе того же века и по желанию усердствовавших переименована Трехсвятительскою, ибо в числе сих иерархов и Великий Василий. В северо-восточной стене сей церкви доселе сохранялись кирпичи древней работы, свидетельствующие, что эта часть здания уцелела от разорения монгольского.

Около сей древнейшей церкви Старого Киева предполагают и первобытное жилище Великого князя, которое уже во времена Нестора перенесено было на иное место, ибо он говорит в летописи своей, что двор княжеский был прежде в городе там, где при нем стоял двор Вротиславль и Чудин. Место, противолежащее церквам Десятинной и Трехсвятительской, как находящееся посредине древнейшего населения Старого Киева, по всей вероятности, было занято палатами его возвеличившихся властителей. Но судя по описаниям Нестора, нет сомнения, что каменный терем Ольги стоял на месте нынешней Андреевской церкви; он указывает его позади Десятинной, над самою горою; и оттоле точно могла видеть Княгиня, как несли послов Древлянских, с Почайны по Боричеву взвозу, и любоваться живописною долиною, которая расстилается вверх по Днепру, до любимого села ее Вышгорода на горе Хоревице.

Около бывших княжых палат в Старом Киеве, где и теперь находят много щебня и костей, должно искать двух обителей княжеских, женской и мужской, основанных властителями Киева по соседству дворца их, дабы присные их, сыны и дочери, могли постригаться близко от дома родительского и сами они обретали бы себе последний приют недалеко от своего жилища, под сению неумолкаемых молитв иноческих. Это Андреевский, или Янчин монастырь и Феодоровский, или Вотч, т. е. Отчий. Всеволод, сын Ярослава, заложил в Старом Киеве в 1086 году первую церковь во имя Первозванного и при ней устроил обитель для дочери своей Анны, или Янки которая подала пример постриженным княжеским инокиням и, собрав около себя девиц, сама обучала их пению, чтению Св. Писания и полезным искусствам. Там погребена была и супруга Всеволода, княжна Половецкая Анна, и, вероятно, погребались прочие особы княжеского дома, о коих, однако, молчат летописи. Но из мужской отрасли Ярослава они упоминают только о погребении в Анниной обители сына Мономахова, второго Великого князя Ярополка и сына Боголюбского Владимира, удельного князя Дорогобужского.

Напротив того, мужской монастырь прославился погребением князей, Великих и удельных, и доселе открываются в частных домах к югу от Десятинной церкви погребные провалы и склепы, вероятно, ему принадлежавшие. Сын Мономаха, князь Мстислав, прозванный Великим, заложил в 1122 году каменную церковь во имя Великомученика Феодора Тирона и около нее устроил впоследствии монастырь мужской, который дети его привыкли называть Отческим, или Вотчим. Сам основатель Мстислав, лучший из сыновей Мономаха, обновил собою княжескую усыпальницу своего племени, и 35 лет спустя, рядом с ним возлег доблестный, но многомятежный сын его Изяслав, княжение коего ознаменовало столькими бурями воинскими бедствующую столицу, ибо это было время самого сильного разгара междоусобиц Ольговичей с Мономаховичами. Братья его, Великие князья Ростислав и Мстислав, и удельные Владимир и сын Ярополка, другой Изяслав, князь Луцкий, один за другим после многих браней

спустились под мирные своды Отчей обители, и смерть примирила и уравнила всех.

Но сия тихая обитель, усыпальница ратных князей, была однажды свидетельницею горького зрелища их междоусобиц. Самый несчастный из всех Ольговичей Игорь, кроткий и праведный, после шестинедельного княжения на престоле Киевском был свергнут племянником своим Изяславом, внуком Мономаха, и, переходя из темницы в темницу, испросил себе наконец мирный приют в келлиях Отчего монастыря. Игорь постригся, и, казалось, ангельский образ, отрешивший его от суеты мирской и всякого земного величия, должен был оградить и от сопряженной с ними опасности; совершилось противное, и пролилась невинная кровь его! Братья Ольговичи вступились за невольного инока, которому стены монастыря служили вместе и оградой темничною. Великий князь Изяслав, вызванный ими как бы на совещание в Чернигов, заблаговременно узнал о готовившейся измене и послал известить о том в Киев брата Владимира, митрополита Климента и народное Вече. Возмутился народ. «Ольговичи готовят гибель нашему князю! – воскликнула буйная толпа. – Убьем Игоря!» – и в слепом порыве ярости устремилась в монастырь его. Напрасно возбранял Владыка, напрасно князь Владимир на борзом коне хотел обскакать разъяренных, чтобы спасти единокровного – толпа заградила ему дорогу. Игорь, ничего не подозревая, стоял в церкви пред иконою Богоматери и слушал Божественную литургию. Буйная чернь, не уважая святости места, ни сана, извлекла инока из храма и ограды; смятенный Владимир встретил мучителей и жертву уже во вратах. «Брат мой, куда?» – воскликнул к нему болезненно Игорь. Владимир, соскочив с коня, покрыл его иноческую рясу своею княжеской мантией, взывая к народу: «Братья, не можете делать зла, не убивайте Игоря!» Сам, осыпaeмый ударами вместе с мучеником, он с трудом довел его до двора матери своей и ринулся в ворота, надеясь, что уважат хотя жилище Великой княгини. Но ничего не пощадила неистовая чернь, разбила ворота дома княжеского, и в сенях на самых стуненях умертвила Игоря. И князь, и инок – все было забыто в убиенном, виделся один Ольгович.

Обнаженного повлекли за ноги сквозь торжище до Десятинной церкви, а оттоле, бросив его на случившуюся праздную телегу, свезли на

Подол; тогда только остыла безумная ярость. Князь Владимир послал сказать народу: «Вот вы уже убили Игоря, дайте хоть похоронить тело его!» – народ же, опамятовавшись, слагал вину на Ольговичей, умысливших злое на их князя. Невинный страдалец пролежал ночь в Новгородской часовне; утром митрополит послал игумена той обители, где провел Игорь остаток горьких дней своих, предать с честью священные останки в церкви Святого Симеона, что была на скате Старого Киева к Подолу. Церковь причла его к лику святых своих заступников вместе с первыми страстотерпцами русскими, Борисом и Глебом, столь же несправедливо убиенными, и доселе призывается молитвенно имя Игоря в храмах древней столицы, близ самого места его убиения.

Позади бывшей обители Отчей, должно искать и древние ворота Батыевы, которые находились во внутренности города, на пути от Десятинной церкви к Святой Софии, и так названы, быть может, оттого, что башни их разорены завоевателем монгольским; остатки сих башен еще видны были до исхода прошедшего столетия.

Десятинная церковь

Вот, наконец, и славная Десятинная церковь Святого Владимира, начало и венец всех священных зданий Старого Киева, прежде всех сооруженная Благоверным князем и ныне после всех обновленная, из малого уцелевшего придела и обширных развалин. Просветитель Руси не пощадил трудов и сокровищ для сооружения достойного храма Господу, просветившему его духовную и телесную тьму. В самый год своего крещения, в исходе X века, рукою опытных художников греческих начал он сооружение первой соборной церкви в своей столице. Владимир посвятил ее Пречистой Деве, празднуя честный собор Ее на другой день спасительного Рождества Сына Ее и Бога, и определил десятую часть своих доходов на поддержание нового храма, отчего и сохранилось ему название Десятинного. Туда перенес он блаженные останки своей бабки, Великой княгини Ольги, от которой почерпнул начатки христианства; там похоронил благоверную супругу Анну, Греческую Царевну, утверждавшую его на пути спасения, и сам упокоился наконец под сению той же церкви. Сын его Ярослав, движимый благочестием к памяти усопших, вырыл кости дядей своих Ярополка и Олега, убиенных еще в язычестве, и, окрестив торжественно, положил в церкви Десятинной, где опочил и великий отец, а сам отошел на смертный покой под сень собственного храма Софийского. Но внук его Изяслав, столько раз обуреваемый врагами и единокровными на мятежном престоле Киевском, и правнук Ростислав, в юности умерший, – последние из князей положены в основаниях Десятинной церкви, которая с тех пор перестала быть усыпальницею племени Вдадимирова.

Место, избранное Святым князем для сооружения храма, было ему горько памятно мученическою смертью двух христианских варягов, Феодора и Иоанна, из коих сын, прекрасный лицом юноша, был назначен по жребию в жертву Перуна, а нежный отец, не хотевший его выдать, вместе с ним погиб от ярости народной. Это были единственные жертвы,

пострадавшие на Руси до водворения Христианства, и на их костях соорудил раскаянный Князь соборное святилище, которое великолепно украсил мусиею и иконами Корсунскими, но лучшим его сокровищем были Святые мощи Климента, Епископа Римского, и в честь его находился придел в Десятинной церкви. Все сии сокровища, дважды расхищенные Ольговичами при Великом князе Рюрике, исчезли при разорении монгольском вместе с храмом, ибо к нему примыкала городская стена Старого Киева и около него кипели самые жестокие бои. От всего храма остался только один южный придел, Святителя Николая, с частию церковной стены. В таком ужасном запустении брошены были священные развалины в течение четырех веков, тяжких для Киева игом татарским и литовским, доколе не явился наконец обновитель, сам рода княжеского, в митре святительской. Ревностный митрополит Петр Могила не вынес зрелища развалин престольного своего города, и все, что только могла восстановить рука его, в краткое его правление, было восстановлено. Он пристроил к останкам Десятинным малую церковь – частию каменную, частию деревянную – во имя Рождества Богоматери, с приделом верховных Апостолов в верхнем ярусе. Несколько неизвестных греческих писем, иссеченных на диком камне, вставлены были между кирпичами новой церкви над южным окном во свидетельство ее древности, как тайные руны, которые обретает путник на пустынных скалах Скандинавских. Там стало опять совершаться Богослужение, прерванное четырьмя веками запустения; прочая же часть обширных развалин оставалась под землею до наших времен. Еще прежде сооружения церкви митрополит, имевший обычай посещать каждую субботу разные храмы своей паствы, пришел помолиться и над останками Десятинной церкви, в убогом ее приделе Святителя Николая. Когда же по выходе из храма обзрел его окружность, он нечаянно увидел в близком расстоянии небольшую яму и приказал глубже ее разрыть. Но сколь велико было утешение благочестивого пастыря, когда он открыл два мраморных гроба и узнал по их надписям, что в них покоились Святой Владимир и его супруга. С благоговением перенес он нетленную главу Просветителя Руси в древнюю его

церковь на Берестове, где был некогда княжеский дворец, а наконец и в самую лавру, ибо не безопасен был Киев от набегов Крымских.

Протекло еще два столетия после убогого, хотя и благоговейного обновления церкви Десятинной, и вот уже в наше время, одному из жителей Киева пришла благочестивая мысль восстановить совершенно древнюю церковь Святого Владимира из вековых ее развалин. В 1823 году раскрыто было под землею обширное основание и опять явился на свет древний чертеж внутренних и внешних стен храма с тремя полукружиями алтаря, из которых средний резко выдавался вперед, и с двумя приделами в трапезе, где выложены были диким камнем места для гробниц. Весь помост под алтарем еще сохранил свою мозаику разноцветного мрамора, и грудой на нем лежало множество мусии, обвалившейся с купола и стен; 26 сажень в длину и 16 в ширину, составляли размер древнего здания. Между многими обломками мрамора найдена была надгробная доска без надписи, разбитая на три куска, а при вторичном исследовании развалин открыли еще две гробницы, из каменных фиолетовых плит: одна без всяких украшений, а другая с богатою резьбою, на подобие Ярославовой. Они находятся теперь в земле, вне нового здания, с юго-западной стороны. Но первая, которую должно предполагать Вдадимировою, ибо открыта в том же самом месте, где митрополит Петр обрел честную главу равноапостольного Князя, возшла под алтарную часть храма, и над нею устроена, с правой стороны иконостаса, великолепная гробница Просветителя Руси с серебряными изваяниями. Мозаики и древности, найденные в основании Десятинной церкви, хранятся в главном алтаре, и в стены храма вложены камни, с письменами греческими, уцелевшие от давних времен. Новое здание сооружено в византийском вкусе, с двумя приделами, во имя Святого Владимира и Чудотворца Николая, и хотя оно несходно с прежним чертежом Десятинной церкви, однако должно быть драгоценно для каждого русского, как воспоминание древнего святилища, воскресшего из развалин.

Итак, вот все, что осталось нам от Старого Киева, где некогда с такою славою княжили князья Русские. Но кто подымет предо мною пелену минувшего? Кто вызовет из тьмы времен события былые и лица давно безличные, чтобы хотя их памятью оживить мертвое урочище? Первыми восстают из мрака три брата и сестра, давшие имена своим местам, дотоле безымянным, – это начало Киева. Вот Кий сидит на горе своей, взимая дань с переходящих Днепр, и все опять погружается во мрак на несколько столетий. Плынут с севера вниз по Днепру ладии варяжские, и покоряется Киев Оскольду. Плынут они с юга вверх по Днепру, искушенные бурей под Царьградом, и приносят с собою начатки веры Христовой. Опять ладии с севера: в них завоеватель Олег с младенцем Игорем, и падает Оскольд на берегу Днепра, там, где доселе место слышет его могилу. Почесть громкой могилы ожидает и победоносного Олега в новой его столице: брат Кия уступает ему целую гору свою Скавицу в надгробный курган, как бы некую пирамиду Фараонов. Вот и языческая Ольга, полная славных деяний того, чье носит имя, женской рукою крепко держит бразды правления, мстит соседям за малодушие и за смерть супруга; но вот и та же христианская Ольга, достойная Блаженной Царицы, которой восприяла имя во Святой купели, внушает первые начатки Христианства юному внуку и готовит просвещение Руси.

Ратно княжение Святослава: земля ему ложе, седло изголовье, звездное небо покров; костями хочет он лечь, дабы не посрамить землю Русскую, но не на синем Днепре, а на красном берегу Дуная; а между тем печенеги облегают его столицу, мать и дети в осаде. Юноша русский обманывает врагов, с уздою в руках ищет коня чрез весь стан их и, переплыв Днепр, кличет на помощь воеводу Святослава; еще немного и – князь печенегский пьет из черепа русского князя! Опять три брата хотят княжить в Киеве, но уже нет меж ними мира, как между тремя первыми; другой Олег и Ярополк падают в единокровной брани; Владимир сквернит идольскими требищами горы Киевские, на коих скоро должна воссиять благодать Божия, по слову Апостола, и он же сам очистит их от кумиров, ибо на него указал Первозванный. Совет в княжеском

тереме; послы иноверные предлагают каждый свою веру, послы Владимировы избирают греческую; сердце его уже давно к ней расположено, имя Ольги решает бояр. Опять, и в последний раз, закипел судами русскими греческий путь, и тою же стезею возвращается из покоренной Корсуни уже просвещенный верою Князь; с ним Святые иконы и мощи, с ним епископы, пресвитеры и греческая царевна, его супруга. Изменяет лицо свое Киев: Перун, алкавший жертв, мечется вниз по Бориचेvu взвозу в глубокий Днепр и плывет до Выдубичей при последних кликах языческих; первая церковь встает на холме его, первая обитель подле холма – храм Десятинный – сооружается на горах Киевских, и десятина вся Руси ему обречена; в тихих водах Почайны крестит благоверный Князь двенадцать сыновей своих, в широких волнах Днепра крестит весь народ, и Днепр уносит с собою древнее язычество Руси; новое благодатное племя восходит из животочной купели, и Равноапостольный просветитель молит Господа утвердить православие в его царстве.

Славно княжение Владимира, осененное крестом по всей Руси, но едва лишь смежились очи его в уединении села Берестова, как пролилась от руки братней кровь двух сыновей его, первых страстотерпцев русских Бориса и Глеба. Киев впервые видел в стенах своих дружины надменных ляхов: меч Болеслава иззубрился на Златых вратах: но является великий мститель за честь Русскую и кровь братьев с полками славянскими Новгорода, и падает с престола братоубийца Святополк, с ним удаляются ляхи; опять в одну мощную десницу собралась вся обширная Русь. Ярослав благовластный высоко сидит на престоле Киевском, и ему покоряются народы от моря Балтийского до моря Черного. Величественно восстает и Святая София Цареградская на горах Киевских, а между тем в пещерах варяжских затеплилась уже священная лампада Антония, и из его убогого вертепа расширяется великая лавра Печерская.

Опять три брата, роковое число для Киева, и опять междоусобие. Малодушествует Изяслав и бежит в ляхи. Святослав содержит престол братний до ранней своей кончины,

упрекаемый отшельниками Антонием и Феодосием за похищение достояния братнего. А кроткий Всеволод терпит, доколе не возвратился с чужбины законный князь и не пал в междоусобной битве. Между тем половцы грабят землю Русскую; Хан их Боняк срывает листы с Золотых ворот Ярославовых и грабит лавру. Но вот обрелся на полвека крепкий подвижник в земле Русской, примиритель князей и бичь половцев. Сын Всеволода Мономах господствует над всею Русью, сперва из Переяславского своего удела, а потом из Киева; он прикрывает мужеством своим малодушие Великого князя Святополка и укрощает князей под стенами столицы, жаждущих отмстить ему за жестокое ослепление Василька. Он же созывает дружественные их сеймы в Любеч и хочет вновь собрать разъединившуюся державу, но только одно могущественное лицо его может одолевать столько браней, готовых возникнуть. Мономах со славою отходит к предкам, в путь всея земля, завещавая мир, – и возгорается брань. Рано следует за ним храбрый сын Мстислав; сильное племя князей Черниговских ищет старейшинства на престоле Киевском, и вот, на полтора ста лет запылала междоусобная кровавая война между родом Ольговичей и родом Мономаховичей.

Исполинское лицо сей единокровной рати, ярко освещенное ее заревом, – Изяслав, внук Мономаха, дважды свергаемый с престола то силою Ольговичей, то рукою собственного дяди, Долгорукого, и его крепкого сына Боголюбского. Он заслоняет себя призраком другого слабого дяди, Вячеслава, и в силе мужества умирает внезапно на горько добытом престоле. Кровь схимника Игоря подмыла престол сей, хотя и невинен в ее пролитии Изяслав, но уже Ольговичи не могут простить ее потомству Мономаха. С его младшим сыном, Долгоруким, падает слава Великого княжения, и Суздаль господствует над Киевом в лице Боголюбского; но еще князя оспаривают друг у друга древнюю столицу и грабят ее богатства. Изяслав Черниговский, на краткое время бывший Великим князем, хочет опять добыть престол и движет к Киеву орды половецкие; перейдя под Вышгородом Днепр, он стремится вдоль Оболонья к укрепленному Подолу; жестокие наемники врываются в

нижний город; жители верхнего едва отсиделись за своими стенами от напора вражьего. Протекло девять лет, и Старый Киев испытал ту же участь: одиннадцать Ольговичей, по зову Боголюбского, идут мстить за его личную обиду брату великого Изяслава, Мстиславу Киевскому; к стыду имени русского, три дня расхищают древнюю столицу дружины княжеские. Это первое ее разорение; близко второе и третье, уже последнее, ибо ничего не останется после монголов. Безрассудный Рюрик, невольно постриженный зятем своим Романом Галицким, сам выдает столицу жестоким союзникам и диким половцам, чтобы только опять сменить мантию иноческую на великокняжескую. Расхищены все храмы и обители, и даже гробы мертвых; на улицах течет кровь старцев и младенцев; юноши и девы в оковах влекутся на чужбину; пламя свирепствует по всему городу и более месяца длится страшное опустошение – то князь–инок дико празднует свое воцарение. Плачь во всей Руси по престольному граду; еще немного, и уже некому будет плакать, посреди всеобщих развалин.

Вот подвигается туча монгольская. Долго ходит она по небосклону бедствующей отчизны и, наконец, страшно разражается над Киевом. Есть еще князья, алчущие его престола, но уже нет меж ними защитников в час гибели. Михаил Черниговский, будущий исповедник и мученик, оставляет Киев, чтобы искать помощи в Венгрии; новый властитель из рода Смоленских Ростислав изгоняется Даниилом Галицким, а сам Даниил, видя страшное нашествие монголов, бежит также в Венгрию, вверив столицу свою храброму боярину Димитрию – так, в роковую минуту нет ни одного князя в престольном городе, и сиротствует мать городов Русских. Уже грозный завоеватель Батый слышал о великих сокровищах Киева и посылал заблаговременно внука Чингис-Хана, Мангу, издали осмотреть его. Дикий ордынец с противоположного берега Днепра окинул жадным взором древнюю столицу и изумился крепким стенам ее на неприступных горах; он подивился множеству златоверхих храмов и обителей и послал требовать добровольной сдачи. С гордостью отвергли малодушное предложение старшие сыны

Руси и даже обагрили себя кровию послов ордынских; отселе не осталось уже никакой надежды на мир и пощаду, предстояла одна неминуемая гибель, и она постигла. Батый приблизился со своими несметным полчищами со стороны дебрей.

Над Киевом носилась смерть, ужас без малодушия в стенах его. От дикого вопля татар, от рева волов и верблюдов, от ратного ржания коней, от скрипа огромного обоза едва могли слышать друг друга граждане Киева; они уже сказали себе последнее слово: умрем за Святую Софию! Напрасно пленный ордынец страшит их именами всех богатырей, прославленных разорением царств дальнего Востока, и всею грозною семьею Чингис-Хана – народ Киевский смотрит на боярина Дмитрия, Дмитрий на Святую Софию и Десятинную церковь, и возгораются сеча, и отражаются приступы. От ворот Лядских, со стороны дебри, главная опасность – там день и ночь стенобитные орудия сокрушают твердыни. Падает наконец ограда; весь город Ярослава, с его Святой Софиею и Златыми вратами уже в руках диких врагов, но еще остается древний город Владимира. На самых стогнах кипит жестокая сеча, камни летят из домов, стрелы влетают в окна и о врата ломаются копья, кровь льется рекою. Мужественный Дмитрий отступает с дружиною в старый город и ограждается тыном около Десятинной церкви; там главная святыня, там все сокровища, туда стеклись и граждане Киева с женами и детьми, которые только могли спастись. Это последняя ночь Киева; еще будет для него утро, но не будет вечера; солнце осветит Русь, но уже не зайдет для древней ее столицы.

Наступило 9 Мая, день столь торжественный для Киева памятию великого Святителя – он озарит одни развалины и трупы. Боярин Дмитрий, сам исходя кровию от ран, еще вымышлял способы защиты, но уже их нет; опять возобновляется приступ, и под бурею вражеских волн сокрушается последний оплот; самые палаты Десятинной церкви рушатся под тяжестью нахлынувшей толпы, искавшей на них спасения. Дмитрий еще бьется в самых стенах храма, и до его плена длится битва, потом уже одно убийство. Грозный завоеватель щадит доблесть боярина русского, но не щадит

остатков его дружины и бедствующего народа, ни древних святыниц столицы. Над Десятинною церковию особенно изливается ярость монголов: она скрыта до основания, кроме одного лишь придела, под коим почит равенноапостольный Князь, окрест же него пустыня; обезглавлены Святая София и златоверхая обитель Архангела; сокрушена по окна лавра Печерская, и долго никто не смеет селиться на дымных развалинах. Робкие путники приходят только взглянуть на опустевшую столицу, и более смелые иноки собираются в пещерах по звуку тайного благовеста молиться о усопших. Такое видение поднялось предо мною с развалин Десятинной церкви.

Крещатик

В знойный полдень сидел я под навесом любимой моей беседки в очаровательном саду минеральных вод. Я наслаждался зрением холодного волнующегося Днепра и дольного города на берегу, осененного, как горним щитом, святынею Старого Киева. Мимо меня почти непрерывно тянулась вереница людей, не праздно гулявших в прохладе сада, но озабоченных заботой дня. Одни, появлявшиеся со стороны дворца, проходили бодро, еще со свежими силами; шедшие им навстречу казались истомленными трудным восходом итирали с лица своего обильный пот. «Откуда?» – спросил я одного из них, присевшего отдохнуть подле меня. «С Крещатика», – отвечал он. «Но разве здесь дорога?» «В самом конце сада, – возразил мой собеседник, – есть малая тропинка по обрыву горы, которая прямо сводит к Крещатику, а оттоле на Подол». Близость Крещатика к тому отрадному приюту, где ежедневно проводил я многие часы, возбудила во мне тайный укор, что доселе еще не посетил я места, столь священного для каждого сына Церкви, и, несмотря на томительный зной, решился я немедленно спуститься указанною мне стезею до самого Крещатика.

На краю сада начинается узкая тропинка, сперва довольно отлагая, а потом до такой степени обрывистая, что иногда надобно искать места, где бы удобнее поставить ногу, дабы перешагнуть чрез глубокие рытвины, промываемые дождями и весенним стоком вод. Но с каждой ступени сей исполинской лестницы, иссеченной стопами стольких тысяч в вековых горах Киева, какая очаровательная открывается картина города, реки и нависших гор и привольной долины, от них бегущей до самого Вышгорода! По мере схождения стесняется ее живописная рама, доколе наконец две противолежащие горы и синяя пучина Днепра не обрежут кругом горизонта. И вот, устремляющему взор свой книзу, внезапно мелькнет из-под утеса, на который ступила нога его, позлащенный крест; еще шаг – и встала целая колонна, а там открылось и широкое ее основание, четыре арки,

ограждающие водоем – это Крещатик, это Почайна, здесь совершалось крещение Руси! Я устремился к священному кладезю, утолил его прохладною струею и жажду бдагочестия, и естественную жажду, возбужденную палящим солнцем. Около водоема висели по стенам иконы Пречистой Девы, Живоносного Источника нашего спасения, и Равноапостольных Владимира и Ольги, бывших виновниками одного для нашей отчизны, и первых ее страстотерпцев Бориса и Глеба. С умилением поклонился я ликам сих избранников земли Русской, двинувших ее на путь жизни, и молитвенно воспоминал великое дело, ими совершенное.

Здесь, на самом Крещатике, крестились сыновья великого Владимира, немного далее – граждане Киева, в устье Почайны, ныне поглощенной Днепром, где была некогда пристань Киевская. Что может быть трогательнее слов самой летописи Блаженного Нестора: «Владимир послал по всему городу, говоря: если кто не обретется завтра на реке, богатый или убогий, тот будет мне противник. Люди же все, услышав сие, с радостию пошли и радостно говорили друг ко другу: если бы не добро сие было, не приял бы сего князь и бояре»? Какая младенческая простота нравов, достойная новорождаемых в Царствие Божие! На утро вышел на Днепр сам Владимир с пресвитерами Царевны и Корсунскими, и собралось бесчисленное множество людей; все взошли в воду и стояли иные по шею, другие до персей, младенцы же ближе к берегу, а иных младенцев держали взрослые на руках. Священники, стоя на берегу, творили молитвы, и видима была радость великая. Владимир же, радуясь, что познали Бога сам он и люди его, воззрел на небо и воскликнул: «Боже Великий, сотворивший небо и землю! Призри на новых людей Своих, дай им, Господи, узнать Тебя, Истинного Бога, как увидели страны христианские, утверди в них веру правую и несомнимую, и мне помоги, Господи, на сопротивного врага, да надеясь на Тебя и на Твою державу, побеждаю князя его».

Каменный памятник Крещатика воздвигнут в начале нынешнего столетия благочестием Императора Александра, и на сей священный водоем два раза в год совершаются

крестные ходы: один, более торжественный, в день Преполовления, из собора Софийского митрополитом со всем духовенством; другой же, более смиренный, бывает в день памяти равноапостольного Князя, из приходской соседней церкви Рождества Христова, которая стояла в древности в самом устье Почайны.

Под сению Крещатика долго стоял я, опираясь на края священного водоема; взор мой безотчетно блуждал по юдоли, ухо прислушивалось к ее звукам. Ниже к реке несколько белых хижин мелькало из-за развесистых раkit, и в них слышался как будто говор, а вдали на Днепре протяжная песнь. На скате противолежащей горы, где был некогда Боричев взвоз, отдыхал народ, трудившийся над новою дорогою с Подола, а мимо проходили путники. С верховья долины Малороссийский отрок, ловко управляя конем, гнал еще несколько других к водопою, и две киевлянки, с кувшинами в руках, в своих живописных одеждах, пришли зачерпнуть воды из священного источника. Впрочем, все вокруг было тихо; ветер не шевелил листья раkit, не журчала вода; безмолвие уединенной юдоли умножалось еще всею тяжестью знойно налегшего полудня; но свежо было над устьем кладезя. Мне казалось, я сижу опять под знойным небом Палестины, над купелью Силоамскою или над кладезем Неемии, там, где у подошвы Сиона, юдоль Иосафатова сходится с долиною Геенны, и вот отрок и девы Арабские в длинных своих покрывалах приходят черпать предо мною заветную воду. И точно, купель сия была Силоамскою для прозревшей Руси; и точно, надо мною возвышался отечественный Сион, старый Киев, мать городов наших, о коем и мы можем воскликнуть, стихами псалмов: «Мати Сион, речет человек» (Пс. 86). Ах, я был опять на несколько мгновений в Иерусалиме, и град Владимиров казался мне градом Давида.

Тогда же с умилением благодарного сердца вспомнил я и то, как однажды, на самой заре моей жизни, долина Крещатика послужила мне пристанью спасения, когда разлившийся Днепр бил меня сердитою волной, в утлом челноке, меня, юного и неопытного путника, доверившегося его бурной пучине со всею беспечною своего возраста. Уже я отчаивался одолеть сие

весеннее море разлившихся вод, когда одна благодетельная волна двинула наконец челн мой к крутому берегу, и я ступил на землю, несколько ниже Крещатика, там, где его долина впадает в Днепр. Столько долгих протекших лет мелькнуло предо мною как бы несколько вчерашних дней; я стоял опять на том же месте, хотя сам уже иной,—и вот, воспоминания ранней юности невольно уступили впечатлениям позднейшим. Опять Киев казался мне Сионом, а долина Крещатика юдолью Иосафатовой, которая именем своим напоминает последний суд. Когда же по звуку одной страшной трубы соберутся все почивающие по вселенной, блажен, кто, услышав глас сей, воспрянет в той одежде нетления, которую облекся от Святой купели, бывшей для него Крещатиком или Иорданом.

Оскольдова могила

Посещая ежедневно церкви и обители Киева, ознаменованные особенною святынею или событиями историческими, взошел я на улице Печерской в монастырь, так называемый Малого Николая, который прославлен чудотворною иконой Святителя. Икона сия, по обычаю киевскому, высоко висит над царскими дверьми и спускается для благоговейного чествования богомольцев. В том же храме еще два древних образа Чудотворца Мирликийского письма греческого: один местный, а другой со входа привлекают к себе молитвенников, «сие три и едино суть», по выражению бывшего настоятеля обители. Оригинально зодчество самой церкви, весьма тесной внутри, которая слывет слупом, или столпом; она вся столпообразно вырастает в один высокий купол и, вероятно, была так устроена еще с самых древних времен, если судить по ее давнему прозванию. Подле обители Малого Николая, возвышается другая, более обширная – Пустынно-Николаевская обитель, недавно обращенная в военный собор. Она была сооружена с чрезвычайным великолепием Гетманом Мазепою и еще владеет всеми лавками Печерской улицы. Даже монастырь Малого Николая теперь только получил опять прежнюю свою самостоятельность, а до сего времени считался приписным к обители.

Но ни тот ни другой не стоят на месте древнейшей женской обители во имя чудотворца Николая, которая, по преданию, основана была Блаженною Ольгою недалеко от могилы Оскольдовой; там приняла иноческий образ мать Преподобного Феодосия. Сын Мономаха Мстислав довершил окончательное устройство деревянной ее церкви, которая исчезла в общем разорении монгольском, когда стали обновлять древнюю святыню Киева, возникла опять из пепла и столпообразная церковь Святителя, уже с обителию мужскою. Бывший наместник в Киеве, Князь Голицын, соорудил в начале протекшего столетия новую каменную церковь во вкусе древней.

В священной колыбели нашей веры, где предания древности свежее воспоминаний позднейших, сохранилась и память того места, где погиб от руки Олега первый христианский князь Киева. Глубокими чертами врезалась в одно из древнейших его урочищ сия живая страница летописи Несторовой: «И пришел Олег с варягами и многими воями к горам Киевским, и увидел, что там княжат Оскольд и Дир. Он скрыл воинов своих в ладьях, а других оставил позади, сам же приплыл под место Угорское, неся с собою Игоря младенца, и послал сказать Оскольду и Диру: «Мы гости, идем в греческую землю, от Олега и от Игоря княжича, придите к нам, родичам вашим». Пришли Оскольд и Дир, и внезапно выскочили все прочие из ладей. Олег же сказал им: «Вы не князья и не рода княжьего, а вот сын Рюриков», – и показав Игоря, убил Оскольда и Диру. Их понесли на гору и погребли на месте, что ныне зовется Угорским, где теперь Ольмин двор. На той могиле поставили церковь Святого Николая, а Дирова могила за Святой Ириною, и сей Олег княжил в Киеве, и сказал Олег: «Сей будет материя городов Русских». Угорским же прозвалось место от воинского стана венгров, ополчившихся на берегу Днепра во дни Олеговы, когда шли завоевать свою землю.

Место сие, прославленное мученической смертью первого христианского князя и погребением первой христианской княгини, доселе слывет в предании Оскольдовою могилою и глубоко уважается народом. Здесь еще во дни язычества благочестивый вельможа Ольга соорудил убогую церковь во имя Святителя Николая, тезоименитого убиенному Оскольду, и здесь повелела Ольга пресвитеру Григорию втайне погребсти себя, во избежание языческой тризны сына своего. Отселе благочестивый внук перенес торжественно нетленные мощи сей первой денницы земли Русской в великолепную церковь Десятинную, куда отошел на вечный покой и сам он, солнце России. На живописном скате Днепровского берега, на отдельном холме, как бы отшатнувшемся от первобытной горы для подножия священному памятнику, доселе стоит церковь во имя Чудотворца. Недавно сооружена каменная вместо малой деревянной, которая непрестанно обновлялась со дня смерти

Оскольдовой, несмотря на все бурные перевороты многострадального Киева. Там и доселе любимое кладбище почетных его граждан. Жители Подола возносятся мертвыми на высокую гору Олегову, где неизвестна могила славного воителя; жители Печерские спускаются в гробах на могилу убиенного им Оскольда. Они ищут последнего упокоения близ первой христианской гробницы русской, под сению молитв Блаженной Княгини, которая прежде всех причтена была к лику заступников земной своей родины, и великого Чудотворца, который дал свое имя первому из просветившихся верою князей наших. С тех пор сроднился он навеки с их землею, ибо к нему прибегает Россия, как к величайшему своему заступнику, от первых времен и доныне.

Выдубицкий монастырь

Ниже могилы Оскольдовой по течению реки посетил я на красных берегах ее и древнюю обитель Выдубицкую, которую основал еще первый Святитель Киевский Михаил на том месте, где в последний раз низринут был в воды Перун. Слепая толпа язычников, бежавшая вслед за плывущим кумиром с дикими воплями: «Выдыбай наш боже!», здесь убедилась в суете своей веры, когда увидела конечное потопление истукана. Внук Святого Владимира Всеволод, полюбивший место сие, соорудил новую каменную церковь во имя Архангела в 1071 году, и монастырь долго носил название Всеволожа, ибо по его соседству, на высокой горе нынешнего зверинца, поставил князь красный дворец свой, где собирались сеймы княжеские при великом Мономахе. Князь–инок Рюрик, допустивший разорение Киева в свое слабое княжение, обновил церковь и обнес ее каменною оградю, чтобы защитить от набегов половецких, но не надолго – нашествие монголов обратило ее в пустыню. Когда же лавра Печерская начала восставать из своих развалин, оживился под ее сению и соседний монастырь Выдубицкий, временно отторгнутый униатами и возвращенный православию ревнителем его, Петром Могилою. Настоятели лавры обновили церковь, обрушенную отчасти подмывшим ее Днепром; другой же великолепный храм, во имя Великомученика Георгия, сооружен в исходе минувшего столетия Стародубовским полковником Миклашевским; живописное место сие избрано также для погребения некоторых почетных семейств Киевских.

В тихий благовонный вечер, какими часто дышит влажное небо Киева, спустился я верхом с одним из давних моих знакомцев мимо зверинца в глубокое ущелие Выдубицкое. Роскошная зелень садов, широко разросшихся по всей долине, овевала нас своими ароматами. На самом дне юдоли живописно раскинулась белая обитель – мирный приют, который устроили люди в этом отрадном эдеме, насажденном рукой природы; у врат ее, казалось, кончался мир. Мы взошли в ограду, на зеленый луг монастырский; беспечно паслось малое стадо меж

поросших травюю гробниц; нам отворили подле церкви Архангельской беседку на краю утеса; у наших ног, зашумел синий поглотитель Перуна, плеском волн своих заглушавший здесь дикие вопли «выдыбай, выдыбай наш боже!» Жадно смотрел я на это русское море, полное жизнью предков. Везде, где только встречался я с Днепром, что-то невыразимо близкое сердцу, влекло меня к нему, ибо каждая из долин Киевских, спускающаяся в его хладные объятия, запечатлена при своем устьи каким-либо воспоминанием. Везде встречается он, наш славный Тибр, как некий давний друг, или пестун первых дней юности – то в образе мирного гостя варяжского, тиходвигающего суда греческим путем своим; то в виде бурного воителя, стремящего славянские ладьи к Царьграду; то весь одетый голубою ризой, как восприемник целого народа русского из освященных вод своих.

Много столь же приятных прогулок совершил я по живописным окрестностям Киева, одинокий или в сопровождении присных, которые напоминали мне мое ничтожное минувшее, посреди необъятного минувшего окружавших меня развалин. Иногда, следуя по Оболонью вдоль великолепной колоннады тополей, достигал я, сквозь рассеянные слободы и дачи, очаровательной усадьбы Кинь–Грусть, вполне соответствующей сему поэтическому названию; ибо точно можно откинуть всякую грусть в прохладе ее отрадного сада, на берегу ее мирного пруда, где так мало помогло искусство природы. Там угощал некогда великую Екатерину великолепный князь Тавриды, когда посетила она Киев на пути в покоренный им Крым. Есть где и помечтать в этом отрадном приюте, когда взойдешь на высокую гору Кинь–Грусть и оттоле через вершины деревьев увидишь вдали, как некое видение иных времен, златоверхий Киев, плавающий в ясном эфире выше всего земного и без всякого отголоска человеческой жизни.

Иногда, подымаясь вверх по долине Крещатика мимо великолепного здания нового университета, посещал я на истоках летописной речки Лыбеди березовую рощу Шулявчи, где находится малое подворье Софийское и где жители Киева

встречают обыкновенно весну майским гуляньем. Иногда же, обогнув Старый Киев по горам его, обнесенным валом средних и новых времен, спускался я от бывших Львовских ворот крутою тропинкою в живописный овраг, по которому раскинута слобода Кожемяки; оттоле, следуя все вверх по руслу, даже по самой струе извилистого ручья Глубочицы, выезжал я к вершине оврагов по направлению древней обители Кирилловской. Дочь Великого князя Всеволода Мария, бывшая в супружестве с королем польским Казимиром, основала монастырь сей в 1160 году, и после разорения монгольского он опять был обновлен одним благочестивым ревнителем Церкви, Кириллом, от которого сохранилось ему имя. В стенах его был пострижен Святитель Димитрий Ростовский, и там погребены его родители, в приделе древней соборной церкви, празднующей сошествию Святого Духа. Монастырь был упразднен в исходе минувшего столетия; теперь в нем помещаются Богоугодные заведения. Живописное положение – на обрыве горы, и вокруг тополевая роща, дают особенную прелесть сей замечательной обители.

Часто по шаровой улице Софийской мимо собора и развалин Святой Ирины, выезжал я в пустоту бывших Златых врат, сквозь которые как будто утекло все славное минувшее Киева, когда распахнулись они под мечом Татарским и уже не могли сомкнуть медных уст своих. Однажды поднялся я на высокую гору Олегову, где одна его могила разрослась целым кладбищем; странно видеть оное на такой высоте осеняющим дольний город, своими надгробными крестами. Оттоле также один из самых очаровательных видов на Днепр и лавру и по всему Оболонью, вдоль прибрежных утесов. Эта воздушная усыпальница достойна живописного Киева; его мертвые не могли избрать себе лучшего приюта под сению храма Всех Святых, Ангелов своих, которые наблюдали за их дольнею жизнью и собрали их наконец под свои горние крила.

Престарелый священник, украшенный сединами, стоял над свежую могилу, только что совершив панихиду. «Где здесь Олегова могила?» – спросил я. «Здесь столько могил, – отвечал старец, – где же найти ее!» – «Я спрашиваю о Князе Олеге!» – «Разве о Княгине Ольге, – возразил он. – Спросите о ней в

Старом Киеве». «Но летопись и любители древности указывают могилу Олегову на горе Скавице», – сказал я опять почтенному старцу. «Итак, пусть же справятся они лучше с летописями и придут сами указать ее на этом обширном кладбище, где об Олеге нет и помину!» Мне хотелось расспросить о некоторых соседних урочищах, которые, впрочем, мало известны летописными своими именами жителям Киева.

«Позвольте мне еще побеспокоить вас одним вопросом, – сказал я. – Где здесь гора Вздыхальница?» – «Вы, верно, из столицы, – отвечал он с радушною улыбкою. – Все приезжие обыкновенно пытливы и доискиваются таких мест и имен, о которых мы, природные жители, никогда не слышим. Что за Вздыхальница? Всякая гора покажется такою, когда взберешься на нее по крутизне и не раз вздохнешь от усталости, как на нашу Скавицу». Мне очень понравились слова доброго старца, приправленные малороссийскою солью, и я спустился с горы Олеговой с приятным впечатлением, хотя и с неудовлетворенным любопытством. Но все мои прогулки обыкновенно кончал я на своем любимом месте, которое наиболее мне нравилось из всего древнего и нового Киева, – на паперти Андреевской церкви. Там при закате солнца уже всегда ожидал меня добрый отец Иаков, чтобы дать мне еще какое-либо новое сведение об окрестностях, и мы долго с ним беседовали, в прохладе роскошного вечера, доколе багровое солнце, закатившись за гору Олегову, и багровая луна, поднявшись из-за дебрей Днепровских, не напоминали нам, что уже настало время покоя человеку, исшедшему на делание свое до вечера.

Вышгород и Межигорье

Одну из самых приятных поездок по окрестностям Киева совершил я в отдаленный Вышгород и Межигорье, оба замечательные своею древностию и «неопасными водами». Почтенное семейство, с которым познакомился еще при первом моем посещении Киева, вызвалось мне сопутствовать и приятным обществом сократило путь. Рано утром спустились мы с крутой горы Андреевской и мимо веселых слобод и дач ехали, как бы одною тополевою рощею, до самой Кинь–Грусти. Широкая поляна отделяет сию прелестную усадьбу от густого соснового бора, который на несколько верст простирается к Вышгороду по сыпучим пескам, далее возделанные поля и вправо Вышгород, бывшее село Ольги, на горе Хоревице господствует над Днепром и всею окрестностию. Это также одно из самых очаровательных мест Киева, хотя ими так богата его природа. Широкое течение реки, усеянной островами, открывается во всем ее великолепии от Вышгорода и за Киев, вдоль низменной долины, которая ограждена мрачным бором и амфитеатром гор. Вдали Старый Киев, как бы на престоле, царственно восседает на горах своих, увенчанный многоглавым венцом всех своих обитателей, и держит в руках, как некий скипетр, колокольню Печерскую. Дольний город служит ему подножием, наподобие белых мраморных ступеней, облегающих его горний престол; а вечный Днепр, его обтекающий и весь кипящий полуденным солнцем, – зеркалом его великокняжеской славы. Таков Мономахович Киев! Так им некогда любовалась отселе блаженная Ольга из своего любимого села, которое обратилось в город удельный при ее правнуче Ярославе. Нет следов древнего жилья княжеского, кроме земляных насыпей около деревянной церкви Бориса и Глеба, отколе самый лучший вид.

Церковь сия, где некогда хранились нетленные останки мучеников–князей, ныне убогая, уже в седьмой раз восстает из своих развалин. Первую соорудил великий Просветитель Руси во имя своего Ангела Василия в 989 году, не подозревая, что

она сделается сокровищницею двух нежно любимых его сыновей, мученически убиенных их братом. Пожар истребил здание сорок лет спустя, и опять соорудил ее из пепла великий Ярослав. Еще через сорок лет воздвигнута была третья, тоже деревянная церковь, по обветшании прежней, при сыне его Изяславе; с торжеством перенесли туда мощи Страстотерпцев, и многими чудесами ознаменовалось сие событие. Князья Черниговские, Святослав и Олег, соорудили великолепный каменный храм на место деревянного; он был освящен при великом Мономахе, но буря монгольская чрез сто двадцать пять лет разметала до основания святилище, и с тех пор безвестны святые мощи Бориса и Глеба, сокрытые, как гласит местное предание, под сводами храма. Тогда же разрушены были две обители Вышгорода, мужская и женская: одна, так называемая Белого Спаса, которой и теперь видны остатки, устроенная Боголюбскими, а другая женская – оттоле увезли во Владимир чудотворную икону Божией Матери, которая теперь хранится в Московском соборе, ибо Вышгород до своего разорения был всегда любимым жилищем Великих князей; там скончались великий Ярослав и сын его Всеволод.

Не скоро после разорения монгольского воздвиглась новая убогая церковь на развалинах древней каменной, но и ее разрушили до основания татары во время владычества литовского, ибо переправа чрез Днепр была против самого Вышгорода. Они употребили для моста все дерево храма и даже иконостас, а местная икона Богоматери, с помощью которой нечестивый ордынец переправился чрез Днепр, принесена была волнами к берегу Подола и там с честью поставлена в Братскую обитель. Другая местная икона – Спасителя, оставшаяся в Вышгороде, доселе носит следы нечестия татарского: на лике ее глубокая язва, нанесенная копием, и в ней запеклась кровь, как на живом теле. Это случилось в 1662 году. Семь лет спустя благочестивый полковник киевский, Мокиевский, восстановил церковь, которую чрез тридцать лет в седьмой раз перестроил, по ветхости ее, местный священник Василий Лукьянович иждивением усердствовавших к памяти святых Страстотерпцев. Но сия

церковь уже пришла в ветхость и ожидает обновления более прочного от благочестивых ревнителей; память же святых Князей доселе совершается при большом стечении народа в древнем Вышгороде 25 июля, в день перенесения мощей их. С незапамятных времен сохранился подле алтаря священный студенец, оттоле черпают благочестивые богомольцы освященную воду и с верою приемлют исцеление. О если бы кто-либо из тезоименитых восстановил храм Бориса и Глеба в прежнем его величии! Оставив Вышгород, мы стали спускаться в глубокое ущелье, поросшее лесом; круто извивалась трудная дорога, доколе внезапно не открылась нам в раздвинувшейся долине белая ограда обители с двумя ее церквями и обширными келлиями, а позади нее вечный украситель всех урочищ Киевских – Днепр. Отрадно появление обители в столь диком, но живописном уединении. Иноки греческие, скитавшиеся без приюта по окрестностям Киева в начале XV века, не могли избрать себе ничего лучше сего места, между гор, отчего и обитель их получила название Межигорской. Они обновили ею память монастыря Боголюбского, Белого Спаса, который был разорен татарами. Еще на одной из соседних гор ископанные пещеры с надписями, частью обвалившиеся, свидетельствуют о давнем населении места; некоторые возводят даже их древность до времен Антониевых, как будто все пещерное ему принадлежит.

Запорожская Сечь, защищавшая край сей от ярости крымцев и насилия поляков в течение двух столетий, приняла обитель Межигорскую под свое особенное покровительство и сносила туда свои сокровища. Кошевой атаман Кальношевский соорудил в ней церковь во имя верховных Апостолов Петра и Павла. Другая же церковь, более древняя, празднует Преображение Господне, как храмовый день прежней обители Белого Спаса; она воздвигнута усердием Патриарха Иоакима в последние годы его жизни, ибо святитель был сам постриженником сей обители, и там доселе хранится портрет его. По странному и жалкому стечению обстоятельств в бытность Императрицы Екатерины в Киеве, накануне того самого дня, когда хотела она посетить Межигорскую обитель,

внезапный пожар истребил ночью обе церкви, и Государыня, которая столько слышала о красоте места, не захотела уже видеть пепелища. Горестное последствие имел пожар сей для Межигорского монастыря: его упразднили по преставлении князя Таврического, который в свою очередь упразднил в своих владениях другую столь же древнюю и знаменитую обитель, Святогорскую, ныне восстановленную благочестием его наследников. О если бы восстановилась и Межигорская, и это очаровательное место, созданное для жилища иноков, возвратилось опять безмолвию пустынному! Тогда бы горы огласились вновь ликами иноческими, а старый Днепр, встрепенувшись при столь отрадном звуке после полувекового безмолвия, на быстрых волнах своих донес бы гул сей в обрадованную мать городов Русских. Тогда бы опять лавра, как средоточие молитвы, на десять поприщ вверх по реке до Межигорья и на десять вниз до Китаевой пустыни, ограждена была возникшими из нее обителями, которые, как передовая стража, охраняли бы сию древнейшую духовную твердыню всея Руси. Может быть, и сбудется когда-нибудь благоговейное желание. Было время, когда незабвенный наш историограф грустил о запустении древней обители Симоновской: «Часто прихожу, – писал он, – на то место, на котором возвышаются мрачные готические башни Симонова монастыря, и почти всегда встречаю там весну. Туда же прихожу и в мрачные дни осенние, горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою и в темных переходах келлий. Там, опершись на развалины гробовых камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келлии и представляю себе тех, которые в них жили, – печальная картина!» И вот обитель Симоновская опять во всем ее блеске! А в Межигорской нет такого запустения, как было некогда в Симоновой; все еще цело и даже обновлены обе церкви, келлии и часть ограды; недостает только иноков для богослужения. Но какая очаровательная Фиваида в лесистых удолиях Межигорья! Как уединенно и отрадно звучит прозрачный горный ключ,

прозванный Звонками, ибо во дни благосостояния обители частые струи его, падая на металлические полосы, издавали гармонические звуки. Малая беседка его осеняет любимое отдохновение отшельников Межигорских; там любили они погружаться в созерцание под тению развесистых раkit и тополей в живописной долине, по которой струится между деревьями светлый ручей. Какое обилие виноградников, вишен, яблонь и груш на обеих горах, как бы нарочно раздвинувшихся, чтобы дать место обители!—Это были плодовые сады ее, которыми издавна она славилась, и как хорош этот синий Днепр, со своим диким Заднепровьем в каменистой раме утесов! На обрыве его стоит монастырь; вокруг него одни только горы, лес и воды, лишь изредка оживляемые белым ветрилом, но уже не запорожским, и не причаливают более легкие челноки Сечи, ходившие добывать за море, в дальний Трапезунд, сокровища Анатолии для украшения любимой своей обители.

Братский монастырь

Прежде нежели переселиться для говения в лавру, я желал еще посетить на Подоле духовную Академию Братского монастыря, первый рассадник наук в отечестве нашем, который устоял и прошел сквозь все бури неурейства южного края в течение двух с половиною столетий. Чрезвычайно замечательна судьба сего знаменитого училища, которого все перевороты недавно описаны со всевозможною подробностию одним из благочестивых его питомцев. Чувство необходимости образования духовного при жестоких гонениях унии и иезуитов внушило гражданам Киевским завести ученое братство при Богоявленской церкви на Подоле, по примеру иных духовных училищ, которые в то же время возникли в Остроге, Львове и Вильне по манию воеводы, князя Острожского и епископов православных. Первосвятитель Восточной Церкви, Патриарх Иеремия Цареградский, учредив патриаршество в Москве, благословил братство сие при самом его начале, в 1389 году, и тридцать лет спустя другой Святитель Востока, Патриарх Иерусалимский Феофан, утвердил оное своею грамотою, объявив Ставропигиальным в то самое время, когда Церковь Малороссийская, лишенная своих пастырей, страдала совершенным безначалием. Ревностный Патриарх дал и покровителей рождающемуся святилищу наук в лице рукоположенных им митрополита и епископов. Благочестивая жена маршалка Анна Гугулевич уступила Братскому училищу двор свой и несколько зданий на Подоле; гетман Петр Сагайдачный, столько лет сграшный своим оружием полякам, пожертвовал собственным имуществом обители Братской; сам он, заключившись в стенах ее, написал целую книгу в защиту православной веры. С тех пор ученое братство под покровительством гетманов Малороссии, хотя несколько раз упало во дни жестоких битв с поляками, но опять возникало. Богдан Хмельницкий был его воспитанник и член, со всеми почетными людьми мирскими и духовными того времени. Отселе и благочестивый Царь Алексей вызвал ученых иноков

для исправления книг церковных, Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского, которые в свою чреду сделались начальниками просвещения в Москве.

Настала блестящая эпоха для училища Братского: сын воеводы Молдавского, Петр Могила, постригается в лавре и, сделавшись ее архимандритом и митрополитом Киевским, соединяет устроенную им школу Печерскую с Богоявленскою; он украшает ее людьми, посланными им для образования на Запад, и, оградив грамотами Королей Польских, снабжает средствами или содержит убогих учеников и самих учителей. Отселе школа принимает название Киево-Могилянской коллегии, в память своего благодетеля и старшего брата, митрополита Петра, но после того скоро рушится ее благосостояние. Преемник его, Сильвестр Коссов, еще несколько времени поддерживает коллегию. Патриарх Иерусалимский Паисий, посетив Киев, опять подтверждает ее своею грамотою, но вслед за присоединением Малороссии к царству Русскому начинаются жестокие войны с поляками и крамолы самих гетманов. Долго нет и законных пастырей на кафедре Киевской. Здание коллегии опустошается пожаром, и вотчины ее расхищаются врагами; убогое братство должно ходить в свободные часы и месяцы собирать подаяние по Киеву и окрестным городам. Несмотря на то, страсть и нужда просвещения все одолевает, и не расторгается союз братства. Так протек для училища XVII век, доколе наконец Государи Московские не взяли его под свое покровительство. Тогда украсилось оно более громким титулом Академии, и одарило Церковь такими светильниками, каковы были: ректор его Иоанникий, архиепископы Лазарь Баранович и Иоанн Максимович, Варлаам Ясинский митрополит Киевский, знаменитый своею ученостию Феофан Прокопович, поборники православия Феофилакт Лопатинский и Георгий Конисский, Стефан Яворский, местоблюститель патриаршего престола, Святители Димитрий Ростовский и Иннокентий, первый епископ Иркутский.

Миром ознаменовался XVIII век для Академии Киевской; под сению православных Государей уже она не подвергалась

беспрестанным разорениям и смутам, но еще скудны были средства к содержанию многочисленных учеников, иногда питавшихся Христовым именем для его проповедания впоследствии. Гетман Мазепа старался поддержать Академию утвердительными грамотами на ее вотчины и денежными пособиями. В 1703 году Великий Петр приветствован был красноречивым ректором ее Феофаном, при посещении Киева. Митрополит Иоасаф Кроковский и гетман Скоропадский покровительствовали также новой Академии и жертвовали ей деньгами и селами. Но величайшим благодетелем ее был знаменитейший из митрополитов Киевских, Рафаил Заборовский, который оказал ей пастырскую любовь свою не менее Петра Могилы и. подобно ему, завещал ей свое имя, ибо с тех пор она стала называться Киево-Могило-Заборовскою. Он надстроил великолепную залу с церковию над каменным зданием, сооруженным Мазепою, исходатайствовал звание архимандрита ректору Академии и воспользовался посещением Императрицы Елисаветы, чтобы снова утвердить все права, которыми искони пользовалось училище. Митрополит Арсений Могилянский подражал его благочестивому примеру и послужил усовершенствованию Академии, сделавшись третьим ее благодетелем после Петра и Рафаила. Его преемники, Гавриил, перешедший из Киева на кафедру новой столицы, и Самуил, наводнивший Киев памятию своих духовных добродетелей, были искренними сынами и отцами сей колыбели наук. Самуил испросил у императрицы Екатерины во время ее посещения Киева, чтобы Академия, которую предназначали перенести в лавру Печерскую, оставалась на древнем своем урочище, где процвела она с такою славою в бурную годину Малороссии, и с тех пор умножились ее оклады от щедрот монарших. Последующие святители шли по стопам Рафаила, Арсения и Самуила, как кокоши, собирая под крылья свои духовных птенцов, которые из сего выпренного гнезда разлетались по всей Руси согреть ее лучами просвещения духовного. Кроме великих иерархов, нами названных, много еще других поступили отселе на все почти кафедры Российские, как некогда из глубины лавры Печерской иноки ее избирались во вновь

учреждавшиеся епархии. Едва ли не можно сказать, что все училища духовные по дальним краям беспредельного отечества нашего восприяли свое начало от сего источника просвещения чрез его образованных питомцев. Таким образом, дважды из Киева истекло духовное просвещение Руси.

Достойный блюститель святилища наук, нынешний ректор, архимандрит Димитрий, благосклонно принял меня в стенах своей ученой обители и показал все, что заслуживало внимания, по воспоминаниям святыни и великих мужей, из нее возникших. Прежде всего он ввел меня в соборную церковь Богоявления Господня, благолепно сооруженную гетманом Мазепою на место той убогой церкви, при которой соединялось впервые Богоявленское братство. Там приложились мы к чудотворной иконе Братской Божией Матери, принесенной волною Днепровскою из разоренного Вышгорода. Всякую субботу при многочисленном стечении народа читается пред нею акафист Пречистой Деве, осенившей покровом Своим обитель Братскую, прошедшую чрез столько бурь и бед, ее постигших. Над царскими воротами в златом сиянии спускается для благоговейного чествования Животворящий Крест святителя Иерусалимского Феофана, которым утвердил он ставропигию Братской обители, и как некогда апостол Андрей на горах Киевских, так опять у их подошвы водрузил сей спасительный крест, как залог просвещения Руси. Другая, теплая церковь, Сошествия Святого Духа с приделом Святителя Михаила, устроена на месте древней Зачатьевской, которая называлась конгрегационною, т. е. сборною, ибо в ней производились ученые собрания прежней Академии.

Нынешняя конгрегационная церковь во имя Благовещения, устроена митрополитом Рафаилом на краю обширной великолепной залы, которая украшена портретами благодетелей и старших братьев Богоявленского братства. Первое место занимает между ними великий муж Церкви, митрополит Петр Могила, которого светлое лицо с огненным взором вполне выражает всю силу и благородство пламенной души его; потом следует весь ряд митрополитов, облагодетельствовавших Академию, а между ними особенною святостию сияют лица

Рафаила, Арсения и Самуила, оставивших по себе столь отрадную память своей пастве и училищу. Там и Святитель Димитрий, коего одно имя есть уже слава не только Академии, но и всей Церкви Российской, и мужественный ее блюститель Стефан, и ученый вития Феофан, хотя и затемняемый нравственною высотой двух своих современников. Такой совет Святителей, живых и по смерти по своим великим деяниям и писаниям, собран доньше в Академической зале, их духовной колыбели, осеняющий молитвами идущих по их следам на пути науки и благочестия.

Жестокий пожар 1811 года, истребивший весь нижний город и самую обитель, по счастью не коснулся ее обширной библиотеки, собранной в течение полутора лет тщанием ректоров и пожертвованиями митрополитов Киевских. Она находится в обширном здании, противолежащем конгрегационной церкви, там же хранится и ученый кабинет. Краткость времени не позволила мне с большим вниманием остановиться на каждом из замечательных предметов; но глубокое впечатление оставило в душе моей зрелище сего священного памятника образования нравственного и духовного в нашем отечестве. Я уже хотел проститься с почтенным отцом ректором, который столь благосклонно руководил меня по всем зданиям Академии, но он, движимый добротою своего сердца и чувством утонченной внимательности, оставовил меня и сказал: «Есть еще один предмет, достойный особенно вашего внимания, который мне желательно вам показать. Выйдем опять на двор монастырский». С возбужденным любопытством последовал я за архимандритом, и глубоко было тронуто мое сердце, когда он, подведя меня к одной каменной гробнице, уже вросшей в землю, за стеною алтаря, сказал: «Гробница сия должна быть близка вашему сердцу, потому что и вы сами ходили по следам того, кто в ней лежит. Здесь отдыхает от многих трудов своих и странствования по Европе, Азии, Америке воспитанник сего училища, пешеход Василий Барский, оставивший нам описание святых мест, которые посетил с такою любовью».

Слезы невольно навернулись на мои глаза; я стоял безмолвно над могилою, чтобы успокоить то волнение духа, какое произвело во мне нечаянное напоминание собственного моего странствия над прахом сего труженика и добродушная черта характера того, кто мне его указал. Уже почти стерлась надпись, иссеченная дружескою рукою на гробовой плите путешественника, но на стене алтарной она начертана, и с благоговением прочел я надгробные стихи, в которых изображена вся жизнь усопшего.

Того Василия сей покрывает камень,
В душе которого, возжегшись, веры пламень,
И луч премудрости, снизшед к его уму,
Святые посетить места влил мысль ему.
Он, вдохновениям Божественным внимая,
Чрез двадцать слишком лет ходил во край из края,
На суше и морях зла много претерпел,
И все то замечал подробно, что ни зрел.
За свято имут что и римляне, и греки,
Чем древни славилась и нынешние веки.
Церквей, монастырей и градов красоту,
Удолий глубину, гор знатных высоту
Ступанием своим и пядию измерил
И чрез перо свое отечество уверил
О маловедомых в Подсолнечной вещах,
И, по бесчисленных окончив жизнь трудах,
Оставил бранные составы здесь телесны,
А дух его пришел в селения небесны.
Читатель, ты его слезами прах почти
И труд путей его с вниманием прочти.

Пустыни Китаева и Голосеевская

За неделю до праздника Успения Богоматери, которое так светло торжествуется в Киеве, в древнейшей обители нашего отечества, переселился я для говения в лавру, и милостиво был принят под ее гостеприимный кров. Владыка велел мне отвести прекрасные келлии в нижнем жилье своего дома, обращенные окнами в сад. При первом шаге из них я уже мог опять наслаждаться благословенною природою Киева и тенью роскошных деревьев, обремененных плодами, и очаровательным видом на мой любимый Днепр, с которым так сроднился во время пребывания в Киеве. Из сего сада мог я спускаться кратчайшею стезею и в Ближние пещеры для ранней литургии; а в Крестовой церкви Владыки ежедневно служил обедню схимник, духовник его, умиротворитель сердечный посещающих святые места Печерские, где он посвятил себя в тесной келлии на служение Богу с совершенным отречением от всего мирского. На следующее утро я был свидетелем в Ближних пещерах, в подземной церкви Антониевой, пострижения иноческого, которое совершал сам митрополит в качестве его преемника. Никогда не казались мне более трогательными священные обеты отречения от мира, как во глубине сего подземелья, при тусклом свете лампад, над гробом отца иночествующих русских, воспринимавшего новое чадод пещеры из бури житейской в свое безбурное пристанище. Невыразимо горько и сладко оглашалась под мрачными сводами тихая покаянная песнь братий, вводивших в пещерную церковь под своими мантиями нового собрата: «Объятия Отчи отверсти ми потрися, блудно мое иждих житие, на богатство неисследимое взирая щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее не презри сердце, Тебе бо Господи со умилением зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою».

После литургии и посещения Ближних и Дальних пещер Митрополит милостиво предложил мне сопровождать его в две соседние пустыни, Китаеву и Голосеевскую, где устроил себе уединенное жилище. Мы спустились с гор Киевских на берег

Днепра, ниже монастыря Выдубицкого, в устье Лыбеди, а оттуда вдоль самой реки под навесом утесов продолжали живописное путешествие до пустыни Китаевской. Пустынь сия, любимое место отдохновения князя Андрея

Боголюбского, где был и загородный дом его, получила от него свое название, ибо он прозывался в простонародии Китаем, и доселе еще показывают на вершине горы, место дворца княжеского. Разоренная татарами обитель обновлена в начале XVIII века Киевским наместником князем Голицыным во имя преподобного Сергия, и новая ее каменная церковь Живоначальной Троицы с приделами сего великого угодника и Святителей Московских заменила прежнюю деревянную. Там место отдохновения престарелых братьев лавры в последние годы их труженического жития, там и братская их усыпальница, огражденная густым лесом и неприступными горами от мира, ими при жизни оставляемого. По звуку колокола, возвестившего приезд Владыки, собралась вся братия принять благословение своего архипастыря, ибо общая к нему любовь подчиненных есть отличительная черта его начальства, и она повсюду выражается в духовенстве и народе. Всех радушно благословил Владыка, помолился в храме и посетил работы вновь строящегося дома для келлий, потом же сказал мне с приветливою улыбкою: «Хочешь ли, я покажу тебе Русский Афон, с его глубокими лесами и маленькими скитами? Я приведу тебя в такие горы и леса, каких ты, верно, не видал. Есть где побезмолвствовать игумену лавры и всей братии. Схимник наш успевает всегда прочесть наизусть целую Псалтырь, пока обходит по сим дебрям, от пустыни Китаевской до Голосеевской».

Во время сей беседы мы уже подымались, медленно и с большим трудом, по узкой дороге, промытой дождями в крутой горе, как бы в глубоком русле, которое было мрачно от густой зелени нависших деревьев, переплетававшихся ветвями в виде свода. Ветви их, с усилием разделяемые движением кареты, с треском ударяли в окна ее, и какое-то странное чувство наполняло сердце при этом путешествии под сводами древесными, которые напоминали подземелья Киева. В

полугоре мы остановились, и лай собак огласил жилье; несколько братьев отворили замкнутые ворота их малой усадьбы и радостно встретили своего Владыку. Он приветствовал каждого по имени, с простотою патриархальных времен, столь отрадною посреди зрелища сей девственной природы, которой почти не касалась рука человеческая. Тут, на малой поляне, были виноградники и фруктовые сады лавры. Владыка велел собрать плодов, и сам бодро повел меня на вершину горы до креста, где стояли некогда палаты Китаевы Боголюбского; оттоле, сквозь чащу леса, прорывался местами очаровательный вид на синюю струю Днепровскую и необъятный горизонт Черниговской дебри. Насладившись чудным зрелищем, мы спустились опять мимо виноградников к воротам усадьбы. Добрые иноки уже приготовили для нас целые корзины плодов, и мы продолжали путь все в гору, по такому же тесному ущелию, до другой усадьбы. Там богатейший пчельник, снабжающий воском лавру на все течение года.

Опять несколько человек братии, приставленных к пчелам, встретили своего архипастыря с тем же взаимным благодушием, которое весьма трогательно при расстоянии степеней мирских и духовных.

«Отец дьякон, – сказал Владыка одному из братии, – принеси нам хлеба и сота, я хочу угостить ими этого пришельца, который никогда не видал, как роятся наше пчелы». Пока обязательный инок устремился исполнять волю своего настоятеля, я с любопытством смотрел на это обширное царство мудрых насекомых, которые, как некий отдельный мир, часто назидательный для нашего, под руководством одной матери–царицы, деятельно трудились не столько для себя, сколько для чужого наслаждения; ибо все отнимает у них человек, не всегда пользуясь их примером труда, единства и послушания. Бесчисленный ряд ульев тянулся от самой беседки, где мы сидели, в глубину леса, и целое облако пчел роилось около каждого улья, наполняя все сие пространство шумом своей деятельности. Странно было слышать такое громкое жужжание, слитое вместе в тишине леса, как бы отдаленный гул толпы народной, собравшейся на какой-либо

подвиг. Не столь же ли малыми представляются и все величайшие деяния смертных при взгляде из иного, лучшего мира, если только они не обращены к тому, что есть единое на потребу, по словам Спасителя многозаботливой Марфе?

С вершины уединенной горы мы стали спускаться к пустыни Голосеевской, не выходя, однако, из дремучего леса, то глубоким оврагом, то узкою тропинкою, где невозможно было различиться; эконо́м пустыни, встретившийся нам на дороге, должен был осаживать свою малую повозку, доколе небольшое пространство между деревьев не позволило ему вытащить ее из глубокой колеи. Но какие деревья нас освоили! – серебристые тополи, яворы и клены, и развесистые дубы, и душистые липы с дикими яблонями и грушами на полянах. Южная природа щедро наделяет ими свои глухие дебри, когда северная едва видит их в ограде искусственных садов.

Наконец, при довольно крутом спуске нам открылись на тесной поляне между двух оврагов, поросших лесом, церковь и усадьба из нескольких домиков с малым садом внутри ограды. «Вот моя пустынь!» – сказал мне Владыка, с любовью указывая на свое отрадное жилище, где отдыхает он в безмолвии от трудов пастырских. Еще митрополит Петр Могила положил основание сей пустыни, соорудив в ней церковь во имя одного из Святых угодников родственной ему Молдавии, Иоанна Сочавского. Нынешний же Владыка полюбил уединенное место сие, имеющее точно нечто привлекательное, потому что оно выглянуло из среды густого леса, как яркий луч солнца из-за туч. Там устроил он себе малый скит с домовою церковию Иоанна Многострадального, чьи святые мощи вкопаны по перси в пещерах, и там он бывает точно как отец с детьми посреди окружающей его братии, большею частию из заслуженных иноков лавры, пришедших искать успокоения под сению той же пустыни. После трапезы я воспользовался кратким отдыхом Владыки до всенощной, чтобы идти с одним из монашествующих во глубину леса, к обрыву горы, отколе открывается дальний Киев. Он нам мелькнул вдали над глубоким провалом, между раздвинувшихся деревьев, как некое видение, плавающее в вечернем тумане, с румяными

призраками своих куполов и колоколен. Казалось, еще мгновение – и видение сие сольется с облаками, останется одна лишь ясная лазурь неба. Но вот оно все пред глазами, как апокалиптический образ Нового Иерусалима, исполняющий душу сладким восторгом – это просветы иного мира из оконца здешнего. Место сие служит для ежедневных прогулок Преосвященного утром и вечером. На самом краю утеса поставлена скамья под навесом деревьев; оттоле созерцая паству свою не только мысленным, но и чувственным оком, он осеняет ее своими благословениями и пастырскими молитвами, как бы с горнего места лавры Печерской или Софийского собора.

Печерская лавра

Я возвратился опять в лавру, что бы уже более не оставлять ее до самого отъезда, и часы, свободные от Богослужения, посвящать внимательному ее осмотру. По истине, на ней и доселе пребывает обетованное Преподобному ее основателю благословение Святой горы Афонской, и как выразился Блаженный ее летописец, так и сбылось: «Многие монастыри, от князей и от богатства поставлены, но не таковы они, каковы поставленные слезами и пощением, молитвою и бдением. Антоний не имел ни злата, ни серебра, но все стяжал слезами и пощением». Итак, вот в какую великолепную обитель обратилась двухсаженная пещера, где спасался на Берестове благочестивый пресвитер Иларион, будущий Митрополит всея Руси, и вот что произвел преемник его убогой пещеры, когда с простою верою он в ней помолился: «Господи, утверди меня в месте сем, и да будет на нем благословение Святой Горы и моего игумена, меня постригшего». Прошло несколько лет, и прославился Антоний в Русской земле; он начал принимать и приходившую к нему братию, совокупил их двенадцать в пещере ископанной с церковию и келлиями, и передав им благословение, первое от Бога, второе же от Святой Горы, поставил им гумена, а сам жил особно. Очень скоро тесными стали подземная церковь и горняя; Антоний посылает сказать Великому князю: «Княже мой, се Бог умножил братию, а место сие мало. Если бы ты нам дал гору, что над пещерою», – и радостно уступает гору сию Изяслав. Воздвигается церковь великая, с келлиями и оградою вокруг, оттоле прозвался Печерским монастырь, а прежде сего жили чернецы в пещере.

С такою евангельскою простотою описывает начало лавры один из первых ее постриженников; невольное благоговение проникает в сердце, когда вспомнишь, что возникло из сего убогого, но святого начала! Какой обильный свет пролился на всю Россию из мрака пещерного сей обители, которая, по словам Патерика, как море, не могла держать в себе ничего гнилого; уже в течение первых двух веков поставила она до

пятидесяти епископов из среды своих смиренных братьев на святительские кафедры. Так велика была святость места, что самые епископы готовы были сменять славу своего высокого сана на смиренное послушание игумену лавры, предпочитая день единый в доме Божией Матери тысячам на своих кафедрах; они даже завидовали участи нищих, валявшихся во прахе пред воротами обители. Князья же, Великие и удельные, ничего не предпринимали без благословения ее игумена и без молитвы над мощами основателя и пред чудотворною иконою Богоматери.

Как трогательно избрание Блаженного Феодосия в настоятели умножившемуся братству! «Поставь нам Игумена», – говорят иноки великому старцу своему. «Кого хотите?» – спросил Антоний, они же отвечали: «Кого хочет Бог и ты», и старец сказал: «Кто между вами больше Феодосия послушлив, кроток и смиренен, он да будет вам игумен». И братия, с радостью поклонившись старцу, поставили игуменом Феодосия. Их было только двадцать, но вскоре совокупилось сто, молитвенным рачением нового настоятеля, который искал для них правила иноческого и списал самый строгий устав Студийский, по случаю перенесенный из Царьграда одним греческим иноком. Феодосий уставил в монастыре своем, как петь пения и совершать чтения, и поклоны, и стояния в церкви, и сидения на трапезе, и весь чин церковный. «Отселе восприяли все монастыри устав Печерский», – говорит Нестор.

Таково было начало обители; не менее чудно самое основание ее соборной церкви Успения, небесиподобной, по словам современников. Небесным светом указано было место ее жителям пещеры, и над ним повторилось ветхозаветное чудо руна Гедеонова; по таинственному гласу от иконы распятого Господа к варяжскому князю Симону определена была долгота, широта и высота будущего храма златым поясом, украшавшим сие распятие, который, вместе с венцем его, принес Симон преподобному Антонию. Сам Великий князь Киевский Святослав стал копать основание церкви, виденной варяжским князем на облаках, и четыре искусных строителя внезапно пришли из Царьграда с платою за труды свои на три года вперед; они были

дивно посланы, двумя неизвестными старцами и благолепною Царицею из Влахерн, которая вручила им свою икону для залога Ее вечного покровы будущему храму и мощи семи мучеников в его утверждение; образ же храма виделся им также на облаках. И вот, сими старцами оказались Антоний и Феодосий, к общему изумлению их самих и пришельцев, а эта Царица была сама Владычица Небесных Сил, окружавших престол Ее во Влахернах; а чудная икона, изображающая Успение Ее на Сионе, чрез восемь столетий доселе висит над царскими дверями Успенского собора, источая исцеления притекающим. Десять лет спустя, уже по кончине Блаженных основателей, столь же чудно посланы были ими, как и при жизни, искусные иконописцы из Царьграда; они узнали лики Преподобных и, по данному ими обету, расписали благолепно храм Печерский.

Но ни первоначальным аввам и копателям пещер, ни даже ближайшим их сотрудникам и преемникам не суждено было видеть, как процвела поверх земли та лавра, которой глубокие корни полвека поливали они, потом своим и слезами в недрах родной земли. Антоний испросил только гору, а Феодосий успел лишь заложить первое основание великолепного храма в 1073 году. Стефан, его преемник, достроил каменное здание, обнес оградой и перевел братию из древней пещерной обители в новую; но и он оставил лавру прежде ее совершения. Великий игумен Никон, один из первых спасавшихся с Преподобным Антонием и постригший самого Феодосия, будучи призван после него в настоятели лавры, имел только утешение видеть ее расписанную пришельцами Цареградскими. Собор Успенский освящен был, наконец, через 36 лет после его основания, уже при игумене Иоанне и Великом князе Всеволоде митрополитом Иоанном с четырьмя епископами, которые чудно соединились на торжество сие из дальних своих епархий, как некогда лик Апостолов к успению Пречистой Девы; и день освящения, 14 августа, доселе празднуемый, ознаменовался еще год спустя торжественным перенесением нетленных мощей Феодосия из пещеры в основанный им храм.

Сия небесиподобная церковь, по сказанию современников, послужившая образцом для других благолепных храмов, была вся украшена с необычайною пышностью внутри и снаружи. Золотая мусия сияла вокруг на всех стенах и наипаче в алтаре, где дивно изобразилась сама собою чудная икона Богоматери над Горним местом пред глазами иконописцев Царьградских. Разноцветными мраморами был устлан помост, драгоценными камнями горели иконы, золотой крест водружен был на главе. Каменная обширная ограда охраняла обитель, и двойными воротами в нее входили, одними – князья и чины духовные, другими же – народ и выносились мертвые. «Чудно было поистине, – говорит Летописец Нестор, постриженный еще во дни блаженного Феодосия, – видеть черноризцев, коих совокупил Господь в обители своей Матери, как некие светила, из всех пределов Русской земли. Одни предавались бдению, другие проводили время в коленопреклонениях и постились чрез день и два. Кто питался только хлебом и водою, кто зелием вареным или суровым, и все пребывали в любви. Меньшие покорялись старейшине, не смея говорить пред ним, разве с великим послушанием; также и старейшие с любовью назидали младших, как возлюбленных детей своих. Если кто впадал в некое согрешение, два и три других брата добродетельные, разделяли с ним наложенную на него епитимию, ради утешений и великой любви. Если же кто удалялся из обители, все о нем печаль имели и убеждали возвратиться; убедив же, умоляли за него игумена и с радостию опять воспринимали. Таковы были божественная любовь, смирение и воздержание в тех святых братиях, которые доныне сияют и по смерти различными чудесами, как неугасаемые светильники, и молят Бога за оставшихся и всех работающих в обители Божией Матери».

Недолго, однако же, лавра Печерская наслаждалась первым своим благолепием. Еще во дни Нестора Летописца свирепый Боняк, хан половецкий, опустошил окрестности Киева при междоусобиях его князей и сжег в 1096 году близлежавший дворец Святого Владимира, на Берестове, и вторгся в самую обитель. Это случилось 20 июля на рассвете, во время отдыха

воинов, утомленных всенощным бдением; некоторые из них погибли, другие успели спастись в пещеры. Дикие враги ограбили келлии и церкви и сожгли весь монастырь, но у соборного храма сожгли только одни святые врата. Более десяти лет не могла оправиться лавра от сего страшного набега. Спустя полвека другие варвары, торки и берендеи, участвуя во вражде Ольговичей с Мономаховичами, ограбили также обитель Печерскую, а еще чрез восемнадцать лет сын Боголюбского с теми же дикими наемниками приступил к Киеву и расхитил сокровища лавры. Она сделалась опять жертвою пламени и скудно обновилась до совершенного ее разорения при общем разгроме монгольском. Свирепый Батый не пощадил ее святыни и разломал по окна небесиподобную церковь Успения. Иноки спасли только чудотворную икону, укрывшись с нею в пещеры, отколе выходили, по звуку тайного благовеста, совершать литургию в одном уцелевшем приделе.

Девяносто лет продолжалось такое насильственное состояние древней столицы под властью баскаков ханских, которые сами не хотели жить в ее развалинах, доколе наконец, другой язычник, Гедимин князь Литовский, не переселил ордынцев и не исторг у них наследия ослабевших князей Галицких. Властитель западный, хотя и не просвещенный христианством, не питал к нему, однако, враждебного чувства; он понял, что вера есть лучшее сокровище новых его подданных, крепко приверженных к древней своей святыне, и дал им наместником князя православного, племянника своего Миндовга, хотя и не из племени Рюрикова. Таким образом, род князей Ольшанских в течение полутора веков мирно управлял Киевом. Только в последний год четырнадцатого столетия и еще однажды в первых годах пятнадцатого подвергся опять сей древний труженик опустошениям татарским, последним порывам двухвековой бури, которая едва не стерла его с лица земли. Ордынский ха, Тимур Кутлуг излил на беззащитный Киев всю свою ненависть против мощного Витовта, князя Литовского, и чрез семнадцать лет другой хан, Эдигей, подступил к городу. Отраженный от его замка, он опустошил посады и лавру, истребив последнее ее достояние, ибо такова была ее

бедность, что она не более тридцати рублей могла внести за себя выкупа Тимуру.

Уже народ киевский привык к своим новым властителям, как к родовым князьям, и полюбил их за благочестие. Последний из Ольшанских, Симеон Олелькович, как бы предчувствуя конец мирного правления своего дома, пожелал иметь вечную по себе память в залог будущего благосостояния своей области восстановлением церкви Печерской из двухсотлетних ее развалин. Господь продлил жизнь благочестивого князя до того времени, пока не совершил он начатого дела, и к общему утешению всех граждан киевских, собор Успения вновь освящен был 3 декабря 1470 года, при архимандрите Иоанне, а на следующий год уже погребли в нем самого храмоздателя. Здесь открывается промысл Божий о вере православной, ибо лавра Печерская послужила рассадником и утверждением Православия в смутные времена гонений латинских; она одна устояла, молитвами преподобных своих основателей, когда все вокруг рушилось: и благосостояние гражданское, и порядок церковный. Надменный Казимир, король Польский, не хотел более дать никого из рода Ольшанских возлюбившему их Киеву и, лишив древнюю столицу княжеского достоинства, назначил туда первым воеводою гонителя Гастольда, исповедания латинского. Уже некому было вступить за Православие: новые митрополиты Киева, отделившись от Московских, жили в Литве, и к довершению бедствия в 1482 году, Менгли-Гирей, хан Крымский, внезапным набегом выжег опять лавру Печерскую; но она не совсем опустела, потому что сохранилась ее церковь.

Сечь Запорожская стала на пути набегов татарских и оградила святыню Русскую. Король Сигизмунд утвердил опять грамотою своею существование лавры в 1592 году, и с тех пор под мудрым управлением ревностных своих архимандритов, Никифора Тура, Петра Могилы, Иннокентия Газеля и других, она росла и крепилась, смело отражая от себя и от всего Православия все нападения унии, доколе не осенил ее своим широким крылом двуглавый орел Российский, который малым птенцом излетел из гнезда киевского и уже оперился в вековых

битвах. В начале XVIII века лавра Печерская испытала последнее свое бедствие, будучи вся истреблена страшным пожаром в 1716 году. Но великий обновитель своего царства спросил только: «Цела ли чудотворная икона Богоматери?» – и услышав, что спасена, сказал: «Итак, все сохранилось!» Он сдержал свое царское слово, и как бессмертная птица Востока, непрестанно возрождающаяся из пламени собственного костра, так лавра Печерская в новой славе возникла из пепла и доныне радуется собою православных. По исчислению стольких бедствий можно судить, сколько изменился внешний и внутренний вид древней небесиподобной церкви Успения Богоматери, хотя и доныне чрезвычайно благолепной.

Величественно представляется она от Святых врат лавры в семиглавом златом венце своем, как светлая Царица, утвердившая вечный престол свой на горах Киевских; на всех вратах ее лики преподобных и небесные лики, которые окружали престол Царицы Влахернской, некогда пославшей зодчих для созидания Себе дома Сего. Углубление западных дверей, все исписанное ликами Святых, как бы невольно вовлекает внутрь святилища молитвенною силою, его исполняющею, которая проникает сердце всякого, кто только приближается к сей древней сокровищнице молитвы. Первое, что поражает взоры входящего в храм, это Божественный дар небесной Царицы святым угодникам Антонию и Феодосию – икона Ее Успения, горящая вся драгоценными камнями, в златых лучах над царскими вратами, она сияет в полумраке святилища, как некое светило сего духовного неба, где видимо почивают лики Святых: с правой стороны Равноапостольный Князь, начало и главизна просвещения нашего; с левой – первый Святитель, крепким именем Архистратига Небесных Сил совершивший благочестивое желание Просветителя Руси в водах крещения, а подле него первый Архидьякон и великомученик Стефан, а со входа в церковь положены многие частицы мощей Преподобных Печерских и, наконец, сам великий основатель лавры Феодосий.

Припадем с благоговением к раке сего второго светила тверди Печерской, который, по выражению Нестора, как луна

совершенная, восприял ангельский свет жизни от солнца Антониева, внезапно просиял с бесчисленными звездами учеников своих. Вся его жизнь была одним молитвенным подвигом, ибо еще отроком много страдал он от матери за свои непрестанные бдения и, пламенно возжелав достигнуть земного Иерусалима, обрел небесный в пещере преподобного Антония. «О чадо, – сказал ему в духе пророческом блаженный отшельник, – скорбна и тесна пещера сия, ты же не стерпишь тесноты ее», и вот она расширилась его заботами в целую лавру.

Великий Никон, постригавший юношу Феодосия, сам сделался одним из его подначальных. «Виждь смирение мое и труд мой», – взывал псаломски юный молитвенник, проводя все ночи в славословии, и так протекала иноческая жизнь его. Напрасно мать искала возмутить мир его душевный и возвратить в дом отеческий; едва умоленный Антонием на свидание с нею, он сам ее убедил оставить все красное мира для вольной нищеты. Феодосий в сане пресвитера и игумена не изменил своего подвига, утвердившись в оставленных ему Антонием пещерах, где и над землею воссияло его благочестие сооружением церкви; но прежде всего искал он царствия Божия и правды его, и прочее все ему приложились. Князья и бояре притекали к нему за словом назидания, и умножившаяся вокруг него братия питалась духовным сотом его наставлений; для всех он был всем, по глаголу Апостола, подавая пример строгого послушания и непрестанных трудов, ибо его начальство состояло в служении меньшей братии Христовой, но уста его вооружены были правдою пред лицом сильных, и смирение не обращалось в потворство греху. Когда младшие братья свергли Великого князя Изяслава с престола отеческого, мужественно обличал их Блаженный старец словами писания. «Глас крови брата твоего вопиет к Богу, яко Авелевой на Каина», – говорил он Святославу и не хотел идти на зов его. Смирился властитель пред убогим отшельником и сам едва испросил себе дозволение взойти в обитель; когда же впоследствии Феодосий стал опять посещать палаты, он не престававал внушать князю покорность старшему брату.

Утешенный его приходом, Святослав воскликнул: «Если бы и отец мой воскрес из мертвых, истинно я бы столько же обрадовался его пришествию, и не боялся бы его больше преподобной души твоей!» «Если ты меня так боишься, – отвечал Феодосий, – то сотвори волю мою и возврати брату твоему старейшему престол, данный ему отцом твоим». – Не только в палатах, но и в церкви изъяслял он такую же приверженность к законному князю, ибо велел у себя в лавре поминать в Богослужении сперва Изяслава, а потом Святослава. И несмотря на то, благоговел к нему державный, и сам трудился при создании его лавры. Однажды Феодосий нашел князя играющим на органах и гусях и, молча воссев подле, опустил взор, потом же сказал: «Будет ли все сие так и в ином веке?» Умилился Святослав, велел умолкнуть органам, и уже с тех пор никогда не было слышно гласа мусикийского в присутствии Святого. Обильна и трогательна повесть о милостыне и чудесах Преподобного, которыми прославил его Господь еще при жизни и память коих доселе жива в его обители. Когда же возлюбивший его Бог открыл ему благовременно час блаженной кончины, Святой старец призвал князя и всю братию и, поручив его покровительству свою лавру, назначил по себе преемником Стефана; он наставил иноков последним поучительным словом и обещал духом всегда пребывать с ними, тело же молил погребсти в пещере, где протекла большая часть его труженической жизни. Тогда оставшись один, болящий пал на колени и в пламенной молитве предал Богу чистую свою душу.

Когда освящена была соборная церковь, братия Печерская единодушно молила игумена Иоанна не лишать их присутствия Блаженного отца своего Феодосия; вопреки его завету, нетленное тело ископано было из пещеры и с чрезвычайным торжеством перенесено всеми епископами, бывшими в Киеве, во внутренность храма, которому только одно основание успел положить Преподобный. Церковь и доселе празднует память сего события накануне храмового праздника лавры; но чрез полтора века исполнилось смиренное желание отца иночествующих: святые мощи его опять были сокрыты под

спудом во время нашествия монгольского. Мы поклоняемся только месту их вторичного погребения в храме, как и гробнице великого Антония в пещарах, посреди такого богатства нетленных телес их учеников и последователей. Лики их изображены вокруг гробницы Феодосиевой и по стенам соборным в звездах, ибо Преподобный Нестор сравнивает лавру Печерскую с твердью Российского неба, которое просияло столькими духовными созвездиями. С ними вместе изображены, на западной стене, и благодетели лавры Печерской, Великие князья и удельные, начиная от трех сыновей Ярослава.

Каменная гробница одного из позднейших ее благодетелей находится в левом углу собора, позади раки с частицами Преподобных. Столетний князь и воевода Константин Острожский, самый ревностный поборник Православия в горькую эпоху гонений униатских, который защитил Киев и всю южную Русь славою громкого своего имени и возбудил угасшее просвещение учреждением училищ и типографий, изваян весь из камня в броне воинской поверх своей гробницы. Конечно велико было к нему уважение современников, если лавра Печерская приняла его в соборный храм на столь почетное место. Еще три великих мужа погребены во внутренности церкви, около левого ее клироса, хотя и не с таким великолепием. Двое из них со славою послужили Церкви и отечеству – это знаменитый митрополит Петр Могила, памятию коего исполнен весь Киев, ибо живительная рука его напечатлелась на каждом из священных останков древней столицы Православия, и достойный его преемник по духу и учености, архимандрит лавры Иннокентий Газель, третий из погребенных, гроза оттоманов Задунайских.

По древнему обычаю церковному, семь Вселенских соборов, напоминающих молящимся пастырям и пасомым о незыблемом православии Церкви, изображены ближе к алтарю, на боковых окнах и столпах, поддерживающих хоры. Великолепный пятиярусный иконостас, устроенный хотя и после пожара, но в древнем вкусе, с ликами Праотцев, Пророков, Апостолов и дванадесатью праздниками, которые постепенно восстают над нижним рядом местных, богато украшенных икон.

Царские двери под чудотворным образом Успения вылиты из серебра – это благочестивый дар боярина Шереметева, сподвижника Петрова на поле битвы и в украшении храмов. Когда же отверзаются великолепные врата, открывается все благолепие дивного алтаря Печерского: обширный престол его окован серебряными досками со священными изваяниями усердием дочери Петровой, которая благоговела к древней святыне Киева; кругом его, по стенам, лики молящихся Иерархов, а над Горним местом, которое устроено в древнем вкусе глубоким полукружием, с кафедрою святительскою и седалищами у ног его для сослужащих пресвитеров, великолепно изображена Вечеря Тайная. Господь Иисус Христос с двенадцатью апостолами во весь рост в позлащенных окладах восседает за Божественною Вечерею, повторение коей совершается ежедневно на противостоящем престоле. Внутри сей новой горницы Сионской невольно исторгается из уст божественная песнь Великого Четвертка: «Приидите верные, на Горнем месте насладимся Владычним угощением и Бессмертною Трапезою, возвышенными умами из слова научаясь познанию восшедшего паки ко Отцу Богу Слова, Которого величаем».

Кроме алтаря соборного, есть еще девять приделов внизу и на хорах великолепного храма. С южной стороны примыкают к алтарю два придела, во имя Архангела Михаила и Иоанна Богослова; в последнем хранится древняя икона Феодоровской Божией Матери. Пред нею молился Святой мученик Князь Игорь, когда повлекли его на страдальческую кончину, и сия свидетельница невинной кончины уцелела после самого разрушения обители Отчей, где он спасался, как бы в обличие убийц его и для прославления его памяти. С северной стороны один только придел, устроенный князьями Борецкими во имя Архидьякона Стефана; там положена была и часть мощей его, принесенная в 1717 году из обители Нямецкой архиепископом Романским Пахомием. Под нею усыпальница многих именитых родов княжеских, Ольшанских и Острожских, гетманов Малороссийских и православных воевод Киевских, епископов и архимандритов лавры. Придел Святого Иоанна Предтечи,

находится в северо-западном углу собора, а противоположный ему, Трехсвятительский, занят ныне ризницею лавры. На пространных хорах четыре престола: во имя просветителя Руси, апостола Андрея Первозванного, коего память особенно почитается в Киеве, и Преподобного отца иночествующих Печерских Антония, – с правой стороны; а с левой – Блаженного его сотрудника Феодосия и Преображения Господня; ибо вся прославленная гора Печерская сделалась святым Фавором земли Русской, где просияла Слава Единородного в бесчисленном лике учеников его, по гласу благоволившего о Нем Отца.

К югу от великой церкви братская трапеза, построенная в начале прошедшего столетия на развалинах древней, составляет довольно обширное здание с примыкающими к ней службами, а в ней отдельная церковь во имя верховных Апостолов. А в близлежащих настоятельских келлиях еще две церкви: одна весьма обширная, во имя Святителя Михаила, где совершается в зимнее время Богослужение, другая же крестовая, во имя чудотворца Митрофана; обе недавно устроены благочестием нынешнего настоятеля лавры Печерской. Здание типографии к востоку от собора, а к северу и западу два и три ряда келлий соборных и братских расположены правильными улицами, по направлению Святых и Северных ворот лавры, с малыми впереди них цветниками и длинными аллеями орехов. Келлии сии дают ей подобие целого города духовных граждан который обнесен твердынею видимых стен и невидимой молитвы Преподобных его основателей.

В обширной ограде, сооруженной гетманом Мазепою на пространстве более версты вокруг всей лавры, трое врат открывают в нее благоговейный вход. К востоку от соборной церкви, в полугоре, Пещерные врата, чрез которые теснится непрестанная вереница богомольцев в Ближние и Дальние подземелья Антония и Феодосия. К западу, прямо против собора, Святые врата, богато украшенные ликами Преподобных, которые встречают соборно другой лик – Благоверных князей Русских, к ним притекавших на земле и с ними обитающих на небесах. Здесь все заступники земли

Русской, прославившиеся духовно в южных ее пределах и наипаче в Киеве. Над воротами церковь Пресвятой Троицы, которую православно исповедал сонм сих праведников, чина мирского и духовного. Первые Святые врата лавры с тем же храмом устроены были еще в 1106 году Блаженным вратарем их, правнуком великого Ярослава, князем Черниговским Николою, прозванным Святошею за свое благочестие, мощи коего нетленно почивают в Ближних пещерах.

«Преходит образ мира сего, и Господь многожды низлагал престолы князей», – так помышлял благочестивый потомок Святого Владимира и предизбрал лучшую часть оставленного им наследия, – Царство Небесное вместо земного. Он постригся в раннем возрасте в лавре Печерской и смиренно исполнял самые тяжкие послушания, несмотря на убеждения братьев своих, Изяслава и Давида, князей Черниговских, дабы возвратился в дом отчий. Три года служил инок братии своей духовной в поварне и столько же при трапезе и три года как ревностный вратарь охранял Святые врата. Тогда только уединился в келлии, где провел еще тридцать лет в строжайшем посте, возделывая малый сад и с помощью врача своего призирая болящих, для коих устроил богадельню подле Святых ворот, с церковию во имя своего Ангела. Часто убеждал князя искренне приверженный к нему врач воздержаться от непомерных подвигов для сохранения жизни и не работать черноризцам, как бы купленный ими раб; он представлял ему в пример благочестивых предков, спасавшихся иным путем, но Блаженный Святоша отвечал: «Брате мой, довольно рассуждал я о здравии души и убедился, что неблагоприятно щадить плоть, дабы она не восстала на дух. Если же изнеможет, то тогда в немощи моей совершится сила Божия, ибо, по слову Апостола, нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас (Рим. 8:18.). Благодарю Бога, что он сделал меня рабом своим рабам черноризцам, ибо я, будучи князем, в лице их работаю Царю царей. Братия мои по плоти пусть довольствуются землею моею областию, которую им оставил, обнищав Христа ради для иного царства. Для меня же жизнь – Христос, и смерть –

приобретение (Флп. 1:21). Если же и никто из князей Российских до меня так не действовал, пусть буду я предводителем их по следам Царя Небесного, дабы хотя отселе кто-либо поревновал моему примеру».

Слова Блаженного Николы подтверждались знамениями. Он исцелил молитвою самого врача, когда сей, испытав бессилие земных лекарств, доверился наконец целебной силе Князя; по его убеждению, постригся иноком врач, умолив Преподобного, который уже имел предчувствие о своей кончине, испросить ему у Господа милость умереть вместо него, дабы сам Никола ангельскою жизнью послужил на спасение многим. Исполнилась благочестивая молитва: князь–инок еще тридцать лет сиял своими добродетелями в лавре; после же блаженной кончины, власяница его исцеляла болящих и служила броней воинскою единокровным князьям.

На месте его богадельни доселе существует монастырь Больничный с церковью чудотворца Николая. Таким образом, три отдельных обители – Ближних и Дальних пещер и Больничная – обретаются внутри обширного иноческого мира лавры; каждая из них имеет по несколько церквей и приделов, особенно же в Дальних пещерах, где, кроме подземных, две внешние большие церкви, Зачатия и Рождества Богоматери, вместе с келлиями братскими составляют сами по себе пространный монастырь. Над Северными, или Экономскими, воротами лавры есть еще церковь во имя Всех Святых, дабы никто из тайных угодников Божиих, спасавшихся в безмолвии пещер, не лишился, по своему смирению, подобающей ему славы и от воинствующей Церкви, подобно как все ликуют с небесною своею братиею в сонме торжествующей Церкви.

Недалеко от сих ворот, вне ограды, находится древняя церковь Преображения Господня, сооруженная еще Равноапостольным князем Владимиром в любимом селе его Берестове, где он и скончался. Там же погребены были правнук его Долгорукий, столько возмущивший родную землю междоусобиями, который достиг наконец престола великокняжеского, чтобы только успокоить прах свой в уединении Берестовском. Там и сын его Глеб, недолго

княживший, и сестра София, королева Венгерская, и кроткая его мать Евфимия, супруга великого Мономаха. Кто знает место гробов их, после стольких разорений? Недалеко от сего храма находилась другая церковь, Верховных Апостолов, воздвигнутая также Равноапостольным князем, где был пресвитером Блаженный Иларион до своего избрания в митрополию Киевскую; оттоле ходил он для безмолвной молитвы за левый берег Днепра, в малую ископанную им пещерку, в которой поселился потом Преподобный Антоний. Это было началом Дальних пещер лавры. И как тот священный родник, отколе брызнул сей первый ключ живой воды, спасительно оросивший гору Печерскую и разлившийся многими реками по всей России. Но теперь неизвестно и самое место бывшей Петропавловской церкви.

Спасская, уцелевшая по своему каменному зданию от разорения монгольского, принадлежит к древнейшим памятникам Киева и доселе свидетельствует о вкусе тогдашних художников. Живопись некоторых икон показывает следы Византийского искусства, и, вероятно, они были обновлены по древним чертам. Великий обновитель всего разоренного в Киеве, митрополит Петр Могила, поднял и ее из развалин, как видно из существующей доселе на стенах греческой надписи, и украсил священною утварию. Туда перенес он на время честную главу почившего в ее соседстве Князя Владимира, но потом, для большей безопасности, в самую лавру; а Великий Петр оградил священный памятник древности от набегов неприятельских, включив его внутрь крепостной ограды. Но созидавая крепость, он уничтожил монастырь женский во имя Вознесения Господня, ставший против самых Святых ворот лавры, где теперь арсенал, и перевел инокинь его в нижний город, в обитель Флоровскую. Подле Святых врат доселе существует церковь Преподобного Феодосия, некогда деревянная, ныне же каменная, которая сооружена была в память перенесения мощей его из пещеры в лавру; ибо на этом месте остановились с честною ракою иноки для отдохновения и поставили ее на обрубок дерева, хранящийся под престолом храма.

Я взошел на величественную колокольню лавры, начатую при Императрице Анне и оконченную при Елисавете, в ней четыре яруса разнородных колонн Дорического, Ионического и Коринфского ордена. Высота ее 47 сажень с крестом. Она почитается высочайшею из всех колоколен Российских и, по своему нагорному положению, видна более, нежели за тридцать верст по Московской дороге; с ее же вершины взор достигает до города Козельца, на расстоянии семидесяти верст. Вся панорама Киева, Днепра и живописных окрестностей открывается стоящему на последнем ярусе столпа сего, вполне достойного лавры, в которую зовет он на молитву мерным гласом своих колоколов. Жадно разбегаются взоры по сему очаровательному и разнообразному чертежу вод и гор, лесов и полей, повсюду украшенному каким-либо священным зданием. Потом опять сосредоточиваются они на одной живописной массе Киева, двухъярусного – горного и дольного, разделенного садами и оврагами и сияющего Божиими храмами; наконец, утомленные, падают прямо на Святую лавру в ее пещеры, как на единый мирный приют посреди сей тревожной картины.

С племянником Владыки, отцом Антонием, приятным и радушным спутником многих моих хождений внутри лавры и по ее окрестностям, совершил я сей последний восход и уже полагал, что успел в короткое время видеть все достойное внимания в стенах обители; но митрополит озаботил меня вопросом: «А видел ли ты юдоль Преподобных Антония и Феодосия и был ли на их кладезях?» Я же не знал и о их существовании. Тогда кроткий пастырь, обратясь с улыбкою к своему племяннику, сказал ему: «Отведи его в сию долину, и пусть почерпнет там воды из струи, освященной руками Преподобных, ибо место сие еще дико и отрадно, как во дни Святых отшельников. Немедленно вышли мы чрез Пещерные врата из стен лавры и, минуя крытый ход Ближних и Дальних пещер, несколько повыше их достигли до каменной церкви Зачатия Богоматери, что над самым холмом Дальних пещер Феодосиевых. Там насладившись зрелищем лавры, которая величественно восставала пред нами по уступам гор, мы стали спускаться крутою стезею в глубокую дебрь, поросшую

вековыми тополями и яворами, доколе не обрели на дне оврага малый кладезь, – это был Феодосиев.

По другую сторону оврага, под сению развесистых деревьев, находился иной кладезь, более обделанный, со скамьями вокруг него, – это был Антониев. Сюд, с противолежащих холмов сходились, каждый к своему роднику, Преподобные основатели лавры, из мрака пещерного на Божий свет, нося на старческих раменах тяжелые водоносы, для утоления не одной лишь своей жажды, но и подначальной им братии; ибо они первые подавали во всем пример смирения и послушания. Здесь, быть может, во глубине дебри, встречали они друг друга ангельским приветом и менялись назидательным словом; и Феодосий припадал к стопам отца иночествующих, и Антоний взаимно воздавал ему честь пресвитерского сана, которого чуждался сам по смирению. О безмолвная дебрь, зачем так глубоко хранишь ты тайны их уединенной беседы в своих недрах? Что же ни одно ее ангельское слово не отзовется жадному слуху? Кто бы ни пожелал, как некогда Самарянина, напоить жаждущую свою душу благочестия водами и зачерпнуть струю живую, текущую в вечность, из кладезя сих двух Блаженных последователей. Долго сидели мы при кладези Антониевом, и безмолвствовали, как бы ожидая чего-то таинственного из его священного устья. Безмолвствовала вокруг и вся природа, разделяя священное молчание юдоли Преподобных; слышался только тихий шелест листьев густой дубравы и голос птиц, которые пели свои воздушные песни в недоступной для нас высоте, как райские гости, залетевшие в сей новый Эдем Преподобных.

На другой день удостоился я вкусить в раю пещерном, возделанном их руками, Божественные Плоды Древа Жизни, вновь для нас процветшего, – приобщиться Животворящего Тела и Крови Господа Иисуса Христа в подземной церкви Преподобного Феодосия. Сам Владыка совершал Божественную литургию с настоятелем Дальних пещер и схимником, отцом своим духовным, который мысленно живет уже за пределами гроба. Чудно было видеть служение святительское и слышать пение ликов во мраке и тесноте пещеры. Когда узкими вратами,

как бы вратами Небесного Царствия, исходил он из глубины темного алтаря в светящейся ризе и митре и осенял церковь, внезапный свет осиявал пещеру; нечто неземное представлялось в лице святителя, воздевшего руки свои горе; а два иподиакона по сторонам его, также в светлых одеждах и в вертепе, напоминали радостных вестников воскресения Христова из упраздненного гроба. Когда же опять, с удалением святителя во глубину алтаря, водворялся мрак при слабом мерцании лампад иконостаса, в боковых отверстиях пещеры появлялись огни из дальних ее переходов и потом опять исчезали; люди мелькали как призраки, каждый минутно озаренный свечью, которую держал в руках; это были мимоходящие богомольцы, совершавшие набожное поклонение кругом всех пещер. Страшно и утешительно было слышать призывный глас дьякона: «Со страхом Божиим и верою приступите», ибо малое число молящихся в тесноте подземелья казалось умноженным давними жителями сих пещер, которые искреннее нас уже приобщаются Христу в невечернем дне Царствия Божия.

Праздник Успения

Настало время светлого торжества, для первопрестольного Киева, в день предпразднства Успения Пречистой Девы, Которая искони утвердила дом Свой на горах Киевских. Ее честному собору, по Рождестве Бога Спаса, праздновала древнейшая Десятинная церковь, а в Святой Софии венчается самое Рождество Пречистой Матери; наконец, в лавре Печерской с великою радостию духовною чествуется день Ее Успения, ибо сохранившая девство в рождестве, и в успении не оставила мира, молитвами своими спасая от смерти души наши. «Люди, предиграйте, – воспевают Церковь, – руками плещуще верно, и любовью соберитесь, днесь радуящиеся и светло восклицающе все веселием: Божия бо Мати имать от земных к вышним приити славно, Юже песньми присно, яко Богородицу, славим». Но в тот же день и другое воспоминание церковное, близкое сердцу лавры: перенесение честных мощей Преподобного отца ее Феодосия Печерского, и ему поет собранная им паства: «Наследник отцев быв, Преподобне, тех же последовал еси житию, учению, нраву в воздержании, молитве же и предстоянии; теми, яко имея дерзновение ко Господу, прощение прегрешений и спасение испроси вопиющим ти: радуйся, отче Феодосие».

Митрополит, неутомимый на молитву, совершив накануне Божественную литургию в Дальних пещерах, где были обретыны нетленные мощи Святого Феодосия, как бы следуя духовно за их перенесением, опять священнодействовал в том храме, куда внес их некогда с великим торжеством собор епископов Русских. Утешительно было слышать над самою ракою Преподобного молебный глас к нему о заступлении собранного им стада и Церкви, которая прежде всех своих праведников его первого причла к лику Святых. Вечером того же дня другое, более торжественное служение совершилось в соборной церкви: погребальная всенощная Успения Богоматери, частью своих молитв и обрядов напоминавшая глубокую утренню Великой Субботы.

«О дивное чудо! – восклицает изумленная Церковь, духовно созерцая с ликами Ангельскими, како Дева восходит от земли на небо. – Источник жизни во гробе полагается, и лестница к небеси гроб бывает. Веселися, Гевсимание, Богородичен святой доме, возопиём верные, Гавриила имуща чиноначальника: Благодатная, радуйся, с тобою Господь, подавай миру Тобою велию милость».

«Дивны Твои тайны, Богородице! Вышнего Престол явилася еси, Владычице, и от земли к небеси преставилася еси днесь, слава Твоя боголепная богоподобными сияет чудесы. Девы с Материю Царевою на высоту возноситеся; Благодатная, радуйся, с Тобою Господь, подавай миру велию милость».

Твое славят Успение Власти и Престолы, Начала и Господства, Силы и Херувимы и страшные Серафимы, радуются земнородные о Божественной Твоей славе красящиеся; припадают Цари со Архангелы и Ангелы и воспевают: Благодатная, радуйся, с Тобою Господь, подавай миру Тобою велию милость».

Вся пространная церковь лавры наполнена была народом, стекшимся из Дальних краев России на сие священное торжество. Открылись царские врата для полиелея: митрополит с двумя епископами, шестью архимандритами и всем клиром, в полном великолепии своего сана вышел на средину церкви величать Честнейшую Херувим. Началось стихословие семнадцатой кафизмы: «Блажени непорочнии в путь, ходящие в законе Господни», подобно как то бывает над Плащаницею Божественного Сына Пречистой Девы в день Его гробового покоя, и Святители трижды обходили церковь с кадилом в руках по чину Великой Субботы. Спустилась пред царские врата и чудотворная икона Богоматери после шестой песни ее трогательного канона; Владыка, окруженный духовным собором подобно апостолам, сошедшимся на Сион для погребения Матери Слова, читал в слух всей церкви торжественный акафист Ее Успения, как бы пред лицом самой Царицы Небесной, и во всех сердцах отзывалось ангельское приветствие: «Радуйся Обрадованная, во Успении Твоем нас не оставляющая!»

В глубокую полночь окончилась всенощная, и величественно было видеть обратное шествие митрополита из собора в свои келлии в сопровождении клира, который освещал путь его во мраке, при густом реве всех колоколов лавры. На следующее утро, в самый праздник Успения, после водоосвящения, Преосвященный викарий со всем духовенством, предшествуемый хоругвями и иконами, совершил крестный ход вокруг лавры, начиная от Северных врат ее, мимо Святых и до Пещерных; он останавливался перед каждым вратами для литии, и окроплял древние стены и толпу богомольцев. Митрополит священнодействовал сам Божественную литургию с таким же духовным торжеством, как и всенощную, при том же числе сослужащих епископов и архимандритов, и сказал назидательное слово, приличное торжеству дня. С большим утешением всегда внимал я его проповеди, потому что он говорил без приготовлений, большею частию на текст дневного Евангелия, которое дьяконы держали перед ним отверстым у амвона, и он, опираясь на свой посох, изливал в простой речи свое сердце, проникнутое любовью к Господу Иисусу. Его святое имя беспрестанно слышалось в устах святительских, и сие невольное повторение, проистекавшее от пламенной веры, производило сладкое впечатление на душу. Я видел людей всякого звания и возраста, глубоко тронутых проповедью, которая не заключала в себе изысканной витиеватости, но ее красноречие вытекало из сердца, и потому находила она себе отголосок.

Многочисленные столы для нищей Христовой братии накрыты были кругом всего собора; митрополит, возвращаясь в келлии, благословил их на вкушение пищи; но набожная толпа более жаждала пастырского благословения, нежели трапезы и теснилась около него больше чем вокруг столов. Всеми уважаемые начальники того края с властями светскими и духовными собрались в келлии Преосвященного приветствовать его с общим торжеством лавры и Киева; он пригласил желающих на братскую трапезу в церковь Петра и Павла, и патриархальный обед сей, при обычном чтении и возношении

хлеба в память Пресвятой Девы, напоминал древние времена Церкви. Так окончилось торжество.

Я воспользовался остатком вечера, чтобы проститься с моими киевскими знакомцами, которые столь радушно меня приняли, потому что на другой день уже готовился в обратный путь. Хотя собирались тучи и полился дождь, не хотел я, однако, оставить Киева, не посетив еще однажды любимой моей церкви Первозванного Апостола. Я обошел в последний раз кругом ее живописной паперти, быстро обегая взорами окрестность, омраченную непогодой, взшел и во внутренность храма, во глубину алтаря; там все было тихо и мрачно. В уединении помолился я моему Ангелу, просветителю нашей отчизны; когда же опять вышел на паперть и стал спускаться с ее высоких ступеней, багровый свет проглянул из-за черных туч над горою Олега; там садилось солнце.

Праздник Нерукотворенного образа Спасова встретил я на молитве в Ближних пещерах и, отслушав там последнюю литургию в церкви преподобного Антония, простился с ликом праведников, почивающих под его сению. Уже все было готово к моему отъезду; добрый Владыка удержал меня еще на трапезу, потом привел в свою прекрасную молельню и, благословив иконою Успения и Преподобных, сказал: «Мы простимся там, где и свиделись. Сядь и посмотри еще однажды на духовные сокровища Ближних и Дальних пещер. Насладись в последний раз сим великолепным зрелищем, чтобы оно глубже запечатлелось в твоей душе, и потом мы помолимся». Молча сели мы друг против друга, я смотрел в окно, но все казалось мне в тумане, потому что невольная слеза застилала предо мною очаровательные виды. «Теперь время, – сказал, поднявшись, Владыка и осенил меня крестом. – Бог да благословит жизненный путь твой!» Но утреннее смущение лишило меня слов; так мы расстались. Радушный мой спутник, отец Антоний, и отец Наместник, благосклонно меня принявший в лавру, провожали меня до Святых ворот. Там, пред ликами Преподобных ее основателей, наместник окропил меня Святою водою и молитвенно вывел за ограду. С сердцем, исполненным грусти, оставил я святую обитель и стал спускаться к Днепру по

горам Киевским в сопровождении одного из сослуживцев прежней военной жизни, который накануне приехал в Киев, чтобы увидаться со мною после долгой разлуки. Мы вспоминали о лучших днях молодости, и настоящее казалось для нас бледно пред минувшим. В дружеской беседе нам незаметно было, как перешли мы длинный Днепровский мост. Я простился с ним по ту сторону реки, уже в пределах Черниговских. Так много впечатлений нечаянно стеснилось в душе моей в последнюю минуту расставания с древнею столицей.

Медленно подвигался я по глубокому песку вдоль берега до новой дороги, имея пред собою великолепное зрелище Киева. Вечернее солнце, беспрестанно выглядывая из-за дождевых облаков, бросало яркие лучи на его бесчисленные храмы и на окрестные горы и долины с чудными переживаниями света и мрака, как искусный художник, последними резкими чертами гениальной кисти довершающий главные предметы своей картины. Вся священная лавра облеклась в одну белую ризу, которой пышные воскрылия широко расстилались по зеленым коврам Печерским. Она увенчала златыми митрами многоглавое чело свое, и, как фимиам кадильный, поднялся от нее легкий туман; казалось, сонм Святительский на молитве; открылись и медные уста ее... голос их, считая время, вещал о вечности! Не мог я оторвать взоров от сего очаровательного вида, хотя уже быстро мчался по большой дороге, доколе все ни исчезло в чаще леса. Но с каждого пригорка через верхи деревьев мне опять являлась та же великолепная картина в умаленных размерах; долго еще подымался на горизонте царственный скипетр державного Киева, колокольня Печерская; наконец и она скрылась, осенив меня златым крестом своим.